

ЕСТЬ И ДРУГИЕ МИРЫ, КРОМЕ ЭТИХ

СТИВЕН КИНГ

БЕСПЛОДНЫЕ
ЗЕМЛИ

ТЁМНАЯ БАШНЯ

Темная Башня

Стивен Кинг

Бесплодные земли

«АСТ»

1991

УДК 821.111-313.2(73)

ББК 84(7Coe)-44

Кинг С.

Бесплодные земли / С. Кинг — «АСТ», 1991 — (Темная Башня)

ISBN 978-5-17-982575-3

Юный Роланд – последний благородный рыцарь в мире, «сдвинувшемся с места». Ему во что бы то ни стало нужно найти Темную Башню – средоточие Силы, краеугольный камень мироздания. В долгом и опасном пути его сопровождают люди из реального мира – мелкий воришка-наркоман и женщина с раздвоенным сознанием. Путникам противостоит могущественный колдун – «человек в черном», некогда предсказавший Роланду судьбу по картам Таро...

УДК 821.111-313.2(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-982575-3

© Кинг С., 1991

© АСТ, 1991

Содержание

Предисловие автора	5
Джейк: Страх в горстке страха	8
Глава I	8
1	8
2	15
3	16
4	17
5	19
6	22
7	23
8	24
9	24
10	27
11	27
12	29
13	31
14	33
15	36
16	37
17	38
18	39
19	40
20	42
21	43
22	44
23	46
24	50
25	50
26	51
27	56
28	57
29	61
30	63
31	66
32	68
Глава II	69
1	69
2	73
3	75
4	78
5	79
6	82
7	84
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Стивен Кинг

Бесплодные земли

*С благодарностью посвящаю третий том этой истории моему
сыну ОУЭНУ ФИЛИПУ КИНГУ.
Кхеф, ка и ка-тет*

Предисловие автора

«Бесплодные земли» – третья книга долгого повествования, навеянного и до какой-то степени основанного на поэме Роберта Браунинга «Чайлд Роланд к Темной Башне пришел»¹.

В первой книге, «Стрелок», повествуется о том, как Роланд, последний стрелок из мира, который «сдвинулся с места», преследует и наконец настигает человека в черном, колдуна по имени Уолтер, который обманом завоевал дружбу отца Роланда в те давние дни, когда мир не утратил еще своей целостности. Погоня за этим недочеловеком-чернокнижником не являлась конечной целью Роланда. Эта погоня была лишь, скажем так, еще одной дорожной вехой на пути к могучей и таинственной Темной Башне, что стоит в узле времени.

Кто такой Роланд? Каким был его мир до того, как «сдвинулся с места»? Что это за Башня и почему он так к ней стремится? Ответы есть, но они отрывочны. Ясно, что Роланд – своего рода рыцарь, одержимый мечтой удержать (или, может быть, восстановить) тот мир, который он помнит как «исполненный любви и света». Но насколько этот мир соответствует воспоминаниям Роланда, остается, однако, неясным.

Мы знаем, что Роланд рано прошел обряд инициации и получил право зваться мужчиной. Случилось это после того, как он обнаружил, что его мать стала любовницей Мартена, колдуна, который был много могущественнее Уолтера. Мы знаем, что Мартен специально подстроил так, чтобы Роланд узнал об измене матери, – подстроил, надеясь, что парень не выдержит испытания и его «изгонят на Запад», в пустынные земли. Мы знаем, что Роланд разрушил планы Мартена, с честью пройдя боевое крещение.

Еще мы знаем, что мир Роланда неким непостижимым образом тесно связан с нашим миром и что иной раз бывает возможно пройти из одного мира в другой.

На заброшенной дорожной станции у бывшей торной дороги, что пролегает через пустыню, Роланд встречается с мальчиком по имени Джейк, который погиб в нашем мире: кто-то столкнул его с тротуара на углу одной из улиц Манхэттена прямо под колеса автомобиля. Умирая, Джейк Чеймберз увидел, как над ним наклоняется человек в черном – Уолтер, – и очнулся уже в мире Роланда.

Как раз перед тем, как они настигают человека в черном, Джейк умирает опять... на этот раз потому, что Роланд, второй раз в жизни поставленный перед мучительным выбором, решает все же пожертвовать своим – в символическом смысле – сыном. Вынужденный выбирать между Башней и ребенком, Роланд отдает предпочтение Башне. Прежде чем упасть в пропасть, Джейк успевает сказать Роланду: «Тогда иди – есть и другие миры, кроме этого».

Последняя схватка, последнее противостояние Роланда и Уолтера происходит на запыленной голгофе, усыпанной разлагающимися костями. Человек в черном гадает Роланду на картах Таро, приоткрывая будущее. Особенное внимание Роланда привлекают три очень странные карты: Узник, Госпожа Теней и Смерть («но не твоя, стрелок»).

¹ В переводе на русский язык В. Давиденковой эта строка звучит так: «Роланд до Замка Черного дошел».

Действие второй книги, «Извлечение троих», начинается на берегу Западного моря вскоре после того, как завершилась последняя схватка Роланда с Уолтером. Обессиленный стрелок просыпается в самый глухой час ночи и видит, что волны прилива вынесли на берег ползучих чудовищ – плотоядных омарообразных тварей. Прежде чем он успевает убраться за пределы их досягаемости, одна из ползучих тварей наносит Роланду серьезные раны. Стрелок лишается двух пальцев на правой руке. Вдобавок к этому твари оказываются ядовитыми. Роланд возобновляет свой путь на север по берегу Западного моря, но яд начинает действовать... стрелок слабеет... может быть, уже умирает.

По пути ему попадаются три двери, стоящие прямо на берегу. Открыть их способен только Роланд, и никто другой. Все они открываются в наш мир – а точнее, в тот самый город, где когда-то жил Джейк. Трижды Роланд посещает Нью-Йорк, каждый раз попадая в новый отрезок времени, с целью спасения собственной жизни и извлечения тех таинственных троих, которые призваны стать его спутниками на пути к Башне.

Эдди Дин (Узник) – наркоман, пристрастившийся к героину в Нью-Йорке конца 80-х годов. Шагнув из своего мира через дверь на берегу, Роланд оказывается в сознании Эдди Дина, когда тот, подвизавшийся в качестве перевозчика кокаина у некоего Энрико Балазара, сидит в самолете, совершающем посадку в аэропорту имени Джона Кеннеди. В ходе их совместных рискованных походов Роланду удается раздобыть себе немного антибиотика и перетащить Эдди Дина в свой мир. Эдди, наркоман, обнаруживший, что в мире, куда его перенес Роланд, никакой наркоты нет и в помине (равно как нет и жареных цыплят), само собой, не испытывает никакой буйной радости от здешних красот.

Вторая дверь выводит Роланда к Госпоже Теней, а если точнее, к двум женщинам, заключенным в одном теле. На этот раз Роланд оказывается в Нью-Йорке конца 60-х и сталкивается с юной активисткой, прикованной к инвалидному креслу, ярой поборницей гражданских прав черного населения Америки – Одеттой Холмс. Но под оболочкой Одетты таится еще одна женщина: коварная и преисполненная ненависти Детта Уокер. Когда Роланд перетаскивает эту женщину с двумя личинами в свой мир, ее пребывание там грозит самыми что ни на есть непредсказуемыми последствиями как для Эдди, так и для стрелка, который быстро теряет силы из-за своей болезни. Одетта уверена, что все с ней происходящее – либо сон, либо бред; Детта, чей разум не столь изощрен, но зато более груб и, если так можно выразиться, прямолинеен, не терзает себя долгими раздумьями, а полностью сосредоточивается на том, как бы прикончить Роланда и Эдди, которые в ее глазах предстают как «белые мушкетеры», желающие только одного – поглумиться над чернокожей калекой.

За третьей дверью стрелка поджидает Смерть – Джек Морт, убийца-маньяк. Время действия – Нью-Йорк середины 70-х. С подачи Морта в жизни Одетты Холмс/Детты Уокер дважды происходили необратимые изменения, хотя ни та, ни другая об этом не знали. Морт, чей *modus operandi*² заключается в том, чтобы толкнуть свою жертву или сбросить что-нибудь ей на голову, за время своей безумной (и все же чрезвычайно осторожной) «деятельности» успел опробовать на Одетте и то, и другое. Когда Одетта была еще девочкой, он сбросил ей на голову кирпич, из-за чего она долго потом пролежала в коме, а злобная Детта Уокер, незримая сестра Одетты, появилась на свет. Многие годы спустя, в 1959-м, пути Одетты и Морта пересекаются вновь, на станции подземки в Гринвич-Виллидже, и на этот раз Морт сталкивает ее под колеса прибывающего поезда. И снова Одетта не погибает, вопреки ожиданиям Морта, но платит страшную цену: поезд отрезает ей ноги по колено. Только присутствие героического молодого доктора (или, быть может, уродливый, но неукротимый дух Детты Уокер) спасает ей жизнь... по крайней мере так это выглядит со стороны. Роланд усматривает в этом сплетении судеб

² *Modus operandi* – способ действия (лат.). – Здесь и далее примеч. ред.

не простое совпадение, а вмешательство чего-то гораздо более мощного: титанические силы, окружающие Темную Башню, похоже, пришли в движение и опять собираются воедино.

Роланд понимает, что Морт, вероятно, стоит в самом центре еще одной загадки, таящей в себе разрушительный для человеческого разума парадокс. Потому что в то время, когда в жизнь Морта входит стрелок, тот избирает в качестве очередной жертвы не кого иного, как Джейка, того самого мальчика, которого Роланд встретил на дорожной станции и потерял в пещерах под горной грядой. У Роланда не было причин сомневаться в рассказе Джейка о подробностях своей гибели в нашем мире, не было у него и причин сомневаться в том, что Джейка убил Уолтер. Джейк видел священника в облачении среди толпы, что собралась в том месте, где он умирал, и Роланд узнал по его описанию человека в черном. Сомнений быть не могло.

Он и сейчас в этом уверен: это был Уолтер, о да, вне всяких сомнений. *Но допустим, что это Джек Морт, а не Уолтер толкнул Джейка под колеса приближающегося «кадиллака».* Возможно ли такое? Роланд не может с уверенностью этого утверждать, но если так оно и было, то где Джейк сейчас? Что с ним стало? Умер он? Или жив? Затерялся где-то во времени? И если Джейк Чеймберз по-прежнему жив в своем мире в Манхэттене середины 70-х, *то почему Роланд помнит о нем, об их встрече тогда, на дорожной станции?*

Невзирая на этот смущающий факт, быть может, чреватый опасностью в будущем, Роланд с честью выдерживает испытание таинственными дверьми... и переносит троих в свой мир. Эдди Дин принимает мир Роланда потому, что влюбляется в Госпожу Теней. Детта Уокер и Одетта Холмс, две женщины из тройки Роланда, наконец обретают целостность, слившись в единую личность, некий сплав, в котором есть что-то от них обеих. Этот «гибрид» способен принять любовь Эдди и ответить ему взаимностью. Одетта Сюзанна Холмс и Детта Сюзанна Уокер становятся новой, *третьей* женщиной: Сюзанной Дин.

Джек Морт погибает в подземке под колесами все того же поезда – легендарного поезда А, который лет пятнадцать-шестнадцать назад отрезал ноги Одетте. Ну и Бог с ним, невелика потеря.

И впервые за долгие годы Роланд из Гилеада уже не одинок в своем поиске Темной Башни. Эдди и Сюзанна заменили Катберта и Алена, друзей его юности, которых давно уже нет в живых... но над Роландом довлеет проклятие нести боль и смерть всем своим близким. Проклятие – по-другому и не назовешь.

В «Бесплодных землях» нас ждет продолжение истории троих пилигримов, бредущих по землям Срединного мира. Действие книги начинается по прошествии нескольких месяцев со дня последнего противостояния у третьей двери на берегу. Они уже проделали немалый путь в глубь материка. Время отдыха подошло к концу, настало время учения. Сюзанна учится стрельбе... Эдди – резьбе по дереву... стрелок узнает, что такое сходить с ума... постепенно.

(И еще одно замечание: мои читатели из Нью-Йорка сразу увидят, что в своей книге я несколько вольно обращаюсь с географией их родного города. Надеюсь, меня за это простят.)

Джейк: Страх в горстке страха

*...Ибо узнал лишь
Грудю поверженных образов там, где солнце палит,
А мертвое дерево тени не даст, ни сверчок утешенья.
Ни камни сухие журчанья воды. Лишь
Тут есть тень, под этой красной скалой
(Приди же в тень под этой красной скалой),
И я покажу тебе нечто, отличное
От тени твоей, что утром идет за тобою,
И тени твоей, что вечером хочет подать тебе руку;
Я покажу тебе ужас в пригоршине праха.*

Т. С. Элиот. Бесплодная земля³

*Земля больна, и стебель из нее
Встает, как прокаженный волос, сух.
От крови здесь любой побег набух,
И, словно черту отслужив свое,
Одер какой-то, впавший в забвенье,
Стоит вдали, тощ, изможден и глух.*

Роберт Браунинг. Роланд до Замка Черного дошел⁴

*– А это какая река? – полюбопытствовала Миллисент.
– Это просто ручей. Ну, может, чуть больше, чем просто ручей.
Такая речушка... она называется Мертвая.
– Правда?
– Да, – сказала Уинифред, – правда.
Роберт Эйкман. Рука в перчатке*

Глава I Медведь и кость

1

Сейчас она в третий раз упражнялась с боевыми патронами... и в первый раз училась вытаскивать револьвер из кобуры, которую получила от Роланда.

Теперь у них было достаточно боевых патронов; Роланд принес их больше трех сотен из того мира, где жили себе до поры до времени Эдди и Сюзанна Дин, пока стрелок не перебросил их в свой мир. Но при всем при том иметь в своем распоряжении кучу патронов еще не значит, что их можно тратить впустую. На самом деле как раз наоборот. Боги не любят мотов. Роланда так воспитали, сначала – отец, потом – Корт, его великий учитель, и Роланд по-прежнему верил, что так оно и есть. Боги накажут не сразу, но рано или поздно за все придется платить... и чем позднее наступит час расплаты, тем выше будет цена.

Сначала им и не нужно было растрачивать боевые патроны. Роланд стрелял уже столько лет, что, скажи он – сколько этой темнокожей красавице в инвалидной коляске, она бы просто

³ Перевод А. Сергеева.

⁴ Перевод В. Давиденковой.

ему не поверила. Поначалу он учил ее, лишь наблюдая за тем, как она держит прицел и имитирует стрельбу по мишеням. Она быстро училась. Они оба: и она, и Эдди – учились быстро.

Как он и подозревал, они оба родились стрелками.

Сегодня Роланд и Сюзанна пришли на поляну примерно в миле от лесного лагеря. Почти два месяца этот лес служил им временным домом. Дни проходили однообразно, и в этом была своя прелесть. Пока тело стрелка исцелялось, он учил Эдди и Сюзанну всему, чему должен был их научить: как стрелять и охотиться, как свежевать и потрошить добычу; как сначала растянуть, а потом выдубить и выделать шкурки убитых животных; как нужно использовать добычу, чтобы извлечь максимальную пользу; как определить стороны света, север – по Старой Звезде и восток – по Древней Матери; как слышать голос леса, где они находились сейчас, милях в шестидесяти к северо-востоку от Западного моря. Сегодня Эдди остался в лагере, так настоял Роланд. Он знал: дольше всего человек помнит уроки, которые постиг сам.

Но самый главный урок по-прежнему сохранял свое первостепенное значение: как поражать цель без промаха. Как убивать.

Поляну, куда пришли Роланд с Сюзанной, неправильным темным полукольцом окружали источающие благоухание хвойные деревья. С южной стороны был обрыв: три сотни футов крошащихся сланцевых выступов и изрезанных трещинами утесов, образующих этакую исполинскую лестницу. Ручеек кристально чистой воды вытекал из леса, пересекал поляну прямо по центру, через овраг, промытый в рыхлой земле и осыпающейся горной породе, и срывался вниз с обрыва.

Вода стекала по ступеням естественной лестницы серией маленьких водопадов, над которыми вздрагивали изумительные переливы радуг. Этот спуск вел к великолепной необозримой долине, густо заросшей елями. Было там и несколько вековых вязов, которые не давали молодой хвойной поросли задуть себя. Они возвышались, зеленые, пышные и величавые, – деревья, что были, наверное, старыми уже тогда, когда край, откуда пришел Роланд, только еще начинал отсчет своей истории. Роланд не сумел разглядеть ни единого признака, который указывал бы на то, что в этой долине когда-нибудь были лесные пожары, хотя по крайней мере несколько молний наверняка сюда ударяло. И молнии – не единственная опасность. Когда-то, давным-давно, в незапамятные времена, в долине этой жили люди: за минувшие недели Роланд пару раз набредал на следы человеческого присутствия. Большей частью то были примитивные самодельные орудия, но среди них попадались осколки глиняной утвари, которую не сделаешь без огня. А огонь – это злая стихия, услада которому – ускользнуть из рук.

Над этим пейзажем, словно сошедшим с полотна живописца, изогнутой аркой раскинулось небо, безупречно чистое голубое небо, если не считать стайки ворон, что кружились в воздухе, что-то выкрикивая своими по-старчески хриплыми голосами. Они, похоже, были чем-то встревожены, как перед началом грозы. Роланд принялся к воздуху и не уловил запаха дождя.

Слева от ручья громоздился здоровенный валун. Роланд поставил сверху шесть камешков, все – в прожилках слюды. Они поблескивали, как стеклышки, в теплом свете дня.

– Последняя попытка, – сказал стрелок. – Если кобура сидит неудобно... если хоть что-то мешает... то лучше сразу скажи. Мы пришли сюда не для того, чтобы зря тратить патроны.

Она язвительно на него покосилась, и на мгновение ему показалось, что он разглядел у нее в глазах призрак Детты Уокер. Как солнечный блик, подмигнувший со стального клинка.

– А что ты станешь делать, если мне действительно неудобно, но я тебе ничего не скажу? Если я буду мазать и не собою ни одного из этих шести? Тюкнешь меня по башке, как этот твой старый учитель?

Стрелок улыбнулся. За последние пять недель он улыбался чаще, чем за все предшествующие пять лет.

– При всем желании этого сделать я не смогу, и ты это прекрасно знаешь. Во-первых, мы тогда были детьми... пацанами, которые не прошли еще испытания и не стали мужчинами. Можно ударить ребенка, чтобы поправить его, но...

– В моем мире ударить ребенка – это проступок, который лучшие люди всегда осуждали, – сухо высказалась Сюзанна.

Роланд пожал плечами. Ему было трудно представить себе такой мир – разве не сказано в Великой Книге: «Не жалея розги, дабы не упустить ребенка»? – однако он все же не думал, что Сюзанна его обманывает.

– Ваш мир не сдвинулся с места, – сказал он только. – В нем все по-другому. Разве я сам этого не понимаю?

– По-моему, понимаешь.

– Во всяком случае, вы с Эдди уже не дети. Я совершил бы ошибку, если бы стал обращаться с вами как с малолетками. Если была нужда в испытании на зрелость, то вы уже его с честью прошли.

Хотя он не сказал этого вслух, но про себя подумал о том, чем все закончилось там, на берегу, когда она тремя выстрелами разнесла трех омарообразных тварей, не дав им растерзать и его самого, и Эдди. Увидев ее ответную улыбку, он решил, что она сейчас думает о том же.

– Ну так что ты намерен делать, если я все шесть раз промажу?

– Я посмотрю на тебя. Вот так. Мне кажется, этого будет достаточно.

Она мгновение подумала и кивнула:

– Да, наверное.

Потом еще раз проверила ружейный ремень. Он был перекинут через ее грудь, как плечевая портупея (Роланду эта конструкция больше напоминала ляжку докера). С виду эта вещь казалась весьма простенькой, но им потребовалась не одна неделя проб и ошибок, чтобы приладить ремень как следует, – пришлось хорошо поработать портняжной иглой. Сам ремень и револьвер с сандаловой рукоятью, что торчала из древней промасленной кобуры, раньше принадлежали стрелку. Он их носил на правом бедре. Последние пять недель он мучительно свыкался с мыслью о том, что ему больше уже никогда не придется носить кобуру справа. Спасибо омарам. Волей-неволей пришлось стать левшой.

– Ну и как оно? – спросил он еще раз.

На этот раз Сюзанна рассмеялась.

– Роланд, этот старый ремень, наверное, ни на ком раньше так хорошо не держался. Так мы что будем делать: стрелять или сидеть тут и слушать вороний концерт в поднебесье?

Ощущение было такое, как будто под его кожей шевелятся тонкие колющие пальчики. Роланд напрягся. Наверное, Корт чувствовал то же самое, несмотря на всю его грубость и всегдашнее непробиваемое выражение. Ему хотелось, чтобы у нее все получилось... ему было *нужно*, чтобы у нее получилось. Но показывать этого было нельзя. Это могло привести к катастрофе.

– Повтори еще раз, Сюзанна, что мы с тобой проходили.

Она вздохнула, притворившись рассерженной... но когда заговорила, насмешливая улыбка стерлась сама собой, а красивое лицо стало серьезным. И из ее уст он снова услышал древний катехизис, но слова его воспринимались по-новому. Он никогда раньше не думал, что ему доведется услышать эти слова от женщины. Но как естественно они звучали... и в то же время как-то странно, едва ли не угрожающе.

– «Я целюсь не рукой; та, которая целится рукой, забыла лицо своего отца.

Я целюсь глазом.

Я стреляю не рукой; та, которая стреляет рукой, забыла лицо своего отца.

Я стреляю рассудком.

Я убиваю не выстрелом из револьвера...»

Она запнулась и указала на камешки, блистающие вкраплениями слюды.

– Я не буду никого убивать... это же просто *камешки*.

Ее выражение – чуть надменное, чуть шаловливое – говорило о том, что она ждет, когда Роланд начнет на нее сердиться. Может быть, даже придет в ярость. Однако Роланд и сам когда-то испытывал то, что она переживала сейчас; он не забыл, что стрелки-новички обычно капризны и горячи, постоянно взвинченны и способны огрызнуться в самый неподходящий момент... и он открыл в себе неожиданные способности. Понял, что может учить. И более того, ему нравится учить. Иногда Роланд ловил себя на мысли о том, что он задается вопросом: а как было с Кортотом – так же? Да, наверное, так же.

Теперь вороны начали хрипло кричать и из чащи леса. Роланд машинально отметил, что крики стали тревожными и больше не походили на вопли ссорящихся пернатых: похоже, их что-то испугнуло. Однако ему сейчас было чем занять свои мысли, чтобы думать еще и о том, что могло напугать ворон, так что он просто переключился и вновь сосредоточил все внимание на Сюзанне. Сейчас нельзя расслабляться, иначе он рисковал нарваться еще на одну, на этот раз не столь игривую колкость. И кого надо будет за это винить? Кого же, как не учителя? Разве не он учил ее огрызаться и показывать зубы? Учил их обоих? Разве в этом не весь он, стрелок: вдруг взбрыкнуть, сорвать пару правил строгого ритуала и перевернуть несколько стройных нот катехизиса? Разве он (или она) – не сокол в человеческом обличье, натасканный на то, чтобы клевать по команде?

– Нет, – сказал он, – это не камни.

Она приподняла бровь и снова заулыбалась. Теперь, когда Сюзанна поняла, что он не станет орать на нее, как это частенько случалось, когда она капризничала или делала что-то не так, замешкавшись, в ее глазах снова мелькнул этот насмешливый блеск – солнечный зайчик на стали, – который ассоциировался у Роланда с Деттой Уокер.

– Правда? – Насмешка в ее голосе была по-прежнему добродушной, но Роланд чувствовал: если сейчас он даст ей малейшее послабление, насмешка станет злобной. Она уже вся напряглась и начала выпускать коготки.

– Да, это не камни, – также с насмешкой ответил он, опять улыбаясь, но теперь улыбка его стала суровой. – Сюзанна, ты помнишь *беложопых мудил*?

Улыбка женщины стала медленно угасать.

– *Беложопых мудил* из Оксфорд-Тауна?

Улыбка погасла.

– Ты помнишь, что эти *беложопые мудилы* сотворили с тобой и твоими друзьями?

– Это была *не я*, – отозвалась она, – а другая женщина. – Но в глазах у нее застыло угрюмое выражение. Он не любил, когда она так смотрела, и в то же время ему нравился этот взгляд. Это был *правильный* взгляд, говоривший о том, что растопка уже разгорелась и скоро займутся большие поленья.

– Да. Это была другая. Нравится это тебе или нет, там была Одетта Сюзанна Холмс, дочь Сары Уокер Холмс. Не ты нынешняя, а та женщина, которой ты *была* тогда. Помнишь пожарные шланги, Сюзанна? Помнишь золотые зубы? Ты видела их, как они сверкали, когда тебя и твоих друзей поливали из шлангов в Оксфорде? Как сверкали зубы, когда над вами хохотали?

Она им рассказывала об этом и еще о многом другом в долгие-долгие ночи, пока догорал костер. Стрелок понимал далеко не все, но слушал внимательно. Слушал и запоминал. В конце концов боль – это тоже орудие. Иногда самое лучшее.

– Что с тобой, Роланд? С чего вдруг ты решил мне напомнить весь этот вздор?

Теперь угрюмые ее глаза загорелись опасным огнем. Роланду они напомнили глаза Алена, когда неизменно добродушного Алена что-то все-таки выводило из себя.

– Камни – это те люди, – сказал он мягко, – которые заперли тебя в камере, где ты обмочилась. Люди с собаками и дубинками. Которые называли тебя черномазой дырой.

Он указал на камни, проведя пальцем слева направо.

– Это тот, кто ушибнул тебя за грудь и рассмеялся. Это тот, кто сказал, что тебя надо раздеть и проверить, не прячешь ли ты чего в заднице. Вот это тот, кто обозвал тебя шимпанзе в платье за пять сотен долларов. Вон тот колотил по колесам твоей коляски своей дубинкой, пока тебе не стало казаться, что этот грохот сведет тебя с ума. Вон тот назвал твоего друга Лео гомиком-коммунякой. А этот последний, Сюзанна, это Джек Морт.

– Да. Эти камни. *Эти ублюдки.*

Теперь она задышала неровно и быстро, грудь ее судорожно вздымалась и опадала под ружейным ремнем с наполненным под завязку патронташем. Она больше уже не смотрела на Роланда. Она впиалась взглядом в камни с вкраплениями слюды. Где-то вдалеке раздался треск – упало дерево. В небе опять завопили вороны. Погруженные в свою игру, которая больше уже не была игрой, ни Роланд, ни Сюзанна этого не замечали.

– Да? – выдохнула она. – Правда?

– Правда. А теперь повтори еще раз, что мы с тобой проходили, Сюзанна Дин, и смотри больше не ошибись.

На этот раз слова сорвались с ее губ, точно ледышки. Рука ее на подлокотнике инвалидной коляски легонько дрожала, точно двигатель, работающий на холостых оборотах.

– «Я целюсь не рукой; та, которая целится рукой, забыла лицо своего отца.

Я целюсь глазом».

– Хорошо.

– «Я стреляю не рукой; та, которая стреляет рукой, забыла лицо своего отца.

Я стреляю рассудком».

– Так было всегда, Сюзанна Дин.

– «Я убиваю не выстрелом из револьвера; та, которая убивает выстрелом, забыла лицо своего отца.

Я убиваю сердцем».

– Тогда **УБЕЙ их ради отца своего!** – закричал Роланд. – **УБЕЙ ИХ!**

Правая ее рука сорвалась с подлокотника кресла и молнией метнулась к кобуре. В мгновение ока левая рука опустилась и легла на курок – быстро и плавно, как взмах крылышка колибри. Шесть раз прогремели выстрелы, прокатившись эхом по долине, и на вершине валуна остался стоять только один камешек из шести.

В первое мгновение никто из них не произнес ни слова – казалось, у обоих перехватило дыхание, – пока над долиной замирало эхо. Даже вороны притихли, по крайней мере на время.

Стрелок нарушил гулкую тишину двумя бесстрастными, но вместе с тем весьма выразительными словами:

– Очень хорошо.

Сюзанна смотрела на сжимаемый ею револьвер, как будто видела его впервые. От дула вверх поднималась тоненькая струйка дыма, безупречно прямая в безветрии. Чуть погодя Сюзанна медленно засунула револьвер обратно в кобуру.

– Хорошо, но еще не отлично, – проговорила она наконец. – Один раз я промазала.

– Да? – Роланд подошел к валуну, снял с него оставшийся камешек, сначала сам поглядел на него, а потом бросил ей.

Она поймала его левой рукой. Он с одобрением отметил, что правую она держит возле кобуры. Она стреляла лучше, чем Эдди, и у нее получалось естественнее, но именно этот урок она усвоила все же не так быстро. Если бы она была с ними во время той перестрелки в ночном клубе у Балазара, она бы, наверное, врубилась быстрее. Но теперь и она, кажется, научилась. Она пригляделась к камню и заметила сбоку бороздку глубиной почти в одну пятую дюйма.

– Ты его лишь зацепила, – сказал стрелок, – но все-таки зацепила, а иногда большего и не нужно. Если подрезать противника, сбить ему прицел... – Он секунду помедлил. – Чего ты так на меня уставилась?

– А ты что, не знаешь? Ты правда не знаешь?

– Нет. Твой разум часто закрыт для меня, Сюзанна.

В его голосе не было и намека на готовность защищаться, и Сюзанна досадливо мотнула головой. Быстрые перепады ее настроения, выдававшие личность неординарную, иной раз его раздражали донельзя. Ее же из себя всегда выводила его кажущаяся неспособность скрывать свои мысли – он всегда говорил то, что думал. Она в жизни еще не встречала такого прямодушного человека.

– Хорошо, – вымолвила она. – Я скажу тебе, Роланд, почему я так на тебя уставилась. Потому что ты гнусно меня обманул. Ты сказал, что *не станешь* меня лупить, что *не сможешь* меня отдубасить, даже если я промахнусь все шесть раз... но ты либо лжец, либо просто болван, а я *знаю*, что ты не болван. Ударить ведь можно и не рукой, и мы... наша раса... об этом знаем. Там, откуда я родом, у нас был один стишок: «Пусть камни и трости переломают мне кости...»

– «... но на ваши насмешки мне наплевать», – закончил Роланд.

– Ну, мы немного не так говорим, но смысл тот же. Не важно, как именно это сказать. Но то, что ты сделал, неспроста называется «устроить разнос». Ты *меня ранил* словами, Роланд... и, глядя сейчас мне в глаза, будешь утверждать, что не хотел ничего такого?

Она выпрямилась в своем кресле, уставившись на Роланда с таким дерзким, вызывающим любопытством, и Роланд еще подумал – не в первый раз, – что «белые мудилы» из мира Сюзанны были либо отчаянными храбрецами, либо конченными идиотами, раз решились встать ей поперек дороги, и даже не важно, что она инвалид в коляске. А побывав в ее мире, Роланд на опыте убедился, что смельчаков там раз-два и обчелся.

– Честно сказать, я не думал об этом. Мне было плевать, больно тебе или нет, – спокойно ответил он. – Ты показала зубки и готовилась уже цапнуть, так что пришлось сунуть тебе в пасть палку. И это сработало... верно?

На лице у нее застыло болезненное изумление.

– Ах ты, *гад*!

Вместо ответа он вытащил у нее из кобуры револьвер, неловко открыл барабан тремя пальцами, что остались на правой руке, и принялся перезаряжать его левой рукой.

– Из всех своевольных, высокомерных...

– Тебе *нужно* было рассвирепеть и показать зубы, – продолжал Роланд все тем же бесстрастным тоном. – Если бы этого не случилось, ты бы точно промазала, действуя рукой и револьвером вместо глаза, рассудка и сердца. Разве это обман? Разве в высокомерии дело? Думаю, нет. По-моему, Сюзанна, из нас двоих этого высокомерия больше в тебе. По-моему, это ты, а не я, больше склонна к обману и всяким вывертам. И меня это не задает. Даже наоборот. Стрелок без зубов – не стрелок.

– Черт возьми, никакой я не стрелок!

Он пропустил ее реплику мимо ушей; он мог позволить себе эту роскошь. Если она – не стрелок, то он тогда – козлик.

– Если бы мы тут в игрушки играли, я бы и вел себя соответственно. Но мы не играем. Мы...

Он поднес левую руку к виску и на мгновение умолк. Она заметила, что кончики пальцев его дрожат.

– Роланд, с тобой все в порядке?

Он медленно опустил руку, поставил барабан на место и вложил револьвер обратно в ее кобуру.

– Да, все нормально.

– Нет, не нормально. Я не раз уже замечала. И Эдди тоже. Все началось почти сразу же, как только мы свернули с пляжа. Что-то с тобой не так. И по-моему, это прогрессирует.

– Все со мной так.

Она протянула руку и прикоснулась к его руке. Ее гнев остыл, по крайней мере пока. С серьезным видом она заглянула ему в глаза.

– Мы с Эдди... это не наш мир, Роланд. Без тебя мы здесь погибнем. У нас есть твои револьверы, и мы теперь умеем хорошо стрелять, ты нас научил, но мы все равно здесь погибнем. Ты... ты нам нужен. Так что скажи мне, пожалуйста, что не так. Позволь *нам* попытаться помочь тебе.

Роланд был не из тех людей, которые способны понять себя до конца, впрочем, он никогда к этому и не стремился; ему было чуждо само определение самосознания (не говоря уже о самоанализе). Его путь – путь действия: быстро свериться со своими инстинктами, механизм которых оставался всегда для него загадкой, и, как говорится, полный вперед. Из всех троих он был наиболее безупречно «устроен», человек, чья глубинная романтическая сердцевина скрывалась под незатейливой упаковкой инстинкта и прагматизма. Вот и сейчас он на мгновение заглянул в себя, прислушался к своему инстинкту и решил рассказать ей все. Да, с ним творилось неладное. В самом деле. Что-то было не так с его рассудком. Что-то столь же простое, как и его бесхитростная натура, и столь же странное, как и жуткая жизнь скитальца, которую он вынужден был вести из-за этой своей натуры.

Он открыл было рот, собираясь произнести: «Я скажу тебе, что не так, Сюзанна. В трех словах. Я схожу с ума», – но тут со скрежещущим треском в лесу повалилось еще одно дерево. На этот раз ближе к поляне, и теперь Роланд с Сюзанной не были заняты поединком двух волей, замаскированным под урок стрельбы. Они оба услышали треск падающего ствола, хриплые крики ворон, и оба отметили про себя то, что дерево упало совсем близко от их лагеря.

Сюзанна бросила взгляд в направлении звука.

– Эдди! – проговорила она, уставившись на стрелка широко распахнутыми испуганными глазами.

И тут вдруг из гущи леса донесся вопль – громогласный крик ярости. Упало еще одно дерево, потом еще. Шум поднялся такой, как будто там стреляли из миномета. *Сухой лес*, – сказал себе Роланд. – *Мертвые деревья*.

– Эдди! – на этот раз она закричала. – Я не знаю, что это, *но оно рядом с Эдди!* – Сюзанна схватилась руками за колеса своей коляски и принялась ее разворачивать, тяжело преодолевая сопротивление почвы.

– Нет времени. – Роланд подхватил ее под мышки и поднял с коляски. Ему и раньше неоднократно приходилось тащить ее на себе – и ему, и Эдди – в тех местах, где нельзя было проехать на инвалидной коляске, но она все равно поразила, в который раз, его сверхъестественной быстроте. Вот она сидит у себя в коляске, заказанной в конце 1962-го в лучшей нью-йоркской ортопедической клинике, а буквально через секунду уже восседает на шее Роланда, точно этакая деваха на стадионе, подающая сигнал к овациям, сжимая крепкими бедрами его шею, а он, сцепив руки в замок, поддерживает ее за поясницу. Он побежал, шурша подошвами по усыпанной хвоей земле, прямо по колее, прочерченной шинами ее коляски.

– Одетта! – В минуту стресса Роланд, сам того не сознавая, обратился к ней по имени, под которым впервые узнал ее. – Только не вырони револьвер! Во имя отца своего!

Теперь он мчался, лавируя среди деревьев. Паутина теней и пятна солнечного света сменялись у них на лицах в подвижной мозаике. Дорога шла под гору. Сюзанна левой рукой отбивалась от ветвей, норовящих спихнуть ее с плеч Роланда, а правую держала на рукояти древнего револьвера.

Миля, – твердила она себе. – За сколько можно пробежать милю? Да еще если нестишь сломя голову? Наверное, быстро, если только он не навернется на этих иголках... но, может быть, все равно слишком долго. Господи, только бы с ним ничего не случилось... с моим Эдди.

И как бы в ответ на ее безмолвные призывы снова раздался рев невидимого пока зверя. Оглушительный, точно гром. Точно рок.

2

Он был самым громадным созданием в этом краю, который когда-то носил название Больших Западных лесов, и самым древним. Исполинские вязы в долине были всего лишь тоненькими черенками, когда медведь явился сюда из туманных пределов Внешнего мира, точно жестокий король-скиталец. Когда-то в Западных лесах жили древние люди (это на их поселения в долине набредал Роланд в течение последних недель), но они все бежали отсюда в страхе перед исполинским бессмертным медведем. Когда древние обнаружили, что у них появился незванный сосед в этом краю, куда они тоже пришли издалека, они попытались его убить, но стрелы их лишь разъярили зверя, не причинив ему ощутимого вреда. Но самое страшное, он в отличие от других лесных тварей отнюдь не пребывал в неведении относительно источника его боли и мук – он был умнее даже хищных котов, что обитали в песчаных холмах на Западе. Этот медведь знал, откуда исходят стрелы. Он *знал*. И за каждую отметину в плоти под своей косматой шкурой он лишал жизни троих-четверых, а то и с полдюжины древних: женщин, если ему удавалось до них добраться, если же не удавалось, тогда – детей; воинами же зверь откровенно пренебрегал, и то было предельное унижение для людей.

И вот, когда древние поняли истинную природу зверя, они отказались от мысли его убить, ибо то был не зверь, а воплощенный демон... или тень божества. Они назвали его Миа, что на их языке означало: «мир под покровом другого мира». И вот теперь, после восемнадцати, если не больше, столетий безраздельного своего правления в Западных лесах, могучий зверь ростом в семьдесят футов умирал. Быть может, причиной тому явился крошечный, микроскопический организм, который проник в его тело вместе с едой или питьем; быть может, время и возраст взяли свое; но скорее всего причиной явилось и то, и другое вместе. Впрочем, значение уже имела не сама причина, а ее конечный результат: размножающаяся с невероятной скоростью колония паразитов, опустошающих легендарный мозг. После стольких веков его расчетливый жестокий ум не выдержал, и Миа лишился рассудка.

Медведь снова почуял людей, которые вторглись в его заповедный лес; он здесь царил, и как бы безбрежны ни были просторы, если что-то действительно важное случалось на территории царства Миа, очень скоро он узнавал об этом. На этих людей он не стал нападать, просто ушел подальше от них. Не потому, что боялся, а потому, что ему не было дела до них, как, впрочем, и им – до него. Но тут активизировались паразиты, и безумие стало нарастать, он вдруг решил, что это древние снова явились тревожить его, что это вернулись охотники со своими капканами и ловушками и поджигатели леса, вернулись, чтобы приняться за старое. И вот, лежа в последней своей берлоге, в тридцати милях от поселения новоприбывших, слабея день ото дня, он пришел к мысли, что древние все-таки отыскивали средство, которое свалило его: яд.

На этот раз он явился не мстить за какие-то мелкие раны, он пришел уничтожить их всех, прежде чем их медленный яд прикончит его... и пока Миа до них добирался, все его мысли исчезли, растворившись в багряной ярости, в жужжании некоего поселившегося в его голове существа, которое раньше исполняло свою работу в тишине и спокойствии, и в жутковато-обворожительном запахе, что вел его прямо к лесному лагерю трех пилигримов.

Исполинский медведь, настоящее имя которому было, конечно, не Миа, продирался по лесу, точно ходячее здание – косматая башня с налитыми кровью сверкающими глазами, пыла-

ющими жаром и безумием. Его громадная голова, увенчанная гирляндой из отломанных веток и хвойных иголок, непрестанно раскачивалась из стороны в сторону. Время от времени он чихал, раздражаясь приглушенным взрывом – АП-ЧХИ! – и из ноздрей у него вылетали извивающиеся белесые паразиты. Лапы с загнутыми когтями в три фута длиной рвали деревья на части. Шел он на задних лапах, и там, где ступал по мягкой земле, оставались глубокие следы. От него пахло свежим хвойным бальзамом и застарелым прокисшим дерьмом.

А тварь у него в голове корчилась и вопила, вопила и корчилась.

Медведь неуклонно шел по почти безупречной прямой к лагерю тех, кто отважился возвратиться в его леса. Из-за них у него в голове поселилась эта темная неунимающаяся боль. Древние или новые это люди, они все равно умрут. Иной раз, проходя мимо иссохшего дерева, исполинский медведь чуть отступал от прямого курса, чтобы сбить мертвый ствол наземь. Ему нравился сухой взрывной треск падающих стволов. Когда гниющее дерево грохалось оземь или зависало, запутавшись в кронах других деревьев, медведь шел дальше сквозь косые лучи солнечного света, затуманенного облачками древесных опилок.

3

Уже два дня Эдди Дин занимался резьбой по дереву – в последний раз он пытался что-нибудь вырезать лет этак в двенадцать и с тех пор больше за это не брался. Он помнил только, что тогда ему нравилось это занятие, и думал, что и теперь у него получится. Всего Эдди, конечно, не помнил, но было одно ясное воспоминание: Генри, его старший брат, не терпел, когда Эдди работал по дереву.

«Вы посмотрите на этого паиньку! – говорил тогда Генри. – Что мы сегодня творим, мой сладенький? Кукольный домик? Ночной горшок для твоей мелкой пиписки? Или рогатку, словно ты собираешься выйти на кроликов, как большие ребята? О-о-о... КРАСОТУЛЯ какая!»

Генри никогда не говорил Эдди прямо, мол, бросай, брат, это тупое занятие. Нет чтобы подойти к нему и сказать напрямик: «Может, ты прекратишь это дело, братец? Видишь ли, у тебя хорошо получается, а когда у тебя что-нибудь хорошо получается, это выводит меня из себя. Потому что, пойми меня правильно, братец, именно *от меня* ждут, что я буду умелым парнишкой, у которого все-все выходит. От меня. Генри Дина. Но я знаю, братишка, что мне надо делать. Я лучше буду тебя дразнить. Потому что, если я прямо тебе скажу: «Не делай этого больше, это выводит меня из себя», то ты решишь еще, будто бы у меня с головой не все в порядке. Но дразнить я тебя могу. Так поступают все старшие братья, верно? Не станем и мы нарушать традицию. Я буду дразнить тебя и выставлять тебя дураком, пока ты... мать твою... не ПЕРЕСТАНЕШЬ! О'кей?»

Конечно, отнюдь *не о'кей*, далеко не о'кей, но так уж повелось в доме Динов: частенько все было, как хотел Генри. И до недавнего времени Эдди думал, что это нормально: не о'кей, но *нормально*. А это две, как говорится, большие разницы. И было две причины, почему Эдди все это казалось нормальным. Одна причина – явная, другая – скрытая.

Очевидная причина заключалась в том, что Генри было поручено «присматривать» за Эдди, когда миссис Дин уходила на работу. Причем «присматривал» он все время, потому что когда-то у братьев Дин была сестра, если вы понимаете, о чем идет речь. Если бы она не погибла, она была бы на четыре года старше Эдди и на четыре же года моложе Генри, но в том-то и загвоздка: она погибла. Когда Эдди было два года, ее задавила машина. Водитель был пьян. А она просто стояла и наблюдала за игрой в классики...

Еще ребенком Эдди часто вспоминал сестру, когда по телику Мел Аллен комментировал матчи по бейсболу. Когда кто-то кого-нибудь подсекал, Мел орал дурным голосом: «Срань господня, он его замочил! УВИДИМСЯ В СЛЕДУЮЩЕЙ ПЕРЕДАЧЕ!» Так и этот пьяный

водила замочил Глорию Дин, срань господня, увидимся в следующей передаче. Сейчас Глория пребывала на небесах, в горней выси, и случилось это не потому, что ей просто не повезло, что власти штата Нью-Йорк почему-то не отобрали водительские права у этого ублюдка после его третьего ДТП, и даже не потому, что Бог в этот момент отвлекся, чтобы подобрать с полу упавший орешек. Это случилось из-за того (как миссис Дин частенько потом говорила своим сыновьям), что никого не было рядом, чтобы «присмотреть» за Глорией.

Задача Генри и заключалась в том, чтобы с Эдди ничего подобного не произошло. Это как работа, и Генри ее исполнял, но ему было трудно. В этом Генри и миссис Дин полностью соглашались друг с другом. Они оба частенько в два голоса напоминали Эдди о том, чем жертвует ради него старший брат, оберегая от пьяных водителей, всяких шизов и наркоманов и даже от злобных инопланетян из «летающих тарелок» и реактивных капсул, которые могут спуститься с небес, чтобы похитить и забрать с собой маленьких ребят вроде Эдди Дина. Так что не стоило лишний раз выводить Генри из себя, ибо ему и так приходилось несладко под грузом тяжелой ответственности. Если Эдди вдруг начинал делать что-то такое, из-за чего Генри бесился, ему надо было немедленно прекратить. Так Эдди расплачивался со старшим братом за то, что тот тратил время, «присматривая» за ним. Если глядеть на все с такой точки зрения, то выходило, что делать что-нибудь лучше Генри – это просто несправедливо по отношению к нему.

Но была еще одна, скрытая, причина («мир под покровом другого мира», можно сказать и так), причем более веская, ибо никто не решился бы высказать ее вслух: Эдди не мог позволить себе быть лучше Генри в чем бы то ни было потому, что его старший брат большей частью был вообще ни на что не способен... разумеется, за исключением «присмотра» за Эдди.

Генри научил Эдди играть в баскетбол на игровой площадке неподалеку от их многоквартирного дома, в задавленном цементом предместье, где горизонт закрывали манящие, как мечта, башни Манхэттена и всем заправлял его величество Достаток. Эдди был на восемь лет младше Генри и физически помельче брата, но когда он выходил с мячом на бугристую, растрескавшуюся цементную площадку, все движения, казалось, отзывались шипением в его нервных окончаниях. Прирожденный игрок, он был проворнее, но это еще не самое страшное. Самое страшное заключалось в том, что он был *лучше* Генри. Если бы он не сумел понять этого по результатам их игр, он бы понял все по уничижительным взглядам, которые Генри метал в его сторону на площадке, и еще по тому, как Генри больно ударял его кулаком по руке на пути домой. Эти тычки надо было принимать за дружеские подтрунивания старшего брата... «Еще парочку для испытания на прочность!» – весело выкрикивал Генри, а потом – бац-бац! – выставив один сустав, бил кулаком прямо Эдди в бицепс... но эти удары ощущались не как шутки. А как предупреждения. Как будто Генри ему говорил: *Лучше тебе не дурачить меня и не выставляй меня идиотом, братец, когда ты несешься к корзине; не забывай – я за тобой «присматриваю».*

То же самое повторялось и с чтением... и с бейсболом... с «освобождением пленных»... с математикой... и даже, смешно сказать, со скакалкой, игрой для девочек. То, что он все это делал лучше или мог сделать лучше, Эдди приходилось держать в строгой тайне. Потому что он, Эдди, младший. Потому что Генри «присматривает» за ним. Но самое важное всегда просто: Эдди скрывал свое превосходство, потому что Генри был замечательным братом и Эдди его обожал.

4

Два дня назад, пока Сюзанна освеживала подбитого кролика, а Роланд готовил ужин, Эдди ушел в лес, что южнее лагеря. Там он набрел на оригинальный отросток, торчащий из пня недавно упавшего дерева. Странное чувство – должно быть, то самое, которое называется *deja*

ви, – вдруг охватило его. Эдди поймал себя на том, что тупо пялится на деревяшку, похожую на грубо сработанную дверную ручку. Потом он смутно осознал, что во рту у него пересохло.

Через пару секунд он наконец сообразил, что *смотрит* на деревяшку, а *видит* внутренний двор за домом, где они с Генри жили... чувствует под сапогом теплый цемент, а от мусорной кучи из-за угла тянет вонюю отбросов. В его памяти в одной руке он держал деревянный брусок, а в другой – перочинный ножик. Отросток на пне разбудил в его душе воспоминания о том коротком периоде, когда он буквально влюбился в резьбу по дереву. Просто память об этом была упрятана так глубоко, что Эдди даже не сразу понял, о чем думает.

Больше всего ему нравилось еще до начала работы *зримо представлять* себе будущую вещь. Иной раз он видел машину, иной раз – тележку. Кошку или собаку. Однажды, помнится, он увидел лицо какого-то идола... наверное, из тех жутких каменных монолитов на острове Пасхи, фотография которых попала ему как-то в выпуске журнала «Нэшнл джиогрэфик». Тогда у него в самом деле вышло нечто особенное. Игра заключалась в том, чтобы выяснить, сумеешь ли ты освободить от излишков дерева то, что видишь, не испортив фигурки. Это редко ему удавалось, но если быть очень-очень осторожным, иной раз получалось вполне приемлемо.

Внутри отростка на пне что-то таилось. Эдди подумал, что ножом Роланда ему, наверное, удастся освободить большую часть скрытой фигурки: такого острого и удобного инструмента у него раньше не было.

Нечто внутри деревяшки терпеливо ждало кого-то – такого, как Эдди! – способного разглядеть и выпустить это «нечто» на волю.

Вы посмотрите на этого паиньку! Что мы сегодня творим, мой сладенький? Кукольный домик? Ночной горшок для твоей мелкой пиписки? Или рогатку, словно ты собираешься выйти на кроликов, как большие ребята? О-о-о... КРАСОТУЛЯ какая!

Ему внезапно стало стыдно, точно он сделал что-то дурное; у него возникло острое чувство, будто он владеет тайной и ее надо скрыть любой ценой. А потом он вдруг вспомнил – в который раз, – что Генри Дина, в последние годы заделавшегося величайшим мудрецом и выдающимся наркоманом, давно уже нет в живых. Эта мысль до сих пор не утратила своей убойной силы, так или иначе она неизменно болезненно отзывалась в нем то виной, то печалью, то яростью. В тот день, за двое суток до того, как по зеленому коридору леса к ним в лагерь пришел исполинский медведь, мысль о смерти брата принесла совершенно новые, даже удивительные ощущения. Эдди почувствовал облегчение и какую-то неземную радость.

Он стал свободен.

Эдди попросил у Роланда на время нож. Осторожно срезал торчащий на пне отросток дерева, потом вернулся в лагерь, уселся под деревом и принялся вертеть деревяшку так и этак, глядя не на нее, а *внутрь* ее.

Сюзанна закончила наконец с кроликом. Мясо отправили в котелок над костром. Шкурку она растянула на двух деревянных колышках, привязав сыромятными ремнями от дорожного мешка Роланда. Позже, уже после ужина, Эдди займется ее выделкой. А пока суд да дело, Сюзанна легко скользнула, опираясь на руки, к Эдди, который сидел, привалившись спиной к вековой сосне. Роланд колдовал над котелком с крольчатинной, засыпая туда какие-то непонятные – и, несомненно, божественные на вкус – лесные корни и травы.

– Что делаешь, Эдди?

Эдди вдруг поймал себя на том, что отчаянно сопротивляется нелепому порыву спрятать кусок древесины у себя за спиной.

– Ничего, – выдавил он. – Подумал, может быть, у меня выйдет что-нибудь вырезать. – Чуть погодя он добавил: – Хотя, если честно, то я никогда особым умением не отличался. – Прозвучало это так, как будто он пытался ее утешить.

Она озадаченно на него посмотрела. Казалось, она собирается что-то сказать, но потом лишь пожала плечами и больше не стала к нему приставать. Сюзанна никак не могла взять

в толк, почему Эдди стыдится заниматься резьбой – ее отец, например, посвящал этому весь свой досуг, – но если Эдди нужно будет поговорить об этом, он сделает это, когда придет время.

Эдди и сам понимал, что вина его – чувство нелепое и бессмысленное, и все-таки ему было удобнее и спокойнее заниматься резьбой, когда он оставался в лагере один. Похоже, старые привычки не так-то просто изжить. Одолеть героин – это просто игрушки по сравнению с тем, чтобы одолеть комплексы детства.

Когда Роланд с Сюзанной уходили – поохотиться, пострелять, пройти очередной урок в своеобразной школе стрелка, – Эдди принимался за свою деревяшку с удивительной сноровкой и нарастающим удовольствием. Да, он не ошибся: внутри таилась другая форма, простая, незамысловатая, и нож Роланда высвобождал ее с мастерской, даже жутковатой легкостью. Эдди уже поверил, что на этот раз у него все получится, так что и рогатка окажется вполне дельным оружием. Само собой, никакого сравнения с револьверами Роланда, и все-таки у него будет что-то сделанное своими руками. *Что-то свое*. Эта мысль его грела.

Когда в воздух с испуганным криком поднялись первые вороны, Эдди их не услышал. Он уже мечтал – надеялся, – что очень скоро ему попадется кусок древесины с луком, заключенным внутри.

5

Эдди услышал приближение медведя раньше, чем Роланд с Сюзанной, но не намного: он был погружен в глубокую сосредоточенность, всегда сопутствующую творческому импульсу в его наиболее сладостные и сильные моменты. Раньше почти всегда он подавлял в себе эти импульсы, но на этот раз творчество поглотило его целиком. Эдди стал добровольным пленником своего порыва.

Из этой сладкой задумчивости его вывел не грохот падающих деревьев, а серия выстрелов из револьвера 45-го калибра, донесшихся с южной стороны. Он с улыбкой поднял голову и откинул со лба волосы рукой, обсыпанной стружками. В это мгновение, когда он сидел, прислонившись к высокой сосне, на поляне, что стала им домом, а на лице у него трепетал золотисто-зеленый свет, льющийся сквозь ветви деревьев, он был необыкновенно красивым: молодой человек с непослушными черными волосами, норовящими упасть на его высокий лоб, молодой человек с сильным, подвижным ртом и ореховыми глазами.

Он бросил взгляд на второй револьвер Роланда, что висел на ружейном ремне на ближайшей ветви, и спросил себя, а давно ли Роланд уходил куда-либо без своего легендарного револьвера на поясе. За этим вопросом сами собой возникли еще два.

Сколько лет этому человеку, который извлек их с Сюзанной из их мира и времени? И, самое важное, что с ним сейчас происходит?

Сюзанна ему обещала выяснить это сегодня... если только она будет стрелять хорошо и если Роланд не психанет. Впрочем, Эдди не думал, что Роланд ей скажет – по крайней мере вот так вот сразу, – но пришлось время дать знать этой старой образине: *они* видят, что *что-то* не так.

– Бог даст, будет вам и водица, – сказал Эдди вслух и вернулся к своей резьбе. На губах у него играла едва заметная улыбка. Оба они постепенно набираются от Роланда его прибауток... а он – от них. Как будто они стали вдруг половинками одного...

Где-то в лесу, совсем близко, упало дерево. В мгновение ока Эдди вскочил, сжимая в одной руке недоделанную рогатку, в другой – острый нож Роланда, и повернул голову в сторону звука, напряженно всматриваясь в чашу леса. Сердце бешено колотилось в груди, все пять чувств пришли наконец в боевую готовность. Что-то ломилось сквозь заросли к лагерю. Теперь Эдди явственно слышал его приближение: что-то продиралось напрямик через подлесок, и Эдди еще про себя отметил с горьким изумлением, что спохватился он, кажется, поздно.

Откуда-то из глубин сознания поднялся тоненький голосок... так, мол, тебе и надо. За то, что он делает что-то лучше Генри, за то, что выводит Генри из себя.

С натужным треском упало еще одно дерево. Теперь Эдди увидел, как в просвете между стволами в неподвижном воздухе взметнулось облако древесных опилок. Тварь, повалившая дерево, вдруг взревела – у Эдди все внутри похолодело от этого рева.

Громадный мудила.

Эдди выронил недоделанную рогатку и метнул нож Роланда в ствол сосны футах в пятнадцати слева. Перевернувшись два раза в воздухе, нож вонзился в древесину до середины клинка. Эдди выхватил Роландов револьвер, что висел на ружейном поясе на ближайшем кусте, и взвел курок.

Остаться или бежать?

Однако он быстро понял, что задаваться таким вопросом сейчас – непозволительная для него роскошь. Мало того, что тварь была громадной, она была еще и быстрой. Теперь уже поздно спасаться бегством. К северу от поляны среди стволов деревьев уже возникла исполинская фигура. Выше ее были только верхушки самых высоких деревьев. И она надвигалась прямо на Эдди, не отрывая от него горящих глаз и изрытая из мощной глотки яростные вопли.

– О Боже, по-моему, мне абзац, – прошептал Эдди. Еще одно дерево накренилось, пошло трещинами, точно мраморная плита, и повалилось на землю, подняв облако пыли и хвойных иголок. Он шел прямо к поляне, медведь размером с Кинг-Конга, и под шагами его дрожала земля.

Что будешь делать, Эдди? – раздался в сознании голос Роланда. – *Думай, соображай! Это – твое единственное преимущество перед зверем. Думай! Что нужно делать?*

Эдди не допускал, что сумеет убить эту тварь. Может быть, из базуки и получилось бы, но уж из револьвера 45-го калибра вряд ли. Он мог бы попробовать убежать, но почему-то его не покидала уверенность, что этот зверь, если захочет, может двигаться очень быстро. Мысленно он просчитал свои шансы закончить жизнь, превратившись в мокрое место под тяжелой лапой здорового медведя, вышло – пятьдесят на пятьдесят.

Ну и что мы выбираем? Открыть пальбу прямо сейчас или все же попробовать смыться, причем нестись надо так, как будто тебе задницу облили скипидаром?

А потом ему вдруг пришло в голову, что есть еще и третий путь. Можно залезть на дерево.

Он повернулся к сосне, у которой сидел, вырезая свою рогатку. Высоченное вековое дерево – наверное, самое высокое в этой части леса. Нижние его ветки распростерлись над лесным настилом пушистым зеленым навесом футах в восьми над землей. Эдди осторожно отпустил курок, сунул револьвер за ремень на брюках, потом подпрыгнул, схватился обеими руками за ветку и отчаянно подтянулся. Исполинский медведь уже вывалился на поляну, оглашая окрестности яростным ревом.

Ему не составило бы никакого труда размазать маленького человечка по нижним веткам сосны, раскрасив хвою безвкусным узором из внутренностей Эдди Дина, если бы на него вдруг не напал очередной мощный приступ чиханья. Проходя по поляне, гигантский медведище наступил на золу догорающего костра, подняв в воздух черное облако пепла и гари, и тут же согнулся почти пополам, уперев передние лапы в бока, – в это мгновение он стал похож на болезненного старика в меховом пальто, подхватившего насморк. Он чихал непрерывно – АП-ЧХИ! АП-ЧХИ! АП-ЧХИ! – а из носа и пасти его сыпались белесые паразиты, поселившиеся у него в мозгу. Горячая струя мочи потекла у него между ног и зашипела, попав на раскиданные угольки.

Эдди не стал терять драгоценные мгновения. Он полез вверх по стволу, что твоя обезьяна, помедлив только однажды, чтобы убедиться, что револьвер Роланда надежно держится за ремнем его брюк. Он был охвачен паническим ужасом, почти убежденный, что ему пришел конец (а чего еще ждать теперь, когда рядом нет Генри, чтобы за ним «присмотреть?»), но в

голове у него все равно продолжали звучать отголоски сумасшедшего смеха. *Загнали парнишку на дерево*, думал он. *Как вам такой поворот событий, болельщики и фанаты? И кто загнал-то? Медвезилла.*

Громадная тварь снова подняла голову. Существо у нее в голове уловило мерцание и блики солнечных лучей, а потом устремилось к сосне, по которой карабкался Эдди. Медведь поднял могучую лапу и подался вперед, намереваясь сбить Эдди, как шишку. Лапа проехала по суку, на котором стоял Эдди Дин, как раз в то мгновение, когда он перебрался на ветку выше, и содрала с его ноги ботинок, разлетевшийся в клочья.

Все о'кей. Можешь взять и второй, уважаемый Медведятина, если хочешь, подумал Эдди. *Я все равно собирался сменить ботинки, а то они совсем уже поизносились.*

Медведь взревел и ударил снова, прорывая глубокие раны в древней коре, кровоточащие чистой смолой. Эдди продолжал карабкаться вверх. Теперь ветви стали потоньше. Он отважился глянуть вниз и уставился прямо в мутные глаза медведя. Далеко внизу поляна превратилась в мишень, центром которой был круг тлеющих угольков костра.

– Не попал, волосатый муди... – начал было Эдди, но тут медведь, запрокинув морду, опять чихнул. Эдди обдало влажной струей горячих соплей с мелкими белыми червячками.

Их были тысячи. Они отчаянно корчились у него на рубашке, на руках, на лице и шее.

Эдди вскрикнул от неожиданности и отвращения. Он принялся стряхивать червяков с глаз и губ, потерял равновесие и едва успел вцепиться рукой в ближайшую ветку. Другой рукой он принялся стряхивать с себя эту червивую слизь, стараясь очиститься как можно лучше. Медведь заревел и снова ударил по дереву. Сосна покачнулась, как корабельная мачта в шторм... но отметины от когтей остались на этот раз в семи футах ниже той ветки, на которой сейчас примостился Эдди.

Он понял, что черви гибнут – наверное, начали гибнуть, как только покинули зараженное болото внутри тела чудовища. При этой мысли он несколько взбодрился и снова полез наверх. Поднявшись еще на двенадцать футов, он остановился, не решаясь лезть выше. Ствол сосны, футов восемь в диаметре у основания, здесь, наверху, сузился едва ли не до восемнадцати дюймов. Эдди распределил свой вес между двумя ветвями, но он чувствовал, как они пружинят и гнутся под ним. Отсюда, с высоты вороньего гнезда, открывался вид на просторы леса и на западные холмы, волнообразным ковром распростершиеся внизу. При других обстоятельствах Эдди не отказал бы себе в удовольствии насладиться изумительной панорамой.

Смотри, мама, я на вершине мира, подумал он и осторожно глянул вниз, на запрокинутую медвежью морду, и вдруг на мгновение утратил способность связно мыслить, все растворилось в элементарном изумлении.

Что-то выростало из черепа зверя... что-то похожее на радиолокатор.

Странное приспособление рывком повернулось, отбросив солнечный зайчик, и Эдди слышал тоненькое жужжание. В свое время у Эдди было несколько старых машин – из тех, что продаются в салонах подержанных автомобилей с рекламками типа МАСТЕРА НА ВСЕ РУКИ! ЗДЕСЬ ЕСТЬ ДЛЯ ВАС КОЕ-ЧТО ИНТЕРЕСНЕНЬКОЕ! на лобовом стекле, – и это жужжание напоминало ему свист подшипников, которые надо срочно сменить, пока они окончательно не полетели.

Медведь издал долгий утробный рык. Из рта у него потекли ошметки желтоватой пены с червями. Если бы Эдди не видел раньше, как выглядит конченное безумие (а он считал, что на это «сокровище» он насмотрелся вдоволь, достаточно вспомнить Детту Уокер, сучку и стерву мирового класса), то теперь ему выпал бы шанс восполнить этот пробел... спасибо еще, что эта рожа была сейчас в добрых тридцати футах под ним, а смертоносные когти, как бы чудовище ни силилось, не дотягивали до ног его футов пятнадцать. И в отличие от тех мертвых деревьев, которые чудовище повалило, пробираясь к поляне, эта сосна, полная жизненных сил, не поддавалась его напору.

– Безнадега, приятель, – тяжело выдохнул Эдди и, стерев пот со лба липкой от медвежьих соплей рукой, швырнул сгусток слизи прямо зверю в морду.

Но тут существо, которое древние называли Миа, обхватило обеими лапами дерево и принялось его трясти. Эдди что есть силы впечился в ствол, сощурился в упрямые щелки. Сосна закачалась, как маятник.

6

Роланд остановился на краю поляны. Сюзанна, сидевшая у него на плечах, уставилась, не веря своим глазам, на ту сторону открытого пространства. У сосны, где они с Роландом буквально три четверти часа назад оставили Эдди, теперь стояло косматое чудище. Сквозь завесу ветвей и темно-зеленых иголок виднелась лишь часть исполинского тела. Второй ружейный ремень Роланда валялся у чудища под ногами. Сюзанна заметила, что кобура пуста.

– Господи, – пробормотала она.

Медведь заорал, точно обезумевшая баба-кликуша, и принялся трясти дерево. Ветви задрожали, как под ураганным ветром. Сюзанна подняла глаза и разглядела маленькую фигурку почти у самой верхушки. Эдди жался к стволу, который качался туда-сюда. У нее на глазах одна рука его соскользнула и взметнулась снова, ища точку опоры.

– *Что будем делать?* – прокричала Сюзанна Роланду. – *Он сейчас его скинет! Что будем делать?*

Роланд попытался найти решение, но его опять охватило это странное состояние – в последнее время оно ни на мгновение не отпускало его, но, как видно, в стрессовой ситуации ему стало гораздо хуже. Ощущение было такое, словно рассудок его раздвоился. В его сознании поселилось как бы два человека, и у каждого были свои, отдельные от другого, воспоминания, а когда эти двое начали препираться, причем каждый из них упирал на то, что именно его память – истинная, стрелку показалось, что его разрывает надвое. Он сделал отчаянную попытку примирить этих двоих, и ему это удалось... по крайней мере пока.

– Это один из двенадцати! – прокричал он в ответ. – Из двенадцати Стражей! *Наверняка* это он! Но я думал, что все они...

Медведь снова взревел. Теперь он уже колошматил по дереву, словно этакий энергичный боксер. Отломанные ветки летели ему под лапы и ложились там беспорядочной грудой.

– *Что?* – прокричала Сюзанна. – *Что ты хотел сказать?*

Роланд закрыл глаза. В сознании у него надрывался голос:

«Мальчика звали Джейк!» Другой голос орал в ответ: «НЕ БЫЛО никакого мальчика! Мальчика НЕ БЫЛО, и ты сам это знаешь!»

«*Убирайтесь, вы оба!*» – прорывал про себя Роланд, а потом выкрикнул вслух:

– Стреляй, Сюзанна! Стреляй ему прямо в зад! А когда он повернется, целясь в такую штуку у него на голове! Она похожа...

Медведище вновь завопил. Он прекратил колошматить по дереву и опять взялся его трясти. Теперь верхушка ствола отвечала ему гулким зловещим треском.

Когда рев чудовища чуть поутих, Роланд прокричал:

– Похожа на шляпу! Маленькую такую стальную шляпу! Стреляй прямо в нее, Сюзанна! Только, пожалуйста, не промахнись!

Внезапно ее обуял безграничный ужас... и к нему примешалось еще одно чувство, которого она меньше всего ожидала: ощущение сокрушительного одиночества.

– *Нет! Я промахнусь! Стреляй лучше ты, Роланд!* – Она выхватила револьвер из своей кобуры, намереваясь отдать его Роланду.

– Я не могу! – крикнул он. – У меня не тот угол прицела! Придется, Сюзанна, стрелять тебе! Вот настоящее испытание, и ты должна его выдержать с честью!

– *Роланд...*

– *Сейчас он свернет вершушку!* – взревел стрелок. – *Ты что, не видишь?!*

Сюзанна уставилась на револьвер в своей руке, потом бросила сумрачный взгляд через поляну на исполинского медведя, едва видимого в клубах хвойных иголок. Подняла глаза. Эдди качался туда-сюда, как метроном. Скорее всего у него был с собой второй револьвер Роланда, но Эдди не мог им воспользоваться, иначе он просто свалился бы с ветки, как перезрелая груша. Да и вряд ли бы он попал в цель.

Она подняла револьвер. Внутри все скрутило от страха.

– Держи меня крепко, Роланд. Если ты меня не удержишь...

– Обо мне не беспокойся!

Она дважды нажала на спусковой крючок, стреляя так, как учил ее Роланд. Оглушительный грохот выстрелов перебил треск раскачиваемого ствола, точно два четких удара хлыста. Две пули вошли в левую ягодицу зверюги меньше чем в двух дюймах друг от друга.

Медведь завопил, в его вопле смешались боль, изумление и ярость. Из-под плотной завесы ветвей и иголок вынырнула здоровенная лапа, шлепнула по больному месту, потом оторвалась, вся в алой влаге, и снова исчезла из виду. Сюзанна представила, как под пологом ветвей чудище изучает свою окровавленную лапу. Потом вдруг раздался резкий шорох и хруст: это громадный медведь развернулся кругом, одновременно опускаясь на все четыре лапы, чтобы броситься на новоявленного врага с максимальной скоростью. Сюзанна увидела его морду, и сердце ее упало. Вся морда в пене; глазищи горят, как фонари. Косматая голова наклонилась налево... потом направо... и замерла прямо, нацелившись на Роланда, который стоял, широко расставив ноги и крепко держа Сюзанну Дин у себя на плечах.

С оглушительным ревом медведь рванулся в атаку.

7

Повтори, что мы с тобой проходили, Сюзанна Дин, и на этот раз не ошибись.

Медведь могучим прыжком бросился прямо на них... как взбесившийся фабричный агрегат, покрытый ради смеха поеденным молью ковром.

Она похожа на шляпу! Такую маленькую стальную шляпу!

Она увидела эту штуку... но, на ее взгляд, на шляпу она была не похожа. Скорее – на радар, уменьшенную версию тех устройств, какие показывают в новостях в сюжетах о том, как приборы дальнего радиолокационного обнаружения обеспечивают безопасность страны, дабы простые граждане могли спать спокойно и не бояться русских ядерных ракет. По своему размеру «радар» был больше камней, по которым она стреляла сегодня, но и до цели было гораздо дальше. Пятна тени и света пестрели повсюду, мешая целиться.

Я целюсь не рукой; та, которая целится рукой, забыла лицо своего отца.

Я не сумею!

Я стреляю не рукой; та, которая стреляет рукой, забыла лицо своего отца.

Я промахнусь! Я знаю, что промахнусь!

Я убиваю не выстрелом из револьвера; та, которая убивает выстрелом...

– Стреляй! – выкрикнул Роланд. – Стреляй, Сюзанна!

Она еще не успела взвести курок, но уже знала, что пуля вонзится в цель, направленная не чем иным, как отчаянным ее желанием попасть. Страх отступил. Осталась только холодная отстраненность и еще время подумать: *Так вот что он чувствует. Господи... как он это выдерживает?*

– Я убиваю сердцем, мудила, – сказала она, и в руке у нее гроыхнул Роландов револьвер.

8

Серебристая шутовина вращалась на стальном стержне, всаженном в череп медведя. Пуля Сюзанны ударила прямо по центру радара, и он разлетелся сотней сверкающих на солнце осколков. Сам стержень исчез в неожиданной вспышке синего пламени, которое прошло по нему до самого гнездовища и на мгновение словно бы обхватило медвежью морду по бокам.

Тот пронзительно взвыл от боли и поднялся на задние лапы, судорожно молотя воздух передними. Потом закружился на месте, махая передними лапами, словно стремясь взлететь. Пасть широко раскрылась, но на этот раз из его глотки вырвался не могучий рев, а жуткая трель, больше похожая на завывание сирены воздушной тревоги.

– Хорошо. – Голос Роланда звучал устало. – Хороший был выстрел.

– Все? Больше не надо стрелять? – неуверенно спросила Сюзанна. Медведь продолжал бродить кругами, но теперь его заносило в сторону и сгибало пополам. Он запнулся о маленькое деревце, отскочил, едва не упал, а потом снова пошел кружить.

– Не надо, – сказал Роланд; обхватив Сюзанну за талию, приподнял ее и усадил на землю. Вся операция заняла полсекунды. Эдди начал медленно спускаться, но Сюзанна этого не замечала – она не сводила взгляда с великана-медведя.

Как-то раз под Мистиком, штат Коннектикут, она видела в океанариуме китов. Они были гораздо крупнее этого косматого чудовища, но то морские животные, а если взять только животных суши, зверюги больше этой Сюзанна в жизни не встречала. И медведь, без сомнения, умирал. Его оглушительный рев превратился в какие-то влажные всхлипы, и, хотя глаза его были открыты, он, похоже, ослеп: мотался по лагерю, не разбирая дороги, опрокидывая рейки, на которых были растянута добытые шкурки, топча шалашик, который Сюзанна делила с Эдди, сбивая молоденькие и сухие деревья. Струи дыма вились вокруг стального штыря в голове медведя, как будто от выстрела у него воспламенились мозги.

Эдди добрался до нижней ветки сосны, спасшей, если так можно сказать, ему жизнь, и уселся верхом на нее, дрожа всем телом.

– Матерь Божия, Пречистая Дева Мария, – выдохнул он. – Вот смотрю и глазам не ве...

Медведь развернулся к нему. Эдди проворно соскочил с ветки и со всех ног помчался к Сюзанне с Роландом. Медведь, похоже, его не заметил: шатаясь как пьяный, он подошел к сосне, послужившей убежищем Эдди, попытался схватиться за ствол, но промахнулся и тяжело упал на колени. Теперь его всхлипы сменились новыми звуками. Эдди они напомнили грохот громадного двигателя, разваливающегося на части.

Громадное тело скрутило судорогой, выгнуло дугой. Медведь вскинул передние лапы и, словно взбесившись, вонзил острые когти себе же в морду. Брызнула кровь, кишащая червяками. Чудовище грохнулось оземь, так что земля содрогнулась, и больше не пошевелилось. После стольких веков исполинский медведь, которого древние называли Миа – «мир под покровом другого мира», – все же нашел свою смерть.

9

Эдди поднял Сюзанну и, прижимая ее к себе липкими от медвежьих соплей руками, крепко поцеловал. От него пахло потом и сосновой смолой. Она прикоснулась к его щекам, к его шее, провела руками по влажным волосам. У нее вдруг возникло безумное желание потрогать его везде, чтобы убедиться, что он живой, настоящий.

– Он едва меня не зацепил, – бормотал Эдди. – Как в луна-парке на каком-нибудь сумасшедшем аттракционе. Но какой был выстрел! Господи, Сюз... ну, ты дала!

– Я очень надеюсь, что мне никогда не придется больше повторить ничего подобного, – сказала она, но некий голос в самых глубинах ее души воспротивился. Этот голос твердил, что она ждет не дождется, когда можно будет нечто подобное повторить. Он был холодным, этот протестующий голос. Таким холодным.

– Что... – начал Эдди, поворачиваясь к Роланду, но Роланда уже не было рядом. Он медленно приближался к поверженному медведю, который лежал на земле косматыми коленями кверху. Откуда-то из глубин нутра зверя доносились приглушенные вздохи и бульканье... это кончался завод его внутренностей.

Роланд увидел свой нож, вонзенный в ствол дерева неподалеку от исполосованной сосны, которая спасла Эдди жизнь. Вытащил его, начисто вытер лезвие полрой рубахи из мягкой оленьей кожи, которая заменила старую, изорванную в лохмотья, ту, что была на нем, когда они ушли с пляжа. Стрелок стоял рядом с медведем и смотрел на него с изумлением и жалостью, мысленно обращаясь к нему:

Привет, незнакомец. Привет, старый друг. Я раньше не верил в твое существование. Вот Ален, наверное, верил... Катберт, я знаю, верил... Катберт, он верил во все... а я всегда был практичен и трезв. Я думал, что ты всего-навсего детская сказка... еще один из тех ветров, что носились в пустой голове моей старой нянюшки и вырывались из ее рта, не умолкающего ни на мгновение. Но ты все время был здесь, беглец из прошлого, как та колонка на дорожной станции, как те машины в тоннелях под горной грядой. Может быть, недоумки-мутанты, боготворящие эти сломанные останки, – потомки тех самых людей, которые жили в этом лесу когда-то и которым пришлось бежать, спасаясь от твоего гнева? Я не знаю и никогда уже не узнаю... но мне кажется, что я прав. Да. А потом я пришел со своими друзьями... новыми хорошими друзьями, которые с каждым днем напоминают все больше и больше старых закадычных моих друзей. Мы пришли, очертив магический круг вокруг себя и всего, к чему мы прикасались, соткали отравленную нить, и вот ты лежишь, бездыханный, у наших ног. Мир опять сдвинулся с места, и на этот раз, старый друг, ты остался за бортом.

Тело чудовища все еще излучало сильный тошнотворный жар. Червяки-паразиты лезли целыми ордами у него изо рта и изорванных в клочья ноздрей и почти сразу же умирали. По обеим сторонам от медвежьей головы росли белесые кучки воскового цвета.

Эдди медленно подошел к исполинскому телу. Сюзанну он нес, прижимая к бедру, как матери носят детей.

– Что это было, Роланд? Ты знаешь?

– Он назвал его, кажется, Стражем, – сказала Сюзанна.

– Да, – медленно проговорил ошеломленный Роланд. – Я думал, что их давно нет, что по-другому и быть не может... если они вообще когда-нибудь существовали... я хочу сказать, наяву, а не в старых сказках.

– Одно я знаю точно: зверь был невменяемым, – сказал Эдди.

Роланд чуть улыбнулся.

– Если бы ты прожил на свете две-три тысячи лет, ты бы тоже, наверное, стал невменяемым.

– Две-три тысячи лет... О Господи!

– Неужели это медведь? – спросила Сюзанна. – В самом деле медведь? А это что у него такое? – Она указала на какую-то штуку типа квадратной металлической бирки на задней лапе медведя. Она почти заросла косматой спутанной шерстью. Они могли бы ее и не заметить, если бы не солнечный блик, загоревшийся на гладкой поверхности из нержавеющей стали.

Эдди встал на колени и нерешительно потянулся к бирке, прислушиваясь к приглушенному шелканью, по-прежнему доносящемуся из самых глубин нутра поверженного исполина. Помедлил, взглянув на Роланда.

– Смелее, – подбодрил его стрелок. – С ним все кончено.

Эдди раздвинул густую шерсть и наклонился поближе.

Слова, выдавленные на металле, давно стерлись и стали трудноразличимы, но, приложив некоторые усилия, Эдди сумел разобрать их:

СЕВЕРНЫЙ ЦЕНТР ПОЗИТРОНИКИ

Гранитный Город

Северо-восточный коридор

Проект 4 СТРАЖ

Серия # AA24123 CX755431297 L 14

Класс/Разновидность МЕДВЕДЬ ШАРДИК

Запрещается замена субъядерных клеток

– Господи, это *же* робот, – выдавил Эдди.

– Не может быть, – возразила Сюзанна. – Когда я выстрелила в него, у него пошла *кровь*.

– Возможно, но у обычных медведей радар из башки не растет. И, насколько я знаю, медведи, как правило, не живут две-три тысячи лет... – Он вдруг замолчал, бросив взгляд на Роланда, а когда снова заговорил, в его голосе явственно слышались нотки протеста. – Что ты делаешь, Роланд?

Роланд не ответил; ему не было необходимости отвечать, что он делает. И так все ясно: ножом выковыривает медведю глаз. Прodelал он все это быстро, аккуратно и четко. Лишь мельком взглянув на медленно вытекающий желеобразный коричневый шар, наколотый на кончик ножа, Роланд стряхнул его, отбросив в сторону. Из зияющего отверстия показались еще червяки, поползли было вниз по медвежьей морде, но почти сразу же умерли.

Стрелок склонился над глазницей Шардика, исполинского сторожевого медведя, и заглянул туда.

– Идите сюда, посмотрите, вы оба, – позвал он чуть погодя. – Я покажу вам одно чудо из прежних времен.

– Опустите меня, Эдди, – сказала Сюзанна.

Он сделал, как она просила, и Сюзанна, опираясь на кисти и бедра, проворно подползла к стрелку, склонившемуся над косматой медвежьей мордой. Эдди присоединился к ним. Почти

минуту все трое смотрели в молчаливом изумлении; воцарившуюся тишину нарушали только хриплые выкрики ворон, что кружились в небе.

Несколько струек густой умирающей крови вытекло из глазницы. И все же Эдди заметил, что это не просто кровь. Вместе с кровавой жижей вытекла жидкость, распространявшая знакомый запах – запах бананов. А в сплетении тонких жилок, образующих глазницу, виднелась матовая паутинка каких-то струн. А за ними, в темных глубинах глазницы, мерцала красная искорка. Она освещала крошечную квадратную пластину, покрытую странными серебристыми загогулинами... Микросхема!

– Это не медведь, это гребаный аппарат «SONY».

Сюзанна подняла глаза.

– Что?

– Ничего. – Эдди повернулся к Роланду. – А если я туда влезу, со мной ничего не будет?

Роланд пожал плечами.

– Думаю, нет. Если в теле его и таился демон, то он теперь улетел.

Эдди протянул мизинец, готовый в любую секунду отдернуть руку, если почувствуется хоть малейший разряд электричества. Прикоснулся сначала к остывающей плоти внутри глазницы размером едва ли не с бейсбольный мяч, потом – к одной из этих непонятных струн. Только это была не струна, а очень тонкая стальная нить. Эдди вытащил палец. Красная искорка подмигнула еще раз напоследок и погасла уже навсегда.

– Шардик, – пробормотал Эдди. – Мне это имя знакомо, но что-то я не могу припомнить. Тебе, Сьюз, оно ничего не говорит?

Она лишь молча покачала головой.

– Самое странное... – Эдди беспомощно рассмеялся. – У меня оно почему-то с кроликами ассоциируется. Бредятина, правда?

Роланд встал. Суставы в его коленях громко хрустнули.

– Надо перенести лагерь, – объявил он. – Земля здесь испорчена. Та поляна, куда мы ходим стрелять, она как раз...

Он сделал пару нетвердых шагов, но вдруг ноги его подкосились, и Роланд повалился на землю, сжимая руками голову, упавшую на грудь.

10

Эдди с Сюзанной испуганно переглянулись, и Эдди рванулся к Роланду.

– Что с тобой, Роланд?

– *Был* мальчик, – отрешенно проговорил стрелок. Помедлил мгновение, чтобы сделать вдох, и добавил: – *Не было* никакого мальчика.

– Роланд? – Сюзанна приобняла его за плечи. Его била дрожь. – Роланд, что с тобой?

– Мальчик, – сказал Роланд, глядя на нее невидящими глазами. – Это мальчик. *Всегда* мальчик.

– *Какой* мальчик? – Эдди в отчаянии перешел на крик. – *Какой* мальчик?

– Тогда, значит, иди, есть и другие миры, кроме этого, – сказал Роланд и потерял сознание.

11

В ту ночь они долго сидели без сна у большого костра, разведенного Эдди с Сюзанной на поляне, которую Эдди именовал «наше стрельбище». Открытая с одного края, эта поляна не подошла бы для зимнего лагеря, но сейчас, когда в мире Роланда по-прежнему царил лето, здесь вполне можно было расположиться.

Ночное небо выгнулось над их головами черным сводом, испещренное даже не звездами, а целыми галактиками. Прямо на юге, на той стороне реки тьмы, в которую превратилась теперь долина, Эдди увидел Древнюю Матерь, встающую над далеким невидимым горизонтом. Он покосился на Роланда. Тот сидел, съежившись, у костра, кутаясь в три меховые шкуры, хотя ночь была теплой, а пламя жарко разгорелось. Рядом стояла тарелка с нетронутым ужином. А в руке Роланд сжимал кость. Эдди опять посмотрел на небо, вспоминая легенду, что рассказал им с Сюзанной стрелок за долгие дни перехода от пляжа по холмам, а потом – по дремучему лесу, где они теперь обрели временное пристанище.

Еще до начала времен, рассказывал Роланд, Старая Звезда и Древняя Матерь – оба юные, страстные и влюбленные – сочетались браком. Но однажды они разругались, и ссора эта была ужасна. Древняя Матерь (которая в те незапамятные времена звалась своим настоящим именем – Лидия) застала Старую Звезду (а его настоящее имя – Апон) с прелестной юной девой по имени Кассиопея. Это был настоящий семейный скандал со швырянием посуды, выпарыванием глаз и тасканием за волосы. Один из брошенных в запале глиняных горшков стал Землей; отбитый черепок – Луной; уголек из их кухонной печи – Солнцем. В конце концов боги вмешались в драку, пока Апон и Лидия, ослепленные гневом, не уничтожили мироздание, которое только еще зародилось. Кассиопею, бойкую красотку, из-за которой, собственно, и началась вся эта заваруха («Ну да, – ввернула тогда Сюзанна, – всегда виновата женщина»), изгнали, положив ей отныне и присно качать небесные качели, сотканные из звезд. Но даже такая крутая мера проблемы не разрешила. Лидия готова была простить и начать все снова, но в упрямом Апоне разыгралась гордость («Ну да, – высказался тогда Эдди, – во всем виноват мужик»). Так они и расстались, и теперь суждено им вечно смотреть друг на друга, исходя ненавистью и томлением, через звездную бездну, в которую рухнуло их супружество. Уже три миллиарда лет, как их не стало, Лидии и Апона, она превратилась в Древнюю Матерь, он – в Старую Звезду. Она – на юге, а он – на севере, и оба тоскуют, и оба стремятся друг к другу... но оба слишком горды, чтобы первыми сделать шаг к примирению... а Кассиопея качается на своих звездных качелях, качается и смеется над ними.

Эдди вздрогнул: кто-то легонько коснулся его руки. Сюзанна.

– Надо бы разговорить его, – сказала она вполголоса. – Пойдем?

Эдди отнес ее к костру, осторожно опустил на землю рядом с Роландом по правую руку, а сам уселся по левую. Роланд поднял голову, сначала взглянул на Сюзанну, потом – на Эдди.

– Как вы близко, однако, ко мне подсели, – заметил он. – Прямо любовники... или тюремщики.

– По-моему, тебе пора кое-что нам рассказать. – Грудной голос Сюзанны звучал чисто и мелодично. – Если мы, Роланд, тебе друзья – а так, наверное, оно и есть, нравится это тебе или нет, – то пора уже относиться к нам как к друзьям. Скажи нам, что с тобой происходит...

– ...и чем мы можем тебе помочь, – закончил за нее Эдди.

Роланд тяжело вздохнул.

– Я даже не знаю, с чего начать. У меня так давно не было ни друзей... ни чего-то, что я мог бы им рассказать...

– С медведя начни, – подсказал Эдди.

Сюзанна подалась вперед и прикоснулась к челюстной кости, которую Роланд держал в руках. Эта штука ее пугала, но она все равно прикоснулась к ней.

– А закончи ею.

– Да. – Роланд поднял кость на уровень глаз, пару секунд посмотрел на нее и уронил себе на колени. – Мы обязательно поговорим о ней. Как же иначе? К ней-то все и сходится.

Но сначала он заговорил про медведя.

12

– Эту историю мне рассказали, когда я был маленьким, – начал Роланд. – Когда мир был юным, на Земле жили древние, великий народ. Это были не боги, но люди, наделенные знанием богов. Они сотворили двенадцать Стражей, чтобы те охраняли двенадцать Врат, ведущих из этого мира в другие миры. Иной раз мне говорили, что Врата эти – явления естественные, как созвездия на небе или бездонная пропасть, которую мы называли Драконьей Могилой, ибо каждые тридцать – сорок дней оттуда извергались могучие клубы пара. Но были люди – одного я помню до сих пор, главный повар в отцовском замке, его звали Хакс, – которые утверждали, что Врата создали сами древние еще в те времена, когда петля непомерной их гордости не затянулась у них же на шее и они не исчезли с лица земли. Хакс говорил, что создание двенадцати Стражей явилось последним деянием древних, последней попыткой исправить то зло, которое они причинили друг другу и всей земле.

– Врата, – задумчиво пробормотал Эдди. – *Двери*, ты хочешь сказать. То есть мы снова вернулись к тому же. А эти двери в другие миры, они все открываются в мир, откуда пришли мы со Съюз? Как те, что мы видели на берегу?

– Я не знаю, – сказал Роланд. – На каждую вещь, что я знаю, приходится сотня вещей, о которых я даже понятия не имею. Вам... вам обоим... придется с этим смириться. Мы говорим, что мир сдвинулся с места. Это как будто отлив на море... отступающая волна, что оставляет после себя лишь обломки крушения... обломки, которые иногда выглядят точно карта.

– Но есть у тебя какие-то догадки?! – воскликнул Эдди с таким неприкрытым пылом, что стрелку стало ясно: Эдди еще не оставил надежды вернуться в свой мир... и в мир Сюзанны. Даже теперь.

– Не приставай к нему, Эдди, – тихо проговорила Сюзанна. – Человек не предполагает.

– Нет... иногда все-таки предполагает, – возразил Роланд, удивив их обоих. – Когда ему ничего другого, кроме догадки, не остается. Но мой ответ будет: нет. Я не думаю... *не предполагаю*... что эти Врата как-то связаны с дверьми на пляже. И я не стал бы предполагать, что они открываются в «куда» и «когда», которые мы с вами могли бы узнать. Мне кажется, двери на пляже... открывавшиеся в ваш мир... они как ось в центре детских качелей. Вы себе представляете, что это?

– Такая качающаяся доска? – переспросила Сюзанна и показала руками: вверх-вниз.

– Да! – Роланд как будто обрадовался, что они знают. – Вот именно. На одном конце этих качелей...

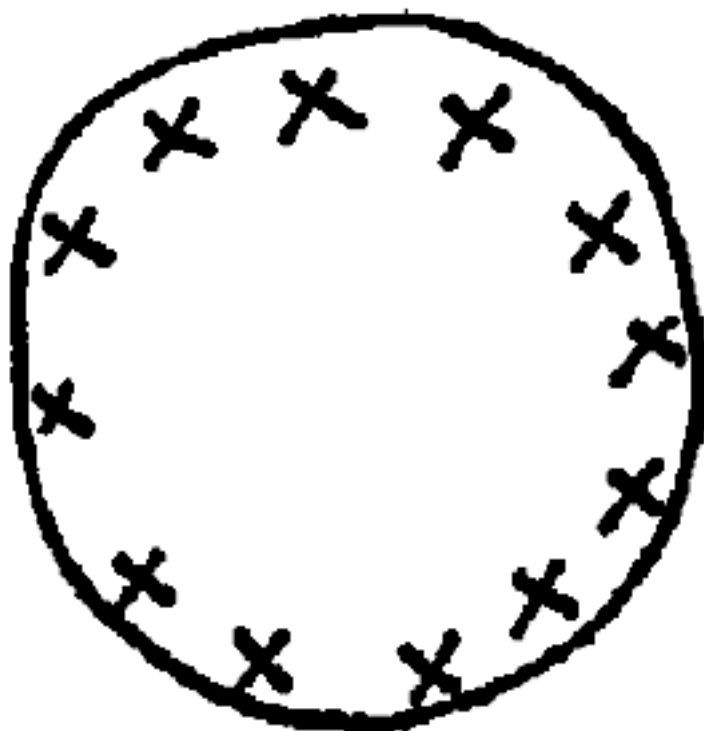
– Качалки, – улыбнувшись, поправил Эдди.

– Да. На одном конце – мое *ка*. На другом – *ка* человека в черном, Уолтера. Двери – центр, созданный напряжением между двумя противостоящими судьбами. А Врата, о которых я вам говорю, – это творение людей, которые были гораздо могущественнее, чем Уолтер, или ваш покорный слуга, или наша команда из трех человек.

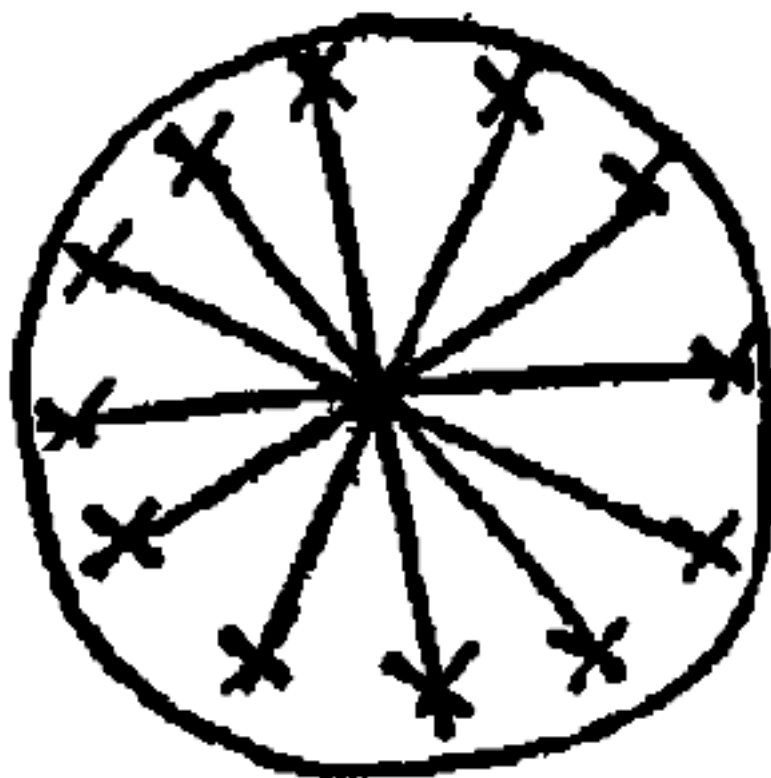
– Ты хочешь сказать, – нерешительно уточнила Сюзанна, – что Врата, которые стерегут эти самые Стражи, они *вне ка*? За пределами *ка*?

– Я хочу сказать то, что я в это верю. – Роланд улыбнулся – мимолетный изгиб губ в отблесках от костра. – Это моя *догадка*.

Он на мгновение замолчал, потом подхватил с земли прутик, расчистил немного места, раздвинув ковер из сосновых иголок, и нарисовал на земле такую картинку:

– Круг – это мир. Такой, каким мне его обрисовали, когда я был маленьким. Крестики – это Врата, образующие кольцо по его вечному краю. Если соединить их по парам с помощью шести линий... вот так...

Он поднял глаза.

– Видите, линии пересекаются в центре?

Эдди почувствовал вдруг, как его руки покрылись гусиной кожей. Во рту пересохло.

– Это то, что я думаю, Роланд? Это?..

Роланд кивнул. Его удлиненное, изборозженное морщинами лицо стало суровым и жестким.

– В этом узле расположен Великий Портал, так называемые тринадцатые Врата, которые правят не только этим отдельным миром, но всеми мирами вместе.

Он ткнул в центр круга.

– Это Темная Башня, которую я ищу всю жизнь.

13

– У каждого из двенадцати меньших Врат древние поставили по Стражу, – подытожил Роланд. – В детстве я мог перечислить их всех в стишках, которым меня научила няня – и повар Хакс, – но когда оно было, детство? Давным-давно. Помню, Медведь там был, ясное дело... Рыба... Лев... Летучая Мышь. И еще Черепаха... очень важная Черепаха...

Стрелок запрокинул голову к звездному небу и, задумавшись, наморщил лоб. А потом суровые его черты озарились вдруг лучезарной улыбкой, и Роланд продекламировал нараспев:

Есть ЧЕРЕПАХА, представьте себе,
Она держит мир у себя на спине.
В ее мыслях неспешных – весь мир и все мы,
Для любого – частичка ее доброты.
Она слышит все клятвы и все примечает,
Она знает, кто врет, но подскажет едва ли.
Она любит землю, и любит моря,
И даже такого задиру, как я.

Роланд мечтательно хмыкнул.

– Ему меня Хакс научил. Напевал, помню, замешивая глазурь для торта, а потом дал мне ложку с остатками облизать: такие тягучие капельки. Странная штука – память. Но когда я повзрослел, я перестал верить в Стражей, то есть в то, что они существуют на самом деле, – я стал думать о них как о неких символах, а не как о реальных созданиях. Однако, похоже, я ошибался.

– Я назвал его роботом, – сказал Эдди, – но это был не совсем робот. Сюзанна права... роботы не истекают кровью, если в них всадить пулю. Наверное, это был киборг. Так у нас называется существо, состоящее частью из плоти и крови, а частью – из механической и электронной аппаратуры. Есть один фильм... мы же тебе говорили о фильмах и о кино?

Улыбнувшись, Роланд кивнул.

– Ну так вот, фильм называется «Робот-полицейский», и его главный герой мало чем отличается от медведя, которого пристрелила Сюзанна. Но откуда ты знал, куда надо было стрелять?

– Я кое-что еще помню из старых сказок. Хакс в свое время немало мне их рассказал. Если бы не он, ты бы, Эдди, сейчас переваривался у медведя в желудке. В вашем мире, если ребенок чего-то не понимает, вы ему говорите, чтобы он надел свою думалку, то есть пошевелил мозгами?

– Да, – сказала Сюзанна. – Говорим.

– И мы тоже. Так вот, выражение это произошло из легенды о Стражах. У людей мозги в голове, а у Стражей – на голове. В такой шляпе. – Стрелок поднял глаза – у него был отрешен-

ный взгляд человека, погруженного в свои мысли, и опять улыбнулся. – Только эта штукавина не похожа на шляпу, верно?

– Нет, – согласился Эдди. – Но все равно эта ваша легенда оказалась достаточно точной, чтобы спасти наши филейные части.

– Теперь мне уже кажется, что я с самого начала искал кого-нибудь из Стражей, – продолжал Роланд. – Когда мы отыщем Врата, которые охранял этот Шардик – а теперь это нам не составит труда, надо просто вернуться по его следам, – у нас наконец будет правильный курс, которого мы и станем держаться. Надо лишь встать спиной к Вратам и идти прямо вперед. К центру круга... к Башне.

Эдди открыл было рот, чтобы сказать нечто вроде: «Отлично, давай побеседуем об этой Башне. Давай наконец разберемся с ней раз и навсегда... что это такое, чем она так для тебя важна и, самое главное, что с нами будет, когда мы все-таки до нее доберемся», – но потом передумал. Еще не время – пока. Надо дать Роланду возможность прийти в себя, превозмочь эту боль, что терзает его неотвязно. Не сейчас, когда только отблески от костра сдерживают натиск ночи.

– Теперь мы подходим к другой проблеме, – продолжал Роланд с горечью в голосе. – Я наконец-то определился, нашел свой путь... после стольких лет... но в то же время, мне кажется, я теряю рассудок. Ощущение такое, как будто он распадается, словно земляная дамба, размываемая дождем. Это мне наказание за то, что я допустил смерть парнишки. Мальчика, которого не было. И это тоже *ка*.

– Что за мальчик, Роланд? – спросила Сюзанна.

Роланд взглянул на Эдди.

– *Ты* знаешь?

Тот покачал головой.

– Но я же тебе про него говорил. То есть я о нем бредил, когда после заражения мое состояние стало резко ухудшаться и я чуть не умер. – Тут вдруг голос стрелка сделался на пол-октавы выше. Он так хорошо копировал голос Эдди, что Сюзанна невольно поежилась от какого-то суеверного ужаса. – «Если ты не заткнешься сейчас же, Роланд, если не прекратишь поминать этого чертова ребятенка, я тебе сделаю кляп из твоей же рубашки! Меня уже рвет – не могу больше слышать о нем!» Помнишь, Эдди?

Эдди задумался. Во время их долгого и мучительного перехода по пляжу от двери с надписью УЗНИК к другой, с надписью ГОСПОЖА ТЕНЕЙ Роланд о чем только не говорил, упомянув, кажется, не одну сотню имен в своем горячечном сбивчивом монологе: Ален, Корт, Жами де Курри, Катберт (его стрелок вспоминал чаще всего), Хакс, Мартин (или Мартен?), Уолтер, Сюзан, какой-то парень с вообще уже жутким именем – Золтан. В конце концов Эдди устал слушать обо всех этих людях, которых он в жизни не видел (и до которых ему не было никакого дела), в то время его занимали свои проблемы, причем они вовсе не ограничивались хронической героиновой недостаточностью и глобальным нарушением связи с миром людей. И уж если по-честному, он тоже тогда доставал Роланда своими «бредовыми сказками» о том, как они с Генри выросли вместе и вместе заделались наркоманами.

Но Эдди никак не мог вспомнить, чтобы он грозился заткнуть Роланду рот, если тот не прекратит болтать о каком-то ребенке.

– Неужели не помнишь? – переспросил Роланд. – Вообще ничего?

Что-то такое мелькнуло? Какое-то щекочущее прикосновение, как то ощущение *deja vu*, которое он испытал, увидев рогатку, сокрытую в отростке на пне? Эдди попробовал удержать это чувство, но оно тут же прошло. Он решил, что ему показалось, поскольку он очень *хотел* припомнить. Из-за Роланда, которому сейчас было так плохо.

– Нет, – сказал он. – Извини, дружище.

– Но я же тебе *говорил*. – Голос Роланда был тих и спокоен, но за этим спокойствием билась настойчивость, словно пульсирующая алая нить. – Мальчика звали Джейк. Я пожертвовал им... я убил его... чтобы добраться до Уолтера и заставить его говорить. Я убил его там, под горами.

– Ну, может быть, так все и было. – Теперь Эдди чувствовал себя увереннее. – Но ты мне рассказывал по-другому. Ты говорил, что ты шел под горами один, то есть не шел, а ехал на какой-то там идиотской дрезине. Пока мы с тобой шли по пляжу, ты мне всю плешь проел, Роланд. О том, как это жутко, когда ты совсем один.

– Да, я помню. Но я еще помню, как я рассказывал и про мальчика тоже, как он сорвался с моста в ту пропасть. У меня как бы две памяти, и разрыв между ними сводит меня с ума. Рассудок мой рвется надвое.

– Ничего не понимаю, – встревоженно проговорила Сюзанна.

– Я сам еще только начал въезжать, – сказал Роланд.

Он встал, чтобы подбросить в костер еще дров – сноп искр взметнулся сияющим вихрем в ночное небо, – потом снова сел между ними.

– Я вам сейчас расскажу, как оно было на самом деле... а потом расскажу, чего не было... но *должно было* быть. Я купил мула в Прайстауне, и когда мы добрались до Талла, последнего городка на границе с пустыней, тот был еще полон сил...

14

И стрелок рассказал им обо всем. Эдди один раз уже слышал его историю, только не целиком, а отдельными фрагментами, но он все равно жадно внимал, стараясь не упустить ни единого слова, как и Сюзанна, которая узнала это все впервые. Он рассказал им про бар с бесконечной игрой в «Не зевай» в уголке, про тапера по имени Шеб, про женщину Элли со шрамом на лбу... и про Норта, травоеда, который умер и которого воскресил к некоему мрачному подобию жизни человек в черном. Он рассказал и про Сильвию Питтстон, воплотившую в себе все религиозное безумие, и про последнюю апокалипсическую бойню, когда он, Роланд-стрелок, перебил все население Талла: и мужчин, и женщин, и детей.

– Господи всемогущий! – глухо воскликнул Эдди, и голос его дрожал. – Теперь я понимаю, Роланд, почему ты так поиздержался с патронами.

– Умолкни! – буркнула Сюзанна. – Пусть он закончит!

Роланд продолжал тем же спокойным, чуть отрешенным тоном.

Рассказал, как отправился через пустыню после того, как миновал хижину последнего поселенца, молодого мужчины со спутанными волосами до пояса, цвета спелой земляники. Рассказал, как мул все-таки сдох и ручной ворон юного поселенца, Золтан, выклевал мулу глаза.

Он рассказал им о долгих днях и коротких ночах в пустыне. Как он шел, держа курс по остаткам кострищ Уолтера, и как пришел, умирая от жажды, к дорожной станции.

– Там было пусто. Всегда было пусто – с тех самых дней, когда наш громадный медведь только еще заступал на вахту. Там я переночевал и отправился дальше. Это – как оно было... но я вам сейчас расскажу другую историю.

– О том, чего не было, но должно было быть? – уточнила Сюзанна.

Роланд кивнул.

– В этой вымышленной истории... небылице... стрелок по имени Роланд встречает мальчика по имени Джейк. На дорожной станции. Этот мальчик – из вашего мира, из вашего города, Нью-Йорка, и из времени где-то между Эддиным 1987-м и 1963-м Одетты Холмс.

Эдди жадно подался вперед.

– А есть в этой истории дверь, Роланд? Дверь с надписью МАЛЬЧИК или что-нибудь в этом роде?

Роланд покачал головой.

– Дверью для мальчика была смерть. Мальчик шел в школу, когда какой-то мужчина – я думаю, это был Уолтер – столкнул его на проезжую часть под колеса машины. Он слышал, как человек этот еще сказал что-то вроде: «Дайте пройти, пропустите меня, я священник». И Джейк *увидел* его – на какой-то миг, – а потом оказался уже в моем мире.

Стрелок умолк на мгновение, глядя в огонь.

– Сейчас я на минуту прерву свой рассказ о парнишке, которого не было, и вернусь к тому, что случилось на самом деле, хорошо?

Эдди с Сюзанной озадаченно переглянулись, и Эдди сделал рукой слабый жест, смысл которого выражался примерно так: «После вас, дорогой мой Альфонс».

– Как я уже говорил, на станции не было никого. Пусто. Но там была водяная колонка, она все еще работала. На задах конюшен, где когда-то держали сменных лошадей для карет. Я нашел ее по звуку, но я все равно бы нашел ее, даже в полной тишине. Я *чувствовал запах* воды, понимаете? Когда ты так долго идешь по пустыне, умирая от жажды, ты нутром чуешь воду. Я напился, потом завалился спать. Проснувшись, я снова пил. Мне хотелось выпить всю воду, которая там была... это как лихорадка, как жар. То лекарство, что ты принес мне из вашего мира – *астин*, – штука хорошая, Эдди, но есть такой жар, который не унять никаким снадобьем. Я знал: мое тело нуждается в отдыхе, но мне пришлось призвать всю свою волю, чтобы остаться там на ночь. Наутро я себя чувствовал отдохнувшим и свежим. Наполнил свои бурдюки и отправился дальше. *Я ничего там не взял – только воду*. Это самое главное в том, что случилось на самом деле. Я ничего не взял.

Тут Сюзанна заговорила своим самым ласковым и рассудительным голосом а-ля Одетта Холмс:

– Ну хорошо, так оно было на самом деле. Ты наполнил свои бурдюки и отправился дальше. А теперь расскажи нам о том, чего не было, Роланд.

Стрелок на мгновение выпустил челюстную кость из рук, сжал кулаки и потер глаза – такой странный ребяческий жест. Потом снова схватился за кость, словно бы для того, чтобы придать себе мужества, и продолжал:

– Я загипнотизировал мальчика, которого не было. С помощью одного из моих патронов. Я давно обучился этому трюку... у Мартена, как ни странно... у придворного колдуна моего отца.

Мальчик поддался легко. Пребывая в гипнотическом трансе, он мне рассказал обо всех обстоятельствах своей гибели, я вам про них уже говорил. Когда я выудил из него достаточно – дальше было уже нельзя, иначе я мог причинить ему боль, – я велел ему спать и по пробуждении забыть обо всем. О том, как он умер.

– Да уж, кому, интересно, хотелось бы помнить такое? – пробормотал Эдди.

Роланд кивнул.

– Это точно: кому? Транс его сам собой перешел в здоровый естественный сон. Я тоже лег спать. Когда мы проснулись, я сказал парню, что мне нужно поймать человека в черном. Он понял, о ком я: Уолтер тоже ночевал на этой дорожной станции. Джейк его испугался и спрятался. Я думаю, Уолтер знал, что он там, но сделал вид, будто не знает. Это его устраивало. Он мне оставил парнишку как капкан.

– Я спросил, нет ли на станции чего поесть. Я был уверен, что есть. Мальчик выглядел вполне здоровым: таков климат пустыни, в нем все сохраняется лучше, – но чтобы жить, надо есть. У мальчика было немного вяленого мяса, и еще он сказал мне, что там есть подвал. Сам он туда не спускался. Сказал, что боится. – Стрелок умолк на мгновение, окинув Эдди с Сюзанной

вдруг помрачневшим взглядом. – И правильно делал, скажу я вам, что боялся. Я нашел там еду... но еще я наткнулся на Говорящего Демона.

Эдди уставился на кость в руках у Роланда широко распахнутыми глазами. Оранжевый свет от огня плясал на древних ее изгибах и колдовских обнаженных зубах.

– Говорящий Демон? Ты хочешь сказать, *эта* штука?..

– Нет. Да. И да, и нет. Выслушайте до конца, и вы все поймете.

Он рассказал им о нечеловеческих столах, что доносились из-под земли в самом дальнем углу подвала; о струйке песка между древними плитами каменной кладки в стене. Как в стене открылась дыра, и он подошел к ней, а Джейк кричал сверху, чтобы он вылезал.

Он приказал Демону говорить... и Демон заговорил, голосом Элли, той женщины со шрамом на лбу, у которой был в Талле бар. *По Отстойнику проходи не спеша, стрелок. Пока ты идешь с мальчиком, человек в черном держит душу твою в своих руках.*

– По Отстойнику, ты сказал? – вздрогнув, переспросила Сюзанна.

– Да. – Роланд внимательно на нее посмотрел. – Это название о чем-то тебе говорит, я прав?

– Да... и нет.

Она колебалась. Частично из-за того, догадался ли Роланд, что ей не хотелось вообще говорить о вещах, для нее болезненных. Но в большей степени потому, что ей не хотелось запутывать дальше и без того запутанную историю опрометчивыми рассуждениями о том, чего она сама не знала. И это вызвало у него восхищение. Она вызвала у него восхищение.

– Говори только то, в чем уверена, – сказал он. – И ни слова больше.

– Хорошо. Отстойник – место, известное Детте Уокер. Она о нем знала, она о нем *думала*. Отстойник – это на сленге. Она подслушала, как о чем-то таком говорили взрослые, сидя на крыльце, дую пиво и вспоминая о прежних денечках. Этим словом называли место испорченное или бесполезное. Или и то, и другое вместе. Что-то в этом Отстойнике было такое – в самом *понятии* о нем, – что влекло к себе Детту. Только не спрашивайте меня что. Когда-то я, вероятно, знала. Но больше не знаю. Не хочу знать.

– Детта украла у Синей Тетушки китайское блюдо – из тех, что мои папа с мамой подавали ей на свадьбу, – и отнесла его в этот Отстойник, ее Отстойник, чтобы разбить. Этим местом она выбрала мусорную свалку. Большую такую помойку. Уже потом, позже, она иной раз цепляла парней в придорожных закусочных.

На мгновение Сюзанна умолкла, понутив голову и крепко сжав губы. Потом подняла глаза и продолжала:

– *Белых* парней. Они приводили ее на стоянку, сажали к себе в машину, а она их дразнила, ну, вы понимаете, распаляла и убегала. Эти стоянки... они тоже были Отстойником. Детта играла с огнем, но она была тогда молода и проворна, и ей нравились эти опасные игры. Позже, в Нью-Йорке, она делала вылазки в магазины... но об этом вы знаете. Оба. Всегда в хорошие магазины: «Мейси», «Гимбел», «Блумингдейл» – и воровала там всякие побрякушки. И каждый раз, когда она собиралась в такой «загул», она говорила себе: «Сегодня я собираюсь в Отстойник. Что-нибудь слямзить у этих белых ублюдков. Что-то действительно дельное, а потом разломаю все к фигамам».

Она снова умолкла, глядя в огонь. Губы ее дрожали. А когда она вновь подняла глаза, Эдди с Роландом заметили влажный блеск – слезы.

– Да, я плачу, но пусть это вас не обманет. Я помню, как я это делала, и помню, что мне это *нравилось*. Я плачу, наверное, потому, что знаю: если бы обстоятельства не изменились, я бы так продолжала и дальше.

Роланд, похоже, вновь обрел что-то от прежней своей безмятежности, почти сверхъестественного своего спокойствия.

– У нас дома была поговорка, Сюзанна: «Мудрый вор процветает всегда».

– Что мудрого в том, чтобы красть дешевые безделушки? – резко проговорила Сюзанна.

– Тебя хоть раз поймали?

– Нет...

Роланд развел руками, словно бы говоря: «Ну вот видишь».

– То есть для Детты Уокер Отстойник – это какое-то нехорошее место? – уточнил Эдди. – Я правильно понял? Потому что оно ощущалось дурным.

– И дурным, и хорошим одновременно. В этих местах была сила... там она... *заново создавала* себя, если так можно сказать... хотя это были *потерянные* места. Но ведь это никак не связано с призрачным мальчиком Роланда, правда?

– Может, и нет, – сказал Роланд. – Видишь ли, здесь у нас, в этом мире, тоже есть Отстойник. И у нас это тоже сленг. Но значения очень близки.

– И что оно у вас значит? – уточнил Эдди.

– Все зависит от конкретного места и ситуации. Оно может значить помойку. Или бордель. Или игорный дом. Или то место, куда приходят жевать бес-траву. Но самое распространенное его значение также и самое простое.

Он внимательно посмотрел на Сюзанну и Эдди.

– Отстойником мы называем такие места, где ничего нет. Отстойник – это бесплодные земли. Мертвые земли.

15

На этот раз Сюзанна подбросила в костер побольше дров. Не мигая, на юге сияла Древняя Матерь. Еще со школы Сюзанна знала: раз не мигает, значит, это планета, а не звезда. *Венера?* – спросила она себя. – *Или здешняя Солнечная система тоже другая, как и все в этом мире?*

Снова ее охватило чувство нереальности происходящего... что все это – сон. Просто сон.

– Давай дальше, – сказала она. – Что было потом, когда этот голос предупредил тебя насчет мальчика и Отстойника?

– Я запустил руку в дыру в стене, откуда сочился песок, как меня и учили делать, если вдруг нечто подобное произойдет со мной. Вынул оттуда челюсть... не эту... другую. Она была больше. Намного больше. Принадлежала, вне всяких сомнений, кому-то из древних.

– И куда она делась? – тихо спросила Сюзанна.

– В одну из ночей я отдал ее мальчику. – Отблески пламени раскрасили щеки стрелка оранжевыми жаркими пятнами и пляшущими тенями. – Как оберег... своего рода талисман. Потом, когда я почувствовал, что она свою службу уже сослужила, я ее просто выбросил.

– Тогда чья это челюсть, Роланд? – спросил Эдди.

Роланд поднес кость к глазам, задумчиво и долго смотрел на нее, потом уронил руку.

– Позже, после Джейка... после того, как его не стало... я настиг все-таки человека в черном.

– Уолтера, – уточнила Сюзанна.

– Да. У нас был разговор... *долгий* разговор. Где-то на его середине я уснул, а когда проснулся, Уолтер был мертв. Мертв уже сотню лет, если не больше. От него ничего не осталось – лишь кости, и так было, наверное, справедливо, раз уж мы пришли в место костей.

– Да уж, действительно долго вы с ним говорили, – сухо заметил Эдди.

При этом Сюзанна слегка нахмурилась, но Роланд лишь кивнул.

– Долго, – бросил он, глядя в огонь.

– Ты отправился в путь на рассвете и в тот же день, вечером, вышел к Западному морю. А ночью на берег повылезли эти омары, так? – спросил Эдди.

Роланд снова кивнул.

– Да. Но прежде чем я покинул то место, где мы с Уолтером говорили... или грезили... или что мы там делали, я не знаю... я забрал себе это. – Он поднял челюсть повыше, и оранжевый отсвет снова сверкнул на ее зубах.

Челюсть Уолтера. От этой мысли Эдди весь похолодел. *Кость из черепа человека в черном.* *Вспомни это, Эдди, мой мальчик, в следующий раз, когда ты начнешь убеждать себя, что Роланд скорее всего самый обычный парень. Все это время он таскал с собой кость человека, точно этакий... людоедский трофей. Го-о-о-споди.*

– Я даже помню, о чем я подумал, когда ее брал, – продолжал Роланд как ни в чем не бывало. – Я хорошо это помню. Это, быть может, единственное за все время воспоминание, которое не раздвоилось. Я подумал: «Что-то я просчитался, не стоило мне выкидывать ту кость, что сама пришла ко мне в руки, когда я нашел парнишку. Но ее мне заменит эта». А потом я услышал смех Уолтера – недобрый смех. И его голос тоже.

– И что он сказал? – подалась вперед Сюзанна.

– «Слишком поздно, стрелок. Слишком поздно... теперь удача изменит тебе – отныне и до конца вечности... таково твое ка».

16

– Ну хорошо, – высказался наконец Эдди. – В суть парадокса я въехал. Память твоя разделилась...

– Не разделилась, а *раздвоилась*.

– Ладно, пусть раздвоилась. Это почти одно и то же.

Эдди поднял с земли прутик и начертил на песке:

Потом указал на линию слева:

– Вот твоя память до того момента, когда ты пришел на дорожную станцию, – одна линия, видишь?

– Да.

Эдди указал на линию справа.

– А это – после того, как ты выбрался из-под гор и пришел к тому месту костей, где тебя дожидался Уолтер. Тоже одна линия.

– Да.

Эдди обвел середину рисунка неровным кружком:

– Вот что тебе нужно сделать, Роланд: огородить эту двойную линию. Окружи ее мысленно крепким высоким забором и просто забудь. Потому что это ничего *не значит* и ничего *не меняет*. Этого нет. Все *прошло*...

– Но оно не прошло. – Роланд поднял руку с челюстью. – Если все мои воспоминания о Джейке ложные – а я знаю, что так и есть, – *тогда почему она у меня?* Я взял ее, чтобы заменить ту, другую, которую выкинул – а ту, что я выкинул, я нашел в подвале, на дорожной станции, – но я-то знаю, что *не спускался в подвал!* И не разговаривал с Демоном! Я ушел со станции один. Взял только воду и *больше ничего!*

– Роланд, послушай меня. – Эдди вдруг посерьезнел. – Если кость, что сейчас у тебя в руках, ты взял на станции, тогда дело другое. Но разве не может быть так, что все это было галлюцинацией: дорожная станция, мальчик и Говорящий Демон, – и в таком случае, возможно, ты забрал челюсть Уолтера, потому что...

– Это не было галлюцинацией. – Роланд поднял на них глаза, светлые, словно выцветшие голубые глаза испытанного солдата, и вдруг сделал то, чего ни Сюзанна, ни Эдди никак от него не ожидали... Эдди мог бы поклясться, что Роланд и сам до последней секунды не думал, что он это сделает.

Он бросил челюсть в огонь.

17

Первое мгновение она просто лежала посреди костра – выбеленная реликвия, оскаленная в призрачной полуухмылке. Потом неожиданно вспыхнула алым – ослепительный красный свет залил поляну. Эдди с Сюзанной вскрикнули одновременно, прикрывая руками глаза, чтоб защитить их от обжигающе яркой вспышки.

Челюсть стала меняться. Не плавиться в пламени, а *меняться*. Зубы, торчавшие вкривь и вкось, как покосившиеся надгробия, стали сближаться. Мягкий изгиб верхней дуги распрямился и резко укоротился, как будто ввалившись.

Руки Эдди безвольно упали на колени. Затаив дыхание, он не отрываясь смотрел на кость, которая не была уже костью. Зубы ее превратились в три перевернутые буквы V. Та, что посередине, была чуть больше, чем две по краям. И вдруг Эдди увидел, во что кость тщится превратиться, точно так же, как он разглядел рогатку, сокрытую в отростке на пне.

Это был ключ.

Запомни, как он выглядит, запомни форму, пронеслась в голове Эдди лихорадочная мысль. *Ты должен запомнить. Должен.*

Он отчаянно вглядывался в костер. Три V, средняя – больше и глубже, чем две по краям. Три зубца... тот, что ближе к внешнему краю, имеет завиток, напоминающий обуженную строчную букву S...

А потом форма в пламени изменилась снова. Кость, которая стала подобием ключа, как бы поглотила сама себя, представ в виде полураспустившегося бутона с сияющими лепестками, темными и бархатистыми, словно безлунная летняя полночь. На мгновение Эдди увидел розу – торжествующую алую розу, которая могла расцвести на рассвете самого первого в мире дня, – образец бездонной, неувядающей красоты, неподвластной времени. Глаза его жадно смотрели на это чудо, а сердце раскрылось ему навстречу. Как будто вся жизнь на свете и вся любовь восстали внезапно из мертвой кости – в этом пламени, что победно воссияло в своей первозданной дерзости, утверждая: отчаяние – это мираж, смерть – это просто сон.

Роза! – Мысли Эдди неслись, обгоняя друг друга. – *Сначала – ключ, потом – роза! Открой глаза и смотри! Так начинается путь к Темной Башне!*

Неожиданно треск огня превратился в какой-то натужный кашель. Взметнулся сноп искр. Сюзанна вскрикнула и подалась назад, сбивая с платья оранжевые крупинки. Пламя могучим потоком рванулось к звездному небу. Эдди не шелохнулся. Он сидел, поглощенный видением, замороженный, попав в самую колыбель чуда, великолепного и ужасающего, не замечая искр, пляшущих у него на коже. И тут пламя потухло. Все стало как прежде.

Ни кости.

Ни ключа.

Ни розы.

Помни, сказал он себе. Помни розу... и форму ключа.

Сюзанна рыдала от ужаса и потрясения, но Эдди не сразу ее успокоил: сначала, пока не забыл, поднял прутик и вывел дрожащей рукой на сырой земле:

18

– Ты зачем это сделал? – спросила наконец Сюзанна. – Ради Бога, зачем... и что это было вообще?

Прошло пятнадцать минут. Костер почти догорел; разбросанные угольки либо были растоптаны, либо погасли сами. Эдди молча сидел, обнимая жену; Сюзанна тихонько сидела рядом, прислонившись спиной к его груди. Роланд улегся на бок и, подтянув колени к груди, уныло смотрел на оранжево-красные угольки. Как понял Эдди, ни Сюзанна, ни Роланд не видели, как кость изменялась в огне. Они видели только, как она раскалилась в пламени, а Роланд еще видел, как она взорвалась (или, скорее, лопнула, провалившись в себя? Эдди воспринял это именно так), и ничего больше. По крайней мере так думал Эдди. Роланд, случалось, хранил непроницаемое молчание и ни с кем не делился своими соображениями, переваривая все в себе. И тогда из него нельзя было вытянуть ни слова. Эдди знал это по горькому опыту. Сначала он хотел рассказать им, что видел – или *думал*, что видел, – но, как следует поразмыслив, решил пока промолчать. Пока.

От самой кости вообще ничего не осталось – даже осколочка.

– Мне так велел внутренний голос, – ответил Роланд. – Голос моего отца; всех моих отцов. Когда этот голос звучит в тебе, не повиноваться ему – и немедленно – просто невыносимо. Так меня учили. Но почему, я сказать не могу... по крайней мере сейчас. Я знаю только, что кость сказала свое последнее слово. Все это время я носил ее с собой, чтобы услышать его.

Или увидеть, – добавил про себя Эдди. И снова: – *Помни. Помни розу. И форму ключа.*

– Она нас едва не спалила! – В голосе Сюзанны смешались усталость и раздражение.

Роланд покачал головой.

– Мне кажется, она была вроде тех фейерверков, которые запускают вельможи на новогодних празднествах. Горит, шипит и пугает, но не представляет опасности.

Эдди вдруг пришла одна мысль.

– Слушай, Роланд, а это твое раздвоение сознания... оно не прошло? Когда кость взорвалась или что там с ней произошло?

Он был почти уверен, что так и было: во многих фильмах, которые он смотрел, подобная грубая шоковая терапия почти всегда приводила к положительному результату. Но Роланд лишь покачал головой.

Сюзанна заерзала в объятиях Эдди.

– Ты говорил, будто что-то начал понимать.

Роланд кивнул.

– Да, наверное. Если только я не ошибаюсь... Я тревожусь за Джейка. Где бы он ни был, *когда бы он ни был*, я боюсь за него.

– Что ты имеешь в виду? – спросил Эдди.

Роланд встал, дотянулся до своей скатки шкур и принялся их расстилать, готовя постель.

– Не многовато ли для одной ночи волнений и разговоров? Пора спать. Утром мы вернемся по следу медведя и поглядим, нет ли там Врат, которые его поставили охранять. А по дороге я вам расскажу все, что знаю и что, как мне кажется, произошло... и теперь еще происходит...

С тем он закутался в старое одеяло и недавно выделанную оленью шкуру, улегся подальше от костра и больше не проронил ни слова.

Эдди с Сюзанной легли вдвоем. Убедившись, что стрелок спит, они занялись любовью. Роланд, однако, не спал и все слышал, а когда все закончилось, слышал и их тихий разговор, который в основном шел о нем. Он еще долго лежал без сна и смотрел в темноту даже после того, как они умолкли, а дыхание их сравнялось в едином ритме.

Хорошо быть молодым, думал он. И любить. Даже на этом погосте, в который теперь превратился их мир, быть молодым и любить – хорошо.

Наслаждайтесь, пока еще можно. Ибо смерть еще повстречается впереди. Мы вышли пока к ручью крови. Но он, несомненно, приведет нас к кровавой реке. А река – к океану. В этом мире могилы зияют и мертвые не обретают покоя.

Когда восточная часть неба окрасилась дымкой рассвета, он закрыл наконец глаза. И заснул. И ему снился сон про Джейка.

19

Эдди тоже снился сон. Снилось ему, что он снова в Нью-Йорке. Идет по Второй авеню с книгой в руке.

Во сне весна была в самом разгаре. На улице тепло, весь город – в цвету... и тоска по родному дому вонзалась в него, как рыболовный крючок в живой рыбий рот, глубоко-глубоко. *Наслаждайся чудесным сном, говорил он себе, и продли его, сколько сумеешь. Смакуй его, впитывай... потому что ближе, чем сейчас, к Нью-Йорку тебе уже не подойти. Домой возврата нет, Эдди. Эта часть твоей жизни закончилась. Все.*

Он поглядел на книгу у себя в руке и вовсе не удивился, обнаружив, что это «Домой возврата нет» Томаса Вулфа. На темно-красной обложке были выдавлены три фигуры: ключ, роза и дверь. Он на мгновение остановился, открыл книгу и прочел первую строчку. *Человек в черном пытался укрыться в пустыне, – писал Вулф, – а стрелок преследовал его.*

Захлопнув книгу, Эдди направился дальше. Было, наверное, около девяти утра. Ну, может быть, полдесятого. Движение на Второй авеню пока еще не стало интенсивным. Такси, сигналив, переезжали от перекрестка к перекрестку, и блики весеннего солнца играли на их лобовых стеклах и ярко-желтых кузовах. На углу Второй и Пятьдесят второй какой-то бродяга попросил у него подаяния, и Эдди сунул ему книжку в темно-красной обложке. Опять без всякого изумления он обнаружил, что бродяга этот не кто иной, как Энрико Балазар. Он сидел по-турецки у входа в лавку чудес. КАРТОЧНЫЙ ДОМ – оповещала вывеска в витрине, под

которой стояла башня из карт Таро, увенчанная фигуркой Кинг-Конга. Из головы обезьяны торчал миниатюрный радиолокатор.

Эдди прошел дальше, дорожные знаки лениво проплывали мимо. Эдди знал, куда держит путь. Понял, как только увидел его – маленький магазинчик на углу Второй и Сорок шестой.

Да, сказал он себе. Волной накатило чувство огромного облегчения. Туда мне и надо. Именно туда. – В витрине висели окорока и сыры. ТОМ И ДЖЕРРИ. ДЕЛИКАТЕСЫ – сообщала вывеска. – СПЕЦИАЛИЗИРУЕМСЯ НА ЗАКАЗАХ К БАНКЕТАМ И ПРАЗДНИКАМ!

Пока Эдди стоял, разглядывая витрину, из-за угла вырулил очередной знакомец. Джек Андолини собственной персоной в костюме-тройке цвета ванильного мороженого и с черной тростью в левой руке. Половина лица у него отсутствовала, ободранная клешнями омарообразных чудищ.

Заходи, Эдди, – бросил Джек мимоходом. – *Чего стоишь? В конце концов есть и другие миры, и этот гребаный поезд идет через все.*

Не могу, – отозвался Эдди. – *Дверь заперта.* – Он не понимал, откуда ему известно, что дверь закрыта, но он это знал. Без тени сомнений.

Дад-а-цум, дуд-а-чи, не переживай, у тебя есть ключ, – буркнул Джек, не оглядываясь. Эдди опустил глаза и увидел, что у него действительно есть ключ: этакая примитивная штука-вина с тремя зазубринами, похожими на перевернутые буквы V.

Весь секрет в этом маленьком s-образном завитке на конце последнего зубца – в нем-то и весь секрет, подумал он и, шагнув под навес «Деликатесов» от Тома и Джерри, вставил ключ в замок. Ключ повернулся легко. Эдди открыл дверь и, переступив через порог, вышел в открытое поле. Оглянувшись через плечо, он увидел поток машин на Второй авеню, а потом дверь захлопнулась и упала плашмя. Теперь за ней не было ничего. Вообще ничего. Эдди опять оглянулся, обозревая новую обстановку, и вдруг его охватил ужас. Он увидел безбрежное поле такого густого багряного цвета, как будто здесь прогремела великая битва и на землю пролилось столько крови, что земля не смогла ее всю впитать.

И только потом Эдди понял, что это не кровь, а розы.

Уже знакомое чувство, в котором слились воедино радость и торжество, нахлынуло снова. Казалось, еще немного – и сердце взорвется в груди. Торжествуя, Эдди вскинул над головой руки, сжатые в кулаки... и вдруг застыл – с поднятыми руками.

Багровое поле раскинулось на многие мили, а у самого горизонта стояла Темная Башня – безмолвная каменная колонна, – взметнувшаяся так высоко, что Эдди едва различал в небесах ее шпиль. Основание ее, утопающее в алых ликующих розах, поражало своими внушительными, исполинскими размерами, и все же могучая Башня, пронзающая небеса, казалась изящной и легкой. Он представлял ее абсолютно черной, но камень был скорее цвета гари. По восходящей спирали темнели узкие окна-бойницы; под окнами бесконечным пролетом тянулась винтовая каменная лестница, уходя все выше и выше. Темно-серым восклицательным знаком, вколотенным в землю, вздымалась Башня над полем кроваво-красных роз. Над ней голубой аркой выгнулось небо, украшенное белыми облаками, похожими на плывущие в синеве корабли. Бесконечным потоком плыли они над шпилем Темной Башни.

Какое величие! – изумился Эдди. – *Какое великолепие... и какая тайна!* Но чувство радости и торжества отступило, сменившись непонятным недоумением и ощущением обреченности. Он огляделся и вдруг с ужасом сообразил, что стоит в тени Башни. Нет, не просто стоит – он как бы заживо под ней похоронен.

Он закричал, но крик его утонул в золотом трубном гласе могучего рога. Он обрушился с вершины Башни и, казалось, заполнил собой весь мир. И пока эта нота предостережения неслась над кровавым полем, из окон Башни излилась тьма. Вырвавшись наружу, чернота растекалась по небу вялыми клубами, но вскоре они слились воедино, образуя растущее темное пятно – даже не тучу, а черную опухоль, нависающую над землей. Вот она уже заполонила все

небо. И тут он увидел, что это не туча, и даже не опухоль, а *фигура*... сумрачная, исполинская фигура, устремленная к тому месту, где он сейчас стоял. Не было смысла бежать, спасаясь от этого зверя, вырастающего в небесах над полем роз: он все равно его схватит и унесет с собой. Унесет в Темную Башню, и больше ему никогда не вернуться в мир света.

Два провала открылись во тьме, и ужасные нечеловеческие глаза, каждый величиной едва ли не с Шардика, исполинского медведя, что лежал теперь мертвым в лесу, взглянули сверху на Эдди. Красные... как розы, как кровь.

В ушах у него гремел мертвый голос Джека Андолини: *Тысячи миров, Эдди – десятки тысяч! – и этот поезд идет через все. Если сумеешь его запустить. А если все же сумеешь, значит, твои заморочки только еще начинаются, потому что эту машину потом хрен отключишь.*

Голос Джека вдруг стал механическим и монотонным. *Потом хрен отключишь, Эдди, мой мальчик, лучше поверь мне на слово, хрен...* – ...ОТКЛЮЧЕНИЕ СИСТЕМЫ! ДО ПОЛНОГО ОКОНЧАНИЯ ОПЕРАЦИИ ОТКЛЮЧЕНИЯ – ОДИН ЧАС ШЕСТЬ МИНУТ!

Там, во сне, Эдди спрятал лицо в ладонях, защищая глаза...

20

...и, подскочив рывком, очнулся возле остывшего кострища, глядя на мир сквозь растопыренные пальцы. А голос все грохотал – бездушный голос офицера полицейского наряда, ревушего свои команды по матюгальнику:

– ОПАСНОСТИ ДАННАЯ ОПЕРАЦИЯ НЕ ПРЕДСТАВЛЯЕТ! ПОВТОРЯЮ, ОПАСНОСТИ НЕ ПРЕДСТАВЛЯЕТ! ПЯТЬ СУБЪЯДЕРНЫХ КЛЕТОК ПАССИВНЫ, ДВЕ СУБЪЯДЕРНЫЕ КЛЕТКИ – В ФАЗЕ ОТКЛЮЧЕНИЯ, ОДНА СУБЪЯДЕРНАЯ КЛЕТКА ЗАДЕЙСТВОВАНА НА ДВА ПРОЦЕНТА ОТ ПОЛНОЙ МОЩНОСТИ. ДАННЫЕ КЛЕТКИ ВЫШЛИ ИЗ СТРОЯ! ПОВТОРЯЮ, ДАННЫЕ КЛЕТКИ ВЫШЛИ ИЗ СТРОЯ! ПОДОТЧЕТНЫЙ УЧАСТОК ДЛЯ СЕВЕРНОГО ЦЕНТРА ПОЗИТРОНИКИ! ПОЗЫВНЫЕ 1-900-44! КОД ДАННОЙ СИСТЕМЫ – «ШАРДИК». ТРЕБУЕТСЯ ЗАМЕНА! ПОВТОРЯЮ, ТРЕБУЕТСЯ ЗАМЕНА!

Голос затих. Эдди увидел, что Роланд стоит на краю поляны, а Сюзанна сидит на его согнутой в локте руке. Оба они не отрываясь смотрели в ту сторону, откуда раздавался голос, и когда запись включилась по новой, Эдди наконец сумел встряхнуться, освобождаясь от ледяных остатков ночного кошмара. Он встал и присоединился к Роланду с Сюзанной, не переставая дивиться: это сколько ж веков назад было записано сообщение, запрограммированное на самовключение, но только в случае полной поломки системы.

– ИДЕТ ОТКЛЮЧЕНИЕ СИСТЕМЫ! ДО ПОЛНОГО ОКОНЧАНИЯ ОПЕРАЦИИ ОТКЛЮЧЕНИЯ – ОДИН ЧАС ПЯТЬ МИНУТ! ОПАСНОСТИ ДАННАЯ ОПЕРАЦИЯ НЕ ПРЕДСТАВЛЯЕТ! ПОВТОРЯЮ...

Эдди легонько коснулся руки Сюзанны, и она обернулась к нему.

– И давно оно балаболит?

– Минут пятнадцать. Тебя было не добудиться. Дрых, как сус... – Она вдруг умолкла, не договорив. – Эдди, выглядишь ты ужасно! Ты не заболел?

– Нет. Просто видел плохой сон.

Роланд внимательно посмотрел на него, так что под этим взглядом Эдди почувствовал себя неуютно.

– Иногда сны бывают вещими, Эдди. Этот, часом, не из таких?

Эдди подумал мгновение и покачал головой.

– Я не помню.

– Что-то я сомневаюсь, что ты не помнишь.

Эдди пожал плечами и выдавил слабую улыбку.

– Сомневайся себе на здоровье. А как ты себя чувствуешь, Роланд?

– Тоже погано. – Голубые глаза стрелка по-прежнему пристально изучали Эдди.

– Прекратите, – вмешалась Сюзанна вроде бы бодрым голосом, но Эдди все-таки уловил скрытые нотки нервозности. – Вы оба. У меня есть дела поважнее, чем смотреть, как вы тут скачете и пытаетесь пнуть друг друга, все равно как дети, когда разыграются в «Две дрожалки». И особенно сегодня, сейчас, когда этот дохлый медведь так орет, что весь лес трясется.

Стрелок кивнул, но не сводя глаз с Эдди.

– Хорошо... но ты, Эдди, уверен, что ничего не хочешь мне рассказать?

Эдди уже начал подумывать о том, чтобы действительно рассказать. О том, что он видел в огне костра. О том, что было во сне. Но, еще раз поразмыслив, решил промолчать. Может быть, из-за розы в пламени или из-за багряного изобилия роз, окрасивших алым безбрежное поле во сне. Он понимал, все равно ему не передать словами то, что видели его глаза и чувствовало его сердце: слова обесценят увиденное. И потом, для начала ему хотелось обдумать все самому.

Но помни, снова сказал он себе... только голос в сознании у него прозвучал совсем не похоже на его собственный голос. Он был глубже, старше – этот чужой голос. *Помни розу... и форму ключа.*

– Я потом.

– Что ты потом? – переспросил Роланд.

– Расскажу. Когда это станет действительно важным, ну, ты понимаешь, я все расскажу. Вам обоим. Сейчас это пока не так важно. Так что, если мы все-таки едем куда-нибудь, Шан, старик, то седлай.

– Шан? Кто такой Шан?

– Об этом я тоже тебе расскажу потом. Как-нибудь. А теперь пора двигаться.

Они свернули лагерь, упаковали свои пожитки и отправились в путь. Сюзанна забралась к себе в коляску. Эдди вдруг преисполнился твердой уверенности, что дорога им предстоит не такая уж долгая.

21

Однажды, когда Эдди еще не увлекся своим героинем так, чтобы все остальное напрочь перестало его интересовать, они с друзьями смотались в Нью-Джерси на концерт двух металлических групп – «Чумной нарыв» и «Жертвы радиации» – в «Медоулендсе». Так вот, Эдди казалось, что грохот от «Чумного нарыва» был только чуточку громче, чем рев повторяющегося сообщения, доносящегося из нутра поверженного медведя, хотя он и не был уверен на все сто процентов. Еще в полумиле от поляны, где валялся медведь, Роланд не выдержал, остановился и оторвал шесть небольших лоскутков от своей старой рубашки. Скатав шарики, странники затолкали их в уши и только тогда пошли дальше. Но даже подобная мера не особенно защитила их от непрерывных раскатистых звуков.

– **ИДЕТ ОТКЛЮЧЕНИЕ СИСТЕМЫ!** – проревело в медведе, когда они ступили на поляну. Зверь лежал там же, где и свалился, у подножия сосны, куда забирался Эдди, – поверженный колосс с раздвинутыми ногами и коленями, нацеленными в небеса, точно лохматая женщина-великанша, которая умерла при родах. – **ДО ПОЛНОГО ОКОНЧАНИЯ ОПЕРАЦИИ ОТКЛЮЧЕНИЯ – СОРОК СЕМЬ МИНУТ! ОПАСНОСТИ ДАННАЯ ОПЕРАЦИЯ НЕ ПРЕДСТАВЛЯЕТ...**

«Да уж, не представляет, – бурчал про себя Эдди, подбирая разбросанные шкурки из тех немногих, которые остались более или менее целыми после атаки медведя и его метаний в предсмертной агонии. – Еще как представляет. *Большую* опасность. Для моих бедных ушей». Он поднял с земли ружейный пояс и молча отдал его Роланду. Рядом валялся кусок деревяшки,

из которого он вырезал рогатку. Эдди поднял и его и засунул в кармашек на спинке коляски Сюзанны. Стрелок медленно обернул вокруг талии широкий кожаный пояс и завязал сыромятные ремешки.

– ...В ФАЗЕ ОТКЛЮЧЕНИЯ, ОДНА СУБЪЯДЕРНАЯ КЛЕТКА ЗАДЕЙСТВОВАНА НА ОДИН ПРОЦЕНТ ОТ ПОЛНОЙ МОЩНОСТИ. ДАННЫЕ КЛЕТКИ...

Сюзанна держалась поближе к Эдди. Он передавал ей шкурки, а она их запихивала в большую сумку у себя на коленях, которую сшила сама. Когда они уложили последнюю, Роланд похлопал Эдди по плечу и передал ему заплечный мешок с засоленной олениной (в трех милях от их лагеря, вверх по ручью, Роланд набрел на естественный соляной лизунец). Точно такой же мешок уже висел за плечом у Роланда. Другое плечо оттягивал его кошель – переворошенный и снова набитый всякой всячиной до отказа.

С ближайшей ветки свисала странной конструкции упряжь грубой ручной работы из прошитой стежками оленьей кожи. Роланд подхватил ее, пару секунд подержал в руках, а потом перекинул за спину и закрепил концы под грудной клеткой. Сюзанна скорчила кислую мину, и Роланд это увидел. Впрочем, он ничего не сказал – все равно он не смог бы перекрычать медведя, даже если бы заорал во весь голос, – а только сочувственно пожал плечами и развел руками: *Нам она может понадобиться, ты же знаешь.*

В ответ она тоже пожала плечами. *Знаю... но это не значит, что я в восторге.*

Стрелок указал пальцем через поляну. Там две покосившиеся ободранные ели отмечали то место, где Шардик, которого здесь называли когда-то Миа, вывалился на поляну.

Эдди наклонился к Сюзанне, сложил большой и указательный палец в колечко и вопросительно приподнял брови. *О'кей?*

Она кивнула, но прижала ладони к ушам. *О'кей... только давай выбираться отсюда, пока я окончательно не оглохла.*

Странники двинулись через поляну. Эдди толкал перед собой коляску с Сюзанной, держащей на коленях сумку, набитую шкурками. Кармашек на спинке коляски был тоже набит до отказа, так что Эддина деревяшка была не единственным его содержимым.

За их спинами медведь продолжал гроыхать своим последним обращением к миру, сообщая, что полное отключение системы произойдет через сорок минут. Эдди не чаял уже дожждаться. Сломанные ели, склонившиеся друг к другу, образовывали грубое подобие ворот, и Эдди подумал: *Вот где Роландов путь к Темной Башне начинается по-настоящему, по крайней мере – для нас.*

Он снова вспомнил свой сон – долгая спираль окон, распускающих черные флаги тьмы; тьмы, что нависла зловещим пятном над нескончаемым полем роз, – и когда они проходили под покосившимися стволами, его вдруг охватила дрожь.

22

Им удалось проехать с коляской намного дальше, чем Роланд смел надеяться. Многовековые напластования опадавшей хвои древних елей выстлали землю толстым ковром, заглушающим рост подлеска. У Сюзанны были сильные руки – сильнее, чем у Эдди, хотя Роланд был уверен, что уже скоро в этом они сравняются, – и она без труда толкала коляску по относительно ровному лесному настилу. Когда же дорогу им преграждали деревья, поваленные медведем, Роланд брал Сюзанну на руки, а Эдди перетаскивал коляску через препятствие.

Сзади – расстояние едва-едва приглушало могучий грохот – медведь сообщил, надрывая свой механический глас, что рабочая мощность последней субъядерной клетки уже почти на исходе.

– Надеюсь, сегодня тебе не придется задействовать эту чертову упряжь! – прокричала Сюзанна стрелку.

Роланд согласился с ней, но не прошло и четверти часа, как земля под ногами резко пошла под уклон и в старый лес нагло полезли деревья поменьше и помоложе: ольха, береза и даже несколько чахлых и низкорослых кленов, упрямо цепляющихся за почву в поисках опоры. Ковер из иголок стал тоньше, и колеса коляски Сюзанны теперь начали задевать за низкий плотный кустарник, разросшийся между деревьев. Его тонкие веточки так и норовили вцепиться в спицы из нержавеющей стали. Эдди подналег всем своим весом на ручки, и так им удалось продвинуться еще на четверть мили вперед. Но потом спуск стал круче, а земля под ногами – мягче.

– Пора залезать на закорки, сударыня, – объявил Роланд.

– Давай попробуем на коляске еще чуть-чуть, а? Вдруг дальше будет полегче...

Роланд покачал головой.

– Если поедешь в коляске по этой горе... как там у вас говорится, Эдди?.. Провернешься?

– Навернешься, Роланд. Словечко из беспутной моей подзаборной юности.

– Ну ладно, как его там ни переименовывай, означает оно «расшибить себе голову». Так что, Сюзанна, давай забирайся.

– Я ненавижу, когда мне тычут, что я калека, – раздраженно пробормотала Сюзанна, но все же позволила Эдди вытащить себя из коляски и посадить в упряжь за спиной Роланда. Усевшись как следует, она взялась за рукоять Роландова револьвера.

– Не хочешь взять себе этого малыша? – спросила она Эдди.

Он покачал головой.

– У тебя получается лучше. И ты это знаешь не хуже меня.

Она что-то буркнула и поправила ружейный ремень, чтобы при необходимости было сподручнее достать револьвер правой рукой.

– Я вас, ребята, задерживаю, вот что я знаю... но если мы все-таки случайно набредем на какой-нибудь старый добрый асфальт, тут я вас сделаю – не угонитесь.

– Не сомневаюсь, – сказал Роланд... и вдруг склонил голову набок, прислушиваясь. Лес окутала тишина.

– Мистер Медведь наконец-то заглох, – объявила Сюзанна. – Слава Богу.

– Мне казалось, у него еще есть семь минут, – вставил Эдди.

Роланд поправил ремешки упряжи.

– У него, наверное, часы поотстали за последние пять сотен лет.

– Ты действительно думаешь, он такой древний, Роланд?

Роланд кивнул.

– Это как минимум. А теперь и его не стало... последнего из двенадцати Стражей.

– Спроси меня, очень ли я убиваюсь по этому поводу, – сострил Эдди, и Сюзанна рассмеялась.

– Тебе удобно? – спросил у нее Роланд.

– Нет, у меня уже болит задница, но ничего – терпимо. Только ты постарайся, пожалуйста, не уронить меня, ладно?

Роланд молча кивнул и направился вниз по склону. Эдди поплелся следом, толкая перед собой пустую коляску и стараясь при этом не очень сильно гроыхать колесами о камни, что стали теперь попадаться у них на пути. Точно большие белые костяшки, торчали они из земли. Теперь, когда медведь наконец заткнулся, Эдди все чаще и чаще ловил себя на мысли о том, что в лесу как-то уж слишком тихо... Он чувствовал себя героем одного из тех старых фильмов про джунгли, где полно людоедов и здоровенных свирепых горилл.

23

Найти медвежий след было легко, а вот идти по нему, как выяснилось, не очень. Миль через пять после поляны он завел их в болотистую низину, хорошо еще не в настоящую топь. К тому времени, когда дорога опять пошла в гору и земля стала потверже, вылинявшие джинсы Роланда намокли почти по колено, а сам он дышал тяжело и хрипло. И все же он был в лучшей форме, чем Эдди, которому приходилось тащить коляску Сюзанны по вонючей стоячей воде.

– Самое время нам отдохнуть и чуть-чуть подкрепиться, – объявил Роланд.

– Господи, наконец-то, – выдавил Эдди, помогая Сюзанне слезть со спины Роланда и усаживая ее на поваленный ствол с глубокими отметинами от когтей. Сам он плюхнулся рядом.

– Ты мне всю коляску измызгал, мой белый мальчик, – сказала Сюзанна. – Я все про тебя пропишу в отчете.

Приподняв бровь, он взглянул на нее.

– На ближайшей же автомойке я все исправлю. Собственноручно тебя провезу. Я даже смажу сцепление этой чертовой колымаги, о'кей?

Она улыбнулась.

– Люблю тебя на слове, красавчик. За тобой свидание.

Вокруг талии Эдди был обернут один из Роландовых бурдюков.

Он похлопал по нему ладонью.

– О'кей?

– Да, – отозвался Роланд. – Только немного на этот раз. Каждому по глотку – и вперед. Чтобы не было судорог.

– Роланд, Зоркий Разведчик из Страны Оз. – Эдди хихикнул, снимая бурдюк.

– Что за Оз?

– Такая вымышленная страна из фильма, – пояснила Сюзанна.

– И не только из фильма, – поправил Эдди. – Мой брат Генри читал мне истории про Страну Оз. Я тебе как-нибудь расскажу, Роланд.

– Было бы здорово, – отозвался стрелок серьезно. – Мне бы хотелось узнать побольше о вашем мире.

– Оз в общем-то не наш мир. Как сказала Сюзанна, это вымышленная страна...

Роланд протянул каждому по куску солонины, завернутой в какие-то широкие листья.

– Когда хочешь скорее узнать о каком-нибудь новом месте, изучи для начала его легенды и сказки. Я бы послушал про эту Страну Оз.

– О'кей. Это тоже своего рода свидание. Сьюз расскажет тебе про Дороти, и Тото, и про Железного Дровосека, а я – обо всем остальном. – Он откусил кусок мяса и закатил глаза от удовольствия. Оно впитало в себя запах листьев, в которые было завернуто, и вкус получился изумительный. Эдди жадно прикончил порцию, и все это время, пока он ел, в желудке у него деловито урчало. Теперь, отдышавшись, он себя чувствовал великолепно. Мышцы его тела потихоньку наливались силой, и все его части были ладно пригнаны друг к другу.

Не волнуйся, сказал он себе. К вечеру будешь выжат как лимон. Похоже, Роланд намерен идти, пока я не свалюсь на месте.

Сюзанна ела не так жадно, как Эдди, запивала каждый второй-третий кусочек глотком воды и поворачивала мясо в руках, обкусывая его по краям.

– Вчера вечером мы не договорили, – обратилась она к Роланду. – Ты сказал, что кое-что начинаешь уже понимать... насчет непреодолимого раздвоения твоей памяти.

Роланд кивнул.

– Да. Мне кажется, обе ее половины истинны. Хотя одна – чуть-чуть правдивее, чем другая, но это не значит, что эта вторая – лжет.

– По мне, так, Роланд, это полная белиберда, – вставил Эдди. – Либо тот мальчик Джейк был там на станции, либо нет.

– В этом и заключается парадокс... что-то утверждается и отрицается одновременно. И пока это противоречие как-то не разрешится, моя память так и будет оставаться раздвоенной. Это само по себе уже плохо, но что самое гадкое – разрыв между этими половинами все больше расширяется. Я это чувствую. Но... не знаю, как выразить.

– А в чем, ты думаешь, причина? – спросила Сюзанна.

– Я вам уже говорил, что парнишку столкнули под колеса машины. *Столкнули*. А кто из известных нам типов имел привычку толкать людей подо всякие штуки?

Лицо Сюзанны озарилось вдруг пониманием.

– Джек Морт. Ты хочешь сказать, это *он* столкнул мальчика под машину?

– Вот именно.

– Но ты говорил, что это сделал человек в черном, – возразил Эдди. – Твой приятель Уолтер. Ты говорил, мальчик видел *его*... какого-то мужика, похожего на священника. Ты говорил, мальчик слышал, как тот сказал: «Пропустите меня, я священник». Или я, может быть, ошибаюсь?

– О да, Уолтер был там. Они *оба* были там, и оба столкнули Джейка.

– Кто-то принес торазин и смирительную рубашку, – продекламировал Эдди. – Наш Роланд, бедняжка, немного тронулся умом.

Роланд не обратил внимания на язвительные слова; он начал уже понимать, что дурацкие шутки Эдди – это своеобразный способ справляться со стрессовой ситуацией. Катберт поступал почти так же... как и – по-своему – Сюзанна... и Алэн тоже.

– Но меня больше всего раздражает то, – продолжал он невозмутимо, – что я должен был *знать*. Я ведь был у него *внутри*, у Джека Морта, я имел доступ ко всем его мыслям, как это было с тобой, Эдди, и с тобой, Сюзанна. Я *видел* Джейка, когда был внутри Морта. Видел глазами Морта, *и я знал, что Морт хочет столкнуть его*. Мало того – я ему *помешал*. Всего-то и надо было войти в его тело. Он даже не понял, что его отвлекло. Он был полностью сосредоточен на Джейке и подумал, что я – это какая-то муха, севшая ему на шею.

Эдди начал кое-что понимать.

– То есть, если он тогда не столкнул Джейка, значит, Джейк и не умирал. А если он не умирал, стало быть, его не было здесь, в этом мире. А если его не было в этом мире, ты никак не мог встретить его на станции. Правильно?

– Правильно. Я еще даже подумал тогда, что, если Джек Морт собирается убить Джейка, мне бы не надо во все это лезть. Чтобы не сотворить этот самый парадокс, который терзает меня теперь, разрывая надвое. Но я не мог не вмешаться. Не мог. Я... я...

– Ты не мог снова убить парнишку, – закончил за него Эдди. – Каждый раз, когда я уже начинаю думать, что ты такой же бездушный, как тот электронный медведь, ты поражаешь меня неожиданным проявлением нормальных человеческих чувств. Черт возьми.

– Прекрати, Эдди, – тихо сказала Сюзанна.

Эдди взглянул на стрелка, который сидел, склонив голову, и поморщился.

– Ладно, прости меня, Роланд. Моя мама частенько мне говорила, что я сначала что-нибудь сдуру ляпну и только потом подумаю, что я такое сказал.

– Да все нормально. Был у меня один друг... у него тоже язык с головой не дружил.

– Катберт?

Роланд кивнул. Он долго смотрел на свою искалеченную правую руку, потом сжал двупалую ладонь в кулак, отозвавшийся болью, вздохнул и снова поднял глаза. Где-то в зарослях леса заливался жаворонок.

– Но в одном я уверен. Даже если бы я не вошел тогда в Джека Морта, он *все равно* не стал бы толкать Джейка в тот день. Почему? Это *ка-тет*. С тех самых пор, когда умер

последний мой друг... из тех, с кем мы начали этот поход... я в первый раз оказался опять в самом средоточии *ка-тета*.

– Квартета? – озадаченно переспросил Эдди.

Стрелок покачал головой.

– «Ка»... обычно под этим словом подразумевают «судьбу», хотя его истинное значение гораздо сложнее, Эдди, и его трудно определить однозначно, как и почти все слова Высокого Слога. А «тет» – это группа людей, объединенных единой целью. Например, мы трое – тет. А «ка-тет» – это место, где жизни многих сведены судьбой воедино.

– Как в «Мосту Святого Людовика»⁵, – пробормотала Сюзанна.

– Как? – переспросил Роланд.

– Такая история про людей, которые умерли вместе... они шли по мосту, и он обвалился. Это известная в нашем мире книга.

Роланд кивнул, что он понял.

– В данном случае *ка-тет* связал Джейка, Морта и меня. И не было там никакой ловушки, как мне показалось сначала, когда я понял, кого Джек Морт избрал своей следующей жертвой, потому что *ка-тет* изменить нельзя. Над ним не властна наша воля. Но *его* можно увидеть, узнать и понять. Уолтер видел, и Уолтер знал. – Стрелок ударил себе по бедру кулаком и с горечью воскликнул: – Как он, наверное, про себя хохотал, когда я наконец до него добрался!

– Давай вернемся к тому, что могло бы случиться, если бы ты не вмешался и не перепутал все планы Морта в тот день, когда он преследовал Джейка, – перебил его Эдди. – Ты говорил, если бы ты ему не помешал, его остановило бы что-то другое. Я правильно понял?

– Да... потому что в *тот* день Джейку не было суждено умереть. Быть может, тот день уже *близился*... но он еще не настал. Я это чувствовал. Может, как раз перед тем, как толкнуть Джейка, Морт бы заметил, что кто-то за ним наблюдает. Что кто-то совсем незнакомый готов вмешаться. Или...

– Или там был легавый, – подсказала Сюзанна. – Он мог заметить легавого. Не в том месте и в неподходящее время.

– Да. Внешняя причина – посланник *ка-тет* — не имеет значения. Я по личному опыту знаю, что Морт, старый лис, был хитер.

Если бы он вдруг почуял, что в чем-то произошел хоть малейший сбой, он бы тихо смылся, залег бы в нору и дождался другого дня. И я знаю кое-что еще. Он охотился исподтишка. Маскировался. В тот день, когда он сбросил кирпич на голову Одетты Холмс, на нем были вязаная шапка и свитер на пару размеров больше. Он оделся как пропойца-подзаборник, потому что кирпич он кидал из здания, где ночевали такие вот забулдыги. Вам понятно?

Они закивали.

– А спустя годы, в тот день, когда он толкнул тебя под поезд, Сюзанна, он был одет как рабочий-строитель. На нем был большой желтый шлем, который он про себя называл «твердой шапкой»... и еще он себе прилепил фальшивые усы. То есть в тот день, когда он собрался бы действительно толкнуть Джейка, *он бы оделся как священник*.

– Господи, – прошептала Сюзанна. – Человек, толкнувший его в Нью-Йорке, – это Джек Морт, а тот, кого мальчик видел на станции, стало быть, этот твой старый приятель, за которым ты гнался, – Уолтер.

– Да.

– Но мальчик думал, что это один и тот же мужик, потому что оба они были в черных похожих одеждах?

Роланд кивнул.

⁵ Повесть американского писателя Торнтон Уайлдера (1897–1975).

– Они даже внешне похожи, Джек Морт и Уолтер. Не то чтобы как братья, я не это имел в виду, но они оба были высокого роста, с темными волосами и очень бледными лицами. И учитывая тот факт, что Джейк видел Морта единственный раз, когда уже умирал, а Уолтера тоже только однажды, находясь при этом в странном незнакомом месте, перепуганный до полусмерти, вполне простительно и понятно, что он ошибся. Если во всей ситуации и присутствовал некий осел, так это я, ваш покорный слуга, потому что мне следовало соображать быстрее.

– И Морт бы не понял, что его используют? – спросил вдруг Эдди. Раздумывая о собственном опыте, о своих переживаниях и диких мыслях, вызванных Роландом в его сознании, Эдди не понимал, как такое вообще могло быть, чтобы Морт не знал... но Роланд лишь покачал головой.

– Уолтер всегда действовал очень коварно, незаметно и, если так можно сказать, утонченно. Морт бы решил, что идея одеться священником принадлежит целиком ему... так мне кажется. Он бы не различил голоса чужака – Уолтера, – что шепотом подсказывал из глубин сознания, как ему следует поступить.

– Джек Морт, – выдавил Эдди. – Каждый раз этот Джек Морт.

– Да... но не без помощи Уолтера. Но как бы там ни было, я все равно спас Джейку жизнь. Когда я заставил Морта спрыгнуть с платформы подземки под поезд, я все изменил.

– Но если этот Уолтер мог так вот запросто, когда ему вздумается, проходить в наш мир... может, через какую-то дверку для личного пользования... разве не мог он использовать и кого-то другого, чтобы толкнуть твоего парнишку? – спросила Сюзанна. – Если он сумел подсказать Морту одеться священником, он с тем же успехом мог бы привлечь и кого-то еще... что, Эдди? Чего головой мотаешь?

– Потому что мне кажется, Уолтер этого не хотел. А хотел он другого. Именно того, что как раз сейчас и происходит... чтобы Роланд терял рассудок, постепенно сходил с ума. Я не прав?

Роланд кивнул.

– Но даже если бы Уолтер хотел смерти Джейка, у него все равно бы уже ничего не вышло, – продолжал Эдди. – Потому что он умер задолго до того дня, когда Роланд нашел эти двери на берегу. Когда Роланд вошел в третью дверь и в сознание Джека Морта, старина Уолтер давно почил в бозе.

Сюзанна подумала и кивнула.

– Да, понимаю... по-моему. Все эти путешествия во времени здорово с панталыку сбивают, а?

Роланд принялся укладывать все, что вынул, обратно в сумку.

– Пора двигать дальше.

Эдди встал и закинул свой мешок за плечо.

– Зато тебе есть чем утешиться, – повернулся он к Роланду. – Ты... или этот твой *катет*... сумели все-таки спасти парня.

Роланд сосредоточенно перевязывал узлы упряжи. Когда же он поднял глаза, Эдди невольно попятился от их чистоты и прозрачности.

– Правда? – хрипло выдавил стрелок. – Ты действительно так считаешь? Я постепенно схожу с ума, пытаюсь жить, примирив между собой две разные версии одной реальности. Я поначалу еще надеялся, что одна из них потихоньку сотрется из памяти, только этого не происходит. Как раз наоборот: обе эти версии проявляются у меня в голове все четче и четче, и противостояние между ними грозит разразиться уже настоящей войной. Так что лучше скажи мне, Эдди, как, по-твоему, должен себя чувствовать *Джейк*? Каково это – *знать, что в одном мире ты умер, а в другом продолжаешь жить*?

Снова запел свою песню жаворонок, но никто из них этого не заметил. Эдди смотрел в вылинявшие голубые глаза, горящие на бледном лице стрелка, и не знал, что ответить.

24

В ту ночь они разбили лагерь на поляне в пятнадцати милях к востоку от того места, где остался мертвый медведь. Измотанные, они заснули, как только легли (даже Роланд проспал всю ночь, хотя его сны были похожи на бешеный карнавал кошмаров), и проснулись на следующий день на рассвете. Эдди молча развел костер и лишь взглянул на Сюзанну, когда в зарослях неподалеку раздался выстрел.

– Завтрак, – коротко констатировала она.

Три минуты спустя Роланд вернулся в лагерь со шкуркой, перекинутой через плечо. На ней покоился свежесъеденный и уже освеженный кролик. Сюзанна молча его приготовила. Странники поели и отправились дальше.

Эдди пытался представить себе, каково это: помнить о собственной смерти. Все утро эта мысль не давала ему покоя.

25

А вскоре после полудня они вышли к участку леса, где почти все деревья были повалены или выкорчеваны из почвы, а кустарник буквально размазан по земле – впечатление было такое, что когда-то давно здесь неистово бушевал ураган.

– Мы почти добрались, – объявил Роланд. – Теперь уже близко. Он тут все порушил, чтобы расчистить обзор. Наш приятель-медведь не любил сюрпризов. Он был здоровенный, но не любезный.

– А он не оставил, случайно, сюрпризов *нам*? – полюбопытствовал Эдди.

– Может быть, – улыбнулся Роланд, похлопав его по плечу. – Но если даже и так, это будут *старенькие* сюрпризы.

Здесь им пришлось сбавить темп. Большинство из поваленных деревьев, преграждавших дорогу, были старыми, даже древними – многие превратились в труху, мешаясь с землей, из которой их выдернули когда-то, – но тем не менее еще оставалось немало завалов, значительно осложнявших продвижение вперед. Даже если бы все трое были физически полноценными, такой переход все равно представлял бы немалые трудности, а ведь ситуацию усугубляло и то, что Роланду приходилось тащить на себе Сюзанну, так что поход превратился в настоящее испытание на выносливость и выдержку.

Местами раскиданные деревья и расплюснутый кустарник полностью перекрывали медвежий след, и это тоже задерживало странников. До полудня они шли, ориентируясь по глубоким отметинам когтей на стволах, четким и ясным, как проложенная меж деревьев тропа. Но здесь, в самом начале пути, гнев исполинского зверя не разыгрался еще в полную силу, и отметины эти пропали. Роланд медленно прокладывал дорогу, высматривая испражнения в кустах и клочки шерсти на коре поваленных деревьев, через которые перебирался медведь. День уже близился к вечеру, когда они наконец миновали эти лесные руины, – и прошли всего-то три мили!

Эдди уже опасался, что они не выберутся оттуда до темноты и им придется заночевать в этом жутком месте, не пробуждающем в нем ничего, кроме чувства гадливости, но, когда он совсем уже было отчаялся, они вышли наконец на опушку леса, заросшую редкой ольхой. Впереди за деревьями в каменном своем ложе журчал ручей. За спиной заходящее солнце пролило воспаленный багряный свет на разоренный участок леса, который они только что миновали. В гаснущем свете дня стволы упавших деревьев обернулись перекрестием черных линий, напоминающих китайские иероглифы.

Роланд объявил привал и снял со спины Сюзанну. Потянувшись как следует, он упер руки в бока и немного размялся, покрутив корпусом вправо и влево.

– Здесь, что ли, заночуем? – с облегчением осведомился Эдди.

Роланд покачал головой.

– Отдай ему свой револьвер, Сюзанна.

Она сделала, как он велел, лишь вопросительно на него посмотрела.

– Пойдем, Эдди, со мной. Мы уже совсем рядом. Место, ради которого мы пришли... оно на той стороне этой окаймленной ольхой опушки. Нам надо взглянуть. И еще кое-что сделать.

– Но почему ты решил...

– Послушай.

Эдди прислушался. Только теперь он вдруг сообразил, что из-за деревьев доносится гул механизмов и что он его уже слышит некоторое время.

– Но мне не хотелось бы оставлять Сюзанну.

– Мы далеко все равно не пойдем, а голосище у нее будь здоров. К тому же если и существует опасность, то она впереди... так что мы будем между ней и Сюзанной.

Эдди нерешительно посмотрел на Сюзанну.

– Идите... но постарайтесь вернуться быстрее. – Она оглянулась назад, задумчиво глядя туда, откуда они пришли. – Не знаю, есть у них тут муравьи или нет, но у меня *ощущение*, что есть.

– Мы вернемся еще засветло, – пообещал Роланд и, не проронив больше ни слова, направился к зарослям ольхи. Помедлив мгновение, Эдди поплелся следом.

26

Углубившись в ольховую рощицу ярдов этак на пятнадцать, Эдди вдруг сообразил, что они с Роландом идут по тропинке – ее, вероятно, за многие годы протоптал для себя медведь. Деревья клонились над ними, образуя живой тоннель. Теперь гул механизмов стал громче, и Эдди начал уже различать его отдельные составляющие. Например, глухое, низкое гудение. Эдди не столько слышал его, сколько ощущал: он чувствовал под ногами слабую вибрацию, словно где-то под землей работал большой агрегат. Мерный гул прорезали, как царапины, скрежущие перекрестные звуки: *вжик-вжик-бдзжжж*.

Прильнув губами к самому уху Эдди, Роланд проговорил:

– Лучше нам тут не шуметь.

Они прошли еще ярдов пять, и Роланд снова остановился. Вытащил из кобуры револьвер и дулом его отодвинул ветку, что свисала под тяжестью листьев, окрашенных отблесками заката. Сквозь открывшийся просвет Эдди выглянул на поляну, где все эти долгие годы жил исполинский медведь на своей оперативной базе, откуда он время от времени делал вылазки и грабительские набеги, сея ужас и опустошение.

Здесь не было ни травы, ни подлеска: вытоптанная земля уже давно ничего не родила. Из-под основания каменной стены высотой пять десятков футов выбивался ручей и тек по поляне в форме наконечника стрелы. На их стороне ручья, прислонившись одним боком к стене, стоял металлический куб высотой футов девять. Закругленная его крыша напомнила Эдди вход на станцию подземки. Передняя стенка была раскрашена по диагонали чередующимися желтыми и черными полосами. Земля на поляне была не черной, как в лесу, а какого-то странного серого цвета пыли. Кругом были разбросаны кости, и тут Эдди понял, что серая эта почва вовсе не земля, как он решил поначалу, а тоже кости, только такие древние, что они давно рассыпались в прах.

И в этой серой пыли что-то двигалось... какие-то штуки, которые, собственно, и издавали тот самый режущий ухо скрежет. Четыре... нет, пять штук. Какие-то небольшие металли-

ческие устройства, самое крупное – размером со щенка колли. Роботы, понял Эдди, или что-то на них похожее. Было у них кое-что общее, так что медведю, вне всяких сомнений, они служили только для одного... сверху у каждого быстро вертелось по крошечному радару.

Еще вам, пожалуйста, «думалки». Что же это за мир такой, Господи?! – спросил себя Эдди.

Самое крупное из устройств напомнило Эдди игрушечный трактор, который ему подали на день рождения, когда ему исполнилось шесть или семь лет. Оно деловито ползало по поляне, и его гусеницы поднимали крошечные облачка костяной пыли. Второе походило на крысу из нержавеющей стали. Третье – на змею из стальных сегментов; оно извивалось и горбилось в пыли. Они двигались, образуя неровный круг, на той стороне ручья. Ходили кругами по глубокой колее, за столько лет выдолбленной в земле. Эдди вспомнились карикатуры из номеров «Сатердей ивнинг пост», которые мама зачем-то складывала в передней и не разрешала выбрасывать: обеспокоенные, нервно курящие мужики ходят туда-сюда по ковру, вытаптывая в ворсе лысые дорожки, в ожидании, когда их женушки благополучно разрешатся от бремени.

Когда глаза его по привычке к незамысловатой географии поляны, Эдди увидел, что разномастных этих уродцев не пять, а гораздо больше. Он разглядел еще как минимум дюжину, а ведь их могло быть и больше, скрытых под костяными останками прежних медвежьих трапез. Разница только в том, что те, остальные, не двигались. В течение веков эти «вельможи» из механической свиты царя-медведя потихоньку умирали один за другим, пока их не осталось лишь пять... да и они уже доживали свой век, судя по этому нездоровому ржавому скрежету. И в особенности змея... уже еле-еле ползет следом за механической крысой. Устройство, что двигалось за ней по пятам – этакий стальной чурбан на коротких лапах, – то и дело налетало на замешкавшуюся змеюку и как будто подталкивало ее вперед: мол, давай, мать твою, пошевеливайся.

Эдди все задавался вопросом, в чем заключалась их функция. Что не защитная – это ясно; медведь был «устроен» так, что был в состоянии сам себя защитить. Эдди даже не сомневался: если бы они повстречались с Шардиком, когда тот был в расцвете сил, он бы шутя разжевал их и выплюнул. Всех троих. Может быть, эти мелкие роботы находились при нем как ремонтная бригада, или разведчики, или посланцы-курьеры. Он допускал, что они могли быть опасны, но только когда дело касалось самозащиты... или защиты хозяина. С виду они вполне мирные, невоинственные.

На самом деле было в них что-то жалкое. Почти все из бывлой команды давно повымерли, хозяин тоже закончил земное существование, и Эдди почему-то не сомневался, что им – оставшимся – это известно. Они излучали отнюдь не угрозу, а некую странную, нечеловеческую печаль. Древние, поизносившиеся, они продолжали свое бесполезное теперь движение по кругу на этой Богом забытой поляне по проторенной колее, которую сами проложили в земле, и Эдди даже казалось, что он ловит обрывки их мыслей, мечущихся, бессвязных: *Горе нам, горе нам... что теперь? Зачем мы теперь, когда Его больше нет? Кому еще мы нужны теперь, когда Его больше нет? Горе нам, горе нам...*

Тут что-то дернуло Эдди за ногу, и он едва не вскрикнул от неожиданности и страха. Развернулся, вскинув Роландов револьвер, и увидел, что это Сюзанна – глядит на него снизу вверх широко распахнутыми глазами. Эдди с облегчением вздохнул и осторожно отпустил взведенный курок, поставив его на место. Потом встал на колени, положил руки Сюзанне на плечи, поцеловал ее в щеку и прошептал в самое ухо:

– Я едва тебе голову не прострелил... твою глупенькую головку... что ты здесь делаешь?

– Тоже хочу посмотреть, – прошептала она в ответ, ни капельки не смутившись, потом взглянула на Роланда, присевшего перед ней на корточки. – И мне там одной стало страшно.

Пробираясь ползком сквозь кустарник, она оцарапала руки до крови, однако Роланд про себя отметил, что, если захочет, Сюзанна может двигаться тихо, будто призрак, – даже он

не услышал, как она к ним подобралась. Вынув из заднего кармана джинсов чистый лоскут (последний от старой его рубахи), он вытер капельки крови с ее ладоней и рук и промакнул небольшой порез у нее на лбу.

– Ну так смотри, – сказал он одними губами. – Ты, по-моему, заслужила.

Наклонившись, Роланд раздвинул ветви кустарника на уровне глаз Сюзанны. Она восхищенно уставилась на поляну. Стрелок терпеливо дождался, когда она вдоволь наглядится, и отпустил ветки, которые снова сомкнулись.

– Мне их жалко, – шепнула она. – Звучит как бред сумасшедшего, да?

– Вовсе нет, – прошептал Роланд в ответ. – Их пути для нас странны, но это создания великой печали. Они тоже по-своему страдают. Эдди как раз собирался их вырубить, чтоб прекратить их мучения.

Эдди отчаянно замотал головой.

– Да, собирался... если только ты не намерен просидеть тут всю ночь на своих, как ты выражаешься, «причиндалах». Целься в шляпки. Эти вертящиеся штуковины.

– А если я промахнусь? – в ярости прошипел Эдди.

Роланд пожал плечами.

Эдди встал и с явной неохотой опять взвел курок Роландова револьвера. Сквозь сплетение ветвей смотрел он на эти жалкие сервомеханизмы, кружащие по своей одинокой бесцельной орбите. *Все равно как щенков стрелять*, мрачно подумал он. И тут вдруг увидел, как один из них – тот, что похож на коробку с ножками, – выпустил из середины «брюха» уродливое с виду орудие типа клещей и ущипнул замешкавшуюся змею. Та издала удивленный жужжащий всхлип и рванулась вперед. Ходячая коробка втянула клещи назад.

Ну... может быть, не совсем как стрелять щенков, решил Эдди. Покосился на Роланда. Тот смотрел на него без всякого выражения, скрестив руки на груди.

Ты выбрал не самое подходящее время, чтобы преподать мне урок, старина.

Эдди вспомнил, как Сюзанна стреляла в медведя. Сначала в мохнатую задницу, потом, когда тот пошел на них с Роландом, прямо в сенсорное устройство у него на башке. Разнесла его в щепки. Ему даже стало немного за себя стыдно. И было еще кое-что: в глубине души он хотел расстрелять их, как хотел разобраться тогда с Балазаром и его командой уродов в «Падающей башне». Побуждение, может быть, тошнотворное, но не лишенное некоторой привлекательности: *Посмотрим сейчас, чья возьмет... поглядим.*

Да, побуждение, без сомнения, тошнотворное.

Представь, что ты в тире и хочешь выиграть для своей подружки плюшевую собаку, сказал он себе. *Или плюшевого медвежонка.* Он уже начал прицеливаться в ходячую коробку, как вдруг Роланд взял его за плечо. Эдди в раздражении обернулся к нему.

– Повтори, что мы с тобой проходили, Эдди. Только не ошибись.

Эдди в сердцах зашипел сквозь зубы, разъяренный вмешательством, но Роланд твердо смотрел на него, так что Эдди пришлось сделать глубокий вдох и попытаться очистить свой разум от всего постороннего: от натужного скрежета механизмов, круживших по этой поляне так долго, от спазмов и боли в мышцах, от сознания того, что Сюзанна рядом, наблюдает за ним, опершись о ладони, что она ближе к земле, и если вдруг он промахнется, а механическому устройству вздумается нанести ответный удар, она станет ближайшей мишенью.

– «Я стреляю не рукой; тот, кто стреляет рукой, забыл лицо своего отца».

Это какая-то глупая шутка, подумал он. Он не узнал бы своего папашу, даже столкнись он с ним нос к носу на улице. Но все-таки Эдди чувствовал, что слова помогают ему: прочищают рассудок и укрепляют нервы. Он не знал, сможет ли из него получиться стрелок, настоящий... хотя имел смутное подозрение, что вряд ли, несмотря на то, что он прекрасно себя проявил в той перестрелке у Балазара... Но одно он знал наверняка: какой-то частице его души нравилась эта спокойная и отрешенная холодность, что всегда нисходила на него, когда

Эдди произносил слова древнего катехизиса, которому его обучил стрелок... Холодность и еще новое ощущение мира, вдруг приобретшего необычайную захватывающую ясность. Хотя другая частица его души с той же ясностью осознавала, что это тоже своего рода наркотик, смертельный наркотик, мало чем отличающийся от героина, который погубил Генри и едва не убил и его самого, но это ни капельки не умаляло напряженного, будто звенящего удовольствия от момента. Оно билось в нем, как провода электропередачи, вибрирующие от сильного ветра.

– «Я целюсь не рукой; тот, кто целится рукой, забыл лицо своего отца.

Я целюсь глазом.

Я убиваю не выстрелом из револьвера; кто убивает выстрелом, забыл лицо своего отца».

А потом – он и сам сначала не понял, как это его угораздило, – Эдди вдруг выступил из-под прикрытия деревьев и произнес в полный голос, обращаясь к роботам, ковыляющим на той стороне поляны:

– «Я убиваю сердцем».

Они застыли на месте, остановив бесконечное свое кружение. Один заужжал на высокой ноте. Может быть, это была тревога... или предупреждение? Крошечные блюдца радаров повернулись на звук его голоса.

Эдди открыл огонь.

Сенсоры разлетались, точно глиняные летающие мишени, один за другим. В сердце Эдди уже не было места для жалости... только эта отрешенная холодность и еще знание, что он уже не остановится, не сможет остановиться, пока вся работа не будет закончена.

Грохот от выстрелов громовыми раскатами прокатился по сумеречной поляне, отдавшись эхом от обветшалой каменной стены. Стальная змея пару раз кувыркнулась и задержалась в серой пыли. Самое крупное из устройств – то, что напомнило Эдди игрушечный трактор, – попыталось спастись бегством, но замешкалось, выбираясь из колеи. Выстрел Эдди снес его радар напрочь. «Трактор» врылся в землю квадратным носом, из пазов, где крепились стеклянные его глаза, слабой струйкой излилось голубое пламя.

Эдди промахнулся лишь раз – по сенсору крысы из нержавеющей стали. С тонким писком, похожим на писк комара, пуля отскочила от металлической спинки. Крыса выскочила из колеи, обежала полукругом своего сотоварища в виде коробки с ножками, который шел за змеей, и бросилась через поляну со скоростью, прямо-таки удивительной, издавая какие-то гневные лязгающие звуки. Когда расстояние между ними существенно сократилось, Эдди разглядел у нее во рту длинные острые иголки. Не зубы, а именно иголки, толстые, как для швейной машинки. Крыса оцетинилась, щелкнув пастью. Да, сказал себе Эдди, *как выясняется, эти штуковины на щенков совсем не похожи.*

– *Прикончи ее, Роланд!* – в отчаянии закричал он, но, оглянувшись, увидел, что Роланд по-прежнему стоит, скрестив руки на груди, с таким невозмутимым и отрешенным лицом, словно бы погруженный в раздумья над шахматной задачей или предающийся сладостным воспоминаниям о старых любовных письмах.

Радар на спине у крысы вдруг на мгновение остановился, потом чуть изменил направление и нацелился прямо на Сюзанну Дин.

Остался один патрон, сказал себе Эдди. *Если я промахнусь, эта дрянь обдерет ей лицо.*

Но вместо того чтобы стрелять, он шагнул вперед и со всей силы пнул крысу ногой. Сегодня он был не в ботинках, а в мокасинах, пошитых из оленьей кожи, так что удар отдался по ноге до колена. Крыса с писклявым скрежетом покатилась, переворачиваясь в пыли, и остановилась, приземлившись на спину. Дюжина коротких механических ножек заходили туда-сюда, точно поршни. Каждая заканчивалась острым стальным когтем. Когти эти проворачивались на шарнирах размером с карандашный ластик.

Из брюха робота высунулся стальной стержень, и крыса перевернулась на ножки. Эдди опустил револьвер Роланда, не поддаваясь мгновенному искушению придержать его свободной

рукой. Так, может быть, в его мире учат стрелять легавых, но для этого мира подобный прием вовсе не подходил. *Когда забываешь про револьвер, когда ощущение такое, что ты стреляешь не им, а пальцем, как-то сказал им Роланд, считай, что ты почти выиграл.*

Эдди нажал на спусковой крючок. Крошечный радар, который опять завертелся в поисках врага, исчез в голубой вспышке пламени. Крыса издала сдавленный звук – хлюп! – и завадилась набок. Мертвая.

Эдди повернулся к Роланду. Сердце готово было вырваться из груди. Он был взбешен – такой жгучей ярости он не испытывал с того самого дня, когда осознал, что Роланд намерен держать его в этом чужом мире, пока не найдет свою чертову Башню и не попытается одолеть ее... иными словами, пока все они, может быть, не превратятся в жратву для червей.

Приставив дуло револьвера – с пустым барабаном – к груди стрелка, он прохрипел, не узнавая собственного голоса:

– Если бы здесь оставался еще патрон, ты бы мог уже не волноваться об этой гребаной своей Башне.

– Прекрати, Эдди! – резко проговорила Сюзанна.

Он посмотрел на нее.

– Она подбиралась *к тебе*, Сюзанна, и вряд ли с дружественными намерениями.

– Но она до меня не добралась. *Ты* ее порешил, Эдди. *Ты* ее порешил.

– Только не благодаря ему. – Эдди хотел было убрать револьвер в кобуру, но тут осознал, почувствовав еще большее раздражение, что у него нет портупей. Ремень с кобурой был у Сюзанны. – Ему и его урокам. Его проклятым *урокам*.

Выражение легкой заинтересованности, появившееся на лице Роланда, вдруг изменилось. Его взгляд метнулся куда-то поверх левого плеча Эдди.

– ЛОЖИСЬ! – крикнул он.

Эдди не стал задавать лишних вопросов. Смущение и гнев как рукой сняло. Он упал лицом вниз, успев еще заметить, как левая рука Роланда молнией метнулась к кобуре на боку. *Господи*, подумал Эдди, падая на землю, **БЫТЬ ТАКОГО НЕ МОЖЕТ**, люди не могут так быстро действовать. Я сам не пентюх какой-нибудь, но по сравнению с Сюзанной я просто копуша, а она по сравнению с ним – что твоя черепаха, которая пытается ползти вверх по стеклу...

Что-то пронеслось у него над головой – какая-то гадость, визжащая в механической злобе, вырвала у него на лету клочок волос. Потом раздалось три выстрела – три громовых раската. Это Роланд стрелял с бедра. Пронзительный визг прекратился. Существо, похожее на здоровенную механическую летучую мышь, шлепнулось на землю между тем местом, где лежал ничком Эдди, и тем, где находились Сюзанна с Роландом. Одно перепончатое, покрытое ржавым налетом крыло слабо ударилось оземь, словно в ярости из-за упущенного шанса, и затихло, уже неподвижное.

Роланд направился к Эдди, ступая легко и неслышно в своих старых растрескавшихся ботинках. Протянул руку. Эдди принял ее, и Роланд помог ему встать. Падая, Эдди ударился и сбил дыхание и не мог сейчас говорить. *Может быть, это и к лучшему... а то каждый раз, когда я раскрываю пасть, я обязательно ляпаю что-нибудь не то.*

– Эдди! Ты как, в порядке? – Сюзанна уже направлялась к нему. Он же стоял, склонив голову и согнувшись едва ли не пополам, пытаясь восстановить дыхание.

– Ага. – Слово далось ему не без труда. Он заставил себя встать прямо. – Только прическу она мне подпортила.

– Она притаилась среди деревьев, – сказал Роланд. – Я сам поначалу ее не заметил. В сумерках свет обманчив. – Он мгновение помолчал и добавил все тем же спокойным и мягким тоном: – Ей ничто не грозило, Эдди. Сюзанне то есть.

Эдди кивнул. Только теперь он по-настоящему осознал, с какой скоростью может действовать Роланд. Да он мог бы съесть гамбургер и выпить молочный коктейль, а потом уже браться за револьвер, и у него бы еще оставалась пара секунд в запасе.

– Ну хорошо. Давай скажем так, что я просто не одобряю твою педагогическую методику, о'кей? Но извиняться я не собираюсь, так что, если ты ждешь извинений, лучше не обольщайся сразу.

Роланд наклонился к Сюзанне, приподнял ее и принялся очищать ее одежду и волосы с этакой терпеливой нежностью, как мать отряхивает комбинезончик своему драгоценному чаду, когда тот, заигравшись, извозится в пыли и грязи на заднем дворе.

– Никто и не ждет от тебя извинений. Мне они не нужны. Позавчера мы с Сюзанной уже говорили об этом. Правда, Сюзанна?

Она кивнула.

– Роланд считает, что ученику иной раз вовсе не повредит добрый пинок по ребрам. Чтобы из него получился потом настоящий стрелок.

Эдди оглянулся разок на поверженных роботов и принялся медленно смахивать костяную пыль со штанов и рубашки.

– А что, если, Роланд, дружище, я скажу тебе, что не хочу становиться стрелком?

– Тогда я скажу, что желания твои сейчас мало что значат. – Роланд смотрел на металлический киоск, притулившийся у каменной стены, как будто утратив всяческий интерес к поднятой теме. Эдди не раз наблюдал подобное. Когда речь заходила о том, что будет, могло бы быть или должно быть, Роланд всегда терял интерес.

– *Ка?* – В голосе Эдди послышалась прежняя горечь.

– Все правильно. *Ка.* – Роланд подошел к полосатому киоску и провел рукой по желтым и черным линиям. – Мы отыскиали Врата... одни из двенадцати врат, что опоясывают мир по краю... один из шести путей к Темной Башне. И это тоже *ка*.

27

Эдди ходил за коляской Сюзанны. Вызвался сам, никто его не просил: просто ему вдруг захотелось побыть одному, поразмыслить, взять себя в руки. Теперь, когда он отстрелялся и напряжение спало, все мышцы его тела судорожно выбрировали. Его била неудержимая дрожь, и он не хотел, чтобы Роланд с Сюзанной видели его в таком состоянии, – и даже не потому, что они могли бы принять эту дрожь за страх, а потому, что могли распознать ее истинную причину: предельное возбуждение. Ему это понравилось. Даже притом, что летучая мышь едва не сняла с него скальп, ему это понравилось.

Хренотень какая-то, приятель. И ты сам это знаешь.

Но в том-то и заключалась проблема, что он не знал. Только что Эдди столкнулся лицом к лицу с тем же самым, что открыла для себя Сюзанна, когда пристрелила медведя: можно сколько угодно твердить о том, что тебе не хочется становиться стрелком, быть стрелком, как тебе надоело шляться по этому шизонутому миру, где, кажется, кроме тебя и твоих двух товарищей, нет ни единого человеческого существа, что больше всего тебе хочется оказаться сейчас на углу Сорок второй и Бродвея, стоять там, щелкать пальцами, подзывая лоточника, есть хот-дог с соусом «чили», включить плеер, слушать «Creedence Clearwater Revival» и глазеть на девчонок, сексапильных нью-йоркских девчонок в мини-юбках, с длинными ногами и пухлыми чертыхающимися губками. Ты можешь талдычить обо всем этом до посинения, но себя все равно не обманешь. Сердцем ты знаешь, что тебе это нравится. Он *ловил кайф*, паля по шагающим электронным зверюгам, по крайней мере пока держал в руках револьвер, превратившийся в этакого портативного «громовержца» для личного пользования. Он испытал удо-

вольствие, пнув робота-крысу, хотя ноге было больно, а сам он перепугался до полусмерти. И, как бы дико оно ни звучало, даже то, что он перепугался, только добавило ему кайфа.

Все это само по себе уже гадко, но Эдди сегодня узнал про себя кое-что еще: если прямо сейчас перед ним вдруг возникнет волшебная дверь и откроется обратно в Нью-Йорк, он, может быть, и не вернется туда. Во всяком случае, пока не увидит своими глазами эту чертову Темную Башню. Он уже начал подозревать, что болезнь Роланда заразная.

Так, пихая коляску Сюзанны сквозь густые заросли ольхи, кляня на чем свет стоит тонкие ветки, что норовили ударить его по лицу и задеть глаза, Эдди нашел силы признаться себе кое в чем, а переварив, это все принять, и сделанные им открытия несколько остудили его разгоряченную кровь. *Просто мне хочется посмотреть, она такая же, как в моем сне, или нет*, думал он. *Увидеть воочию нечто подобное... это будет действительно здорово.*

И тут в голове у него прозвучал иной голос. *Зуб даю, остальные его друзья – ну эти, со странными именами, как у рыцарей Круглого Стола при дворе короля Артура, – зуб даю, они тоже похожее переживали что-то, Эдди. А теперь они все мертвы. Все до единого.*

Он узнал этот голос, нравилось ему это или нет. Голос принадлежал Генри. Вот почему Эдди было так трудно его не слушать.

28

Держа Сюзанну на правом бедре, Роланд стоял перед металлическим кубом, напоминающим запертый на ночь вход на станцию подземки. Оставив коляску на краю поляны, Эдди тоже подошел. Здесь, ближе к кубу, гул и вибрация под ногами стали гораздо громче, то есть механизм, этот гул издающий, располагался либо внутри коробки, либо под ней. Эдди казалось, что он его воспринимает не слухом, а каждой клеточкой мозга или даже нутром.

– Значит, это одни врата из тех самых двенадцати. И куда они открываются, Роланд? В Диснейленд?

Роланд покачал головой.

– Я не знаю куда. Может, вообще в никуда... или во все. В этом мире есть много, чего я не знаю... вы это, наверное, уже поняли. А многое из того, что я знал, изменилось.

– Потому что мир сдвинулся с места?

– Да. – Роланд взглянул на него. – Знаешь, это не просто такой оборот. Мир действительно сдвинулся с места... он и сейчас еще сдвигается, только быстрее. И все здесь приходит в упадок, ветшает... разваливается на части... – Он пнул механический трупик ходячей коробки, как бы подчеркивая свои слова.

Эдди вдруг вспомнил круглую схему, которую Роланд чертил на земле.

– И, стало быть, это край света? – спросил он едва ли не робко. – Я хочу сказать, место как место. Ничего особенного. – Он хохотнул. – Я так себе представлял, что должна быть какая-то пропасть... только что-то ее не видеть.

Роланд покачал головой.

– Это не тот край света, а просто такое место, откуда выходит один из Лучей. Во всяком случае, меня так учили.

– Лучей? – переспросила Сюзанна. – Что еще за Лучи?

– Древние не создавали мир... они его *воссоздали*. Кое-кто из сказителей утверждает, что Лучи спасли мир; кое-кто убежден, что они заключают в себе семена разрушения. Их создали древние. Это такие линии... они *удерживают... и связывают...*

– Ты, случайно, не о магнитных полях говоришь? – осторожно осведомилась Сюзанна.

Лицо Роланда, вечно суровое и угрюмое, вдруг словно бы просветлело и стало совсем другим, новым и удивительным, и Эдди подумал, что он теперь знает, каким будет Роланд, когда *дойдет наконец* до своей Темной Башни.

– Да! И об этом тоже... и еще о гравитации... и о надлежащем соотношении размера, пространства и измерения. Лучи – это силы, которые все это скрепляют.

– Добро пожаловать к нам в психушку с физическим уклоном! – буркнул Эдди, понизив голос.

Сюзанна не обратила на него внимания.

– А Темная Башня? Она типа базового генератора? Главный источник энергии для Лучей?

– Я не знаю.

– Но зато знаешь, что мы сейчас в точке А, – сказал Эдди. – Если мы будем отсюда идти по прямой, то в конце концов мы придем к противоположным Вратам – назовем их точкой С – на том краю света. А посередине отрезка АС расположена точка В. Центральная точка. Темная Башня.

Стрелок кивнул.

– И долго придется идти? Ты, случайно, не в курсе?

– Нет, знаю только, что долго. Она далеко, и с каждым днем все дальше. Расстояние растет.

Эдди нагнулся, чтобы рассмотреть ходячую коробку. Потом он выпрямился и взглянул на Роланда.

– Не может такого быть. – Тон его походил на увещевания взрослого, который пытается убедить ребенка, что в шкафу у него нет никакого маленького домового, что такого *не может* быть, потому что домовых вообще не бывает. – Миры *не растут*, Роланд.

– Правда? В детстве, Эдди, я помню, у нас во дворце были карты. Одну я запомнил. Называлась она «Великие королевства Западной Земли». Была там и моя страна, Гилеад. И Низинные феодалы – в тот год, когда я получил свои револьверы, там уже шла гражданская война. И холмы, и пустыня, и горы, и Западное море. По этой карте от Гилеада до моря расстояние было неблизким – тысяча, если не больше, миль, – *однако, чтобы его пройти, мне понадобилось целых двенадцать лет*.

– Но это же невозможно, – испуганно выпалила Сюзанна. – Даже если ты все эти мили прошел пешком, все равно это много – двенадцать лет.

– Ну, если учесть, что тебе приходилось не раз останавливаться, чтобы отправить домой открытки и выпить пивка... – начал Эдди, но Роланд с Сюзанной его просто проигнорировали.

– Я не пешком добирался. Почти всю дорогу я ехал верхом, – сказал Роланд. – Меня то и дело... задерживали, скажем так... но я старался зря время не тратить. Чтобы убраться подальше от Джона Фарсона, который начал мятеж, опрокинувший мир, где я вырос, и который спал и видел, как бы снести мне башку и водрузить ее на кол у себя на дворе, – должен признать, у него были на то причины, поскольку я и мои друзья перебили весь «цвет» его шайки... и, потом, я кое-что спер у него, очень ему дорогое.

– Что, Роланд? – не сдержал любопытства Эдди.

Роланд покачал головой.

– Это совсем другая история... может быть, я расскажу, но потом... или вообще никогда. Сейчас важно не это. Вдумайтесь: я прошел не одну сотню миль – *много* сотен. Потому что мир увеличивается, растет.

– Такого просто не может быть, – настойчиво повторил Эдди, но его все равно трясло. – Бывают землетрясения... наводнения... приливы на море, отливы... ну, я не знаю...

– *Послушай!* – Роланд, кажется, начал уже выходить из себя. – Посмотри, оглянись вокруг! Что ты видишь? Мир, который неумолимо замедляет свой ход, как детский волчок, пусть даже пока он набирает обороты, и вам не понятно, как он движется. Да хотя бы на то посмотри, что ты сейчас подстрелил. Посмотри, Эдди, пожалуйста, ради отца своего посмотри!

Он отступил на два шага к ручью, поднял с земли металлическую змею, быстро ее осмотрел и перекинул Эдди, который поймал ее левой рукой. Она переломилась надвое прямо у него в руке, и одна половина упала на землю.

– Видишь? Видишь, она истошилась, от нее ничего не осталось. Все эти странные существа, на которых мы тут набрали, умирали уже. Если бы мы не пришли, они все равно бы накрылись, и очень скоро. И медведь этот тоже.

– Медведь, похоже, был чем-то болен, – вставила Сюзанна.

Стрелок кивнул.

– Да, паразиты. Они поселились в его органическом теле. Но почему не раньше? Почему только сейчас?

Сюзанна в ответ промолчала.

Эдди внимательно изучал половинку змеи. В отличие от медведя она представляла собой целиком искусственную конструкцию – существо, скроенное из металла, электронных цепей и ярдов (если не миль) проводов, тоненьких, как паутинка. Однако Эдди сумел разглядеть струпы ржавчины на нержавеющей стали. Причем не только на внешних сегментах, но и внутри. Было и еще какое-то влажное пятно. Либо вытекло масло, либо вода просочилась снаружи. Кое-где эта влага разъела проводку, а на крошечных платах размером с ноготь большого пальца зеленела какая-то гадость, похожая с виду на мох.

Эдди перевернул половинку змеи пузом вверх. На стальной пластинке ясно читалось имя производителя: «Северный Центр позитроники». Стоял также серийный номер, но имени не было. *Может быть, слишком это незначительное устройство, чтобы давать ему имя*, решил он про себя. *Простой вращающийся щуп, время от времени применяемый в качестве очистительной клизмы для тарикана-медведя, или предназначенный для нормализации работы его кишечника, или еще для чего-нибудь в равной степени гадкого.*

Отшвырнув змею, Эдди вытер руки о штаны.

Роланд поднял с земли устройство, смахивающее на игрушечный трактор. Дернул за гусеницу. Та с легкостью оторвалась, обдав ботинки стрелка облачком ржавой пыли.

– Все в этом мире либо тихо издыхает, либо разваливается на части, – произнес он, отбрасывая «трактор» прочь. – А силы, которыми держится этот мир – и не только в пространстве, но и во времени и в размере, – тоже исчерпывают себя. Об этом мы знали еще детьми, но мы и представить себе не могли, каким будет время конца. Да и откуда нам было знать? И вот я живу в эпоху заката, и мне кажется, что она наступила не только для нашего мира. Но и для вашего тоже, Сюзанна и Эдди. И, быть может, еще для миллиарда миров. Лучи теряют первоначальную свою мощь. Не знаю, причина ли это или просто очередной симптом, но я знаю, что это так. Идите сюда! Ближе! Прислушайтесь!

Когда Эдди приблизился к металлическому кубу в косую черную с желтым полоску, на него вдруг нахлынули воспоминания, яркие и неприятные – в первый раз за долгие годы он вспомнил про ветхое старое здание в Датч-Хилле, примерно в миле от микрорайона, где они с Генри родились и выросли. Обветшалое это строение, которое местные ребята называли «Большим особняком», стояло посреди пустыря, заросшего сорной травой, который когда-то, наверное, был ухоженной лужайкой, на Райнхолд-стрит. И не было в округе ни одного мальчишки, который не знал бы истории о привидениях, связанной с особняком. Приземистый, словно бы придавленный крутой крышей, этот дом, казалось, сердито глядел на прохожих из густой тени, что отбрасывали свесы крыши. Стекол в окнах, само собой, не было: их с безопасного расстояния повыбивали камнями мальчишки, – но никто не отважился расписать стены дома или устроить там импровизированный ночной клуб или тир. Но самым странным и неприятным был факт самого его существования: никто не поджиг его ради того, чтобы получить страховку, или хотя бы ради удовольствия посмотреть, как он будет гореть. Мальчишки шептались, что в доме живут привидения, и как-то раз Эдди с Генри специально пришли на ту

улицу, чтобы своими глазами увидеть объект этих невероятных слухов (хотя маме Генри сказал, что они идут с друзьями в кондитерскую), и им показалось, что в доме действительно есть привидения. В таком месте должны быть. Разве он сам не почувствовал некую силу, чужую и явно недружелюбную, что просочилась из пустых темных окон этого викторианского особняка – окон, как будто уставившихся на него пристальным неподвижным взглядом буйнопомешанного? Разве какой-то едва уловимый ветерок не шевельнул волоски у него на руках? Разве он не преисполнился вдруг интуитивной уверенности, что стоит ему шагнуть внутрь, как массивная дверь тут же за ним захлопнется, замок закроется сам, а стены начнут сближаться, стирая в порошок косточки мертвых мышей, чтобы раздавить и его?

Дом с привидениями.

И теперь, приближаясь к металлическому кубу, Эдди снова почувствовал эту смесь тайны и злобной угрозы. По ногам и рукам побежали мурашки. Волосы на затылке вдруг встали дыбом, точно шейное оперение надувшегося индюка. Он ощутил, как его овеивает все тем же еле заметным ветерком, хотя ни один листок на деревьях, окружающих поляну, даже не шелонулся.

Но он все-таки подошел к металлической двери (ибо это была та же дверь, только запертая, и для таких, как он, Эдди, она останется запертой навсегда – ради того ее здесь и поставили) и прижался к ней ухом, закрыв глаза.

Ощущение было такое, как будто он с полчаса назад принял неслабую дозу ЛСД, и вот теперь зелье начало потихоньку действовать. Странные цвета расплылись в темноте перед его закрытыми глазами. Эдди почудились голоса. Они звали его из ветвящихся коридоров, словно из недр каменных глоток, – длинных таких коридоров, освещенных рядами трубчатых ламп. Когда-то эти электрические факелы изливали свое яркое свечение повсюду, но теперь они едва тлели тусклым голубым огнем. Он почувствовал пустоту... запустение... опустошение... смерть.

Ровный гул механизмов не прекращался, но теперь в нем проскальзывал новый ритм, сбивчивый, грубый... или ему это просто почудилось? Какой-то отчаянный глухой стук в общем гуле, как аритмия больного сердца? И еще складывалось ощущение, что агрегат, этот звук издающий, пусть даже намного более сложный, чем тот, что был внутри у медведя, потихоньку выбивается из рабочего своего ритма.

– Все умолкает в чертогах мертвых, – неожиданно для себя прошептал Эдди срывающимся слабым голосом. – Все – забвение в каменных залах мертвых. Узрите ступени, во тьму уводящие; узрите палаты, в руинах лежащие. Вот владение мертвых, где паутину прядут пауки и вращение светочей замирает, и светочи гаснут один за другим.

Роланд рывком оттащил Эдди от двери, и тот уставился на стрелка невидящими помутневшими глазами.

– Хватит, – сказал Роланд.

– Какую бы гадость они туда ни напихали, она, кажется, выходит из строя, верно? – услышал Эдди собственный голос. Этот дрожащий голос доносился до него как будто издалека. Он все еще чувствовал силу, излучаемую металлическим кубом. И эта сила звала его.

– Нет, – отозвался Роланд. – Ничто в моем мире сейчас не работает так хорошо, как эта, говоря твоими словами, гадость.

– Если вы, парни, хотите остаться тут на ночь, придется вам обойтись без моего приятного общества. – В пепельных отблесках сумерек лицо Сюзанны казалось размытым пятном. – Я вас подожду за рощицей, там же и заночую. Здесь мне что-то не нравится. Не нравятся ощущения от этой штуковины.

– Мы все заночуем за рощицей, – успокоил ее Роланд. – Пойдем.

– Хорошая мысль, – заключил Эдди.

По мере того как они удалялись от куба, гул механизмов начал понемногу стихать. Эдди буквально физически ощущал, как слабеет сила, его захватившая, хотя она по-прежнему манила, звала исследовать сумрачные коридоры, лестницы, уводящие в темноту, и палаты, в руинах лежащие, где паутину плетут пауки и огоньки на контрольных приборах гаснут один за другим.

29

В ту ночь Эдди опять снился сон. Он снова шагал по Второй авеню к магазинчику деликатесов «Том и Джерри», что на углу Второй и Сорок шестой. Из колонок у музыкального магазина, мимо которого он проходил, неслась песня «Роллинг стоунз»:

Я вижу красную дверь и хочу ее выкрасить в черный,
Никаких больше красок, я хочу, чтобы все стало черным,
Мимо проходят девицы в ярких летних цветах,
Я верчу головой до темноты в глазах...

Он пошел дальше. Мимо магазина «Твои отражения», что между Сорок девятой и Сорок восьмой. Увидел свое отражение в одном из зеркал на витрине и подумал, что выглядит очень неплохо, намного лучше, чем в последние несколько лет, – патлы, правда, чуть-чуть отмахали, но в остальном вполне даже прилично. Загорелый, подтянутый парень. Вот только прикид... м-да, ребята. Этакый яппи⁶. Синий блейзер, белая рубашка, темно-красный галстук, серые костюмные брюки... у него в жизни такого нарядца не было.

Кто-то потряс его за плечо.

Эдди попытался зарыться поглубже в сон. Ему не хотелось просыпаться сейчас. Сначала он собирался дойти до «Тома и Джерри», открыть своим ключом дверь и еще раз прогуляться по полю роз. Ему хотелось увидеть все это снова: бесконечный багряный простор, синюю арку неба, белые облака, похожие на плывущие в вышине корабли, и Темную Башню. Да, он боялся тьмы, что жила внутри этой таинственной небывалой колонны, – тьмы, алчущей поглотить любого, кто отважится подойти слишком близко, – но все равно он хотел посмотреть на нее еще раз. Ему *было нужно* увидеть ее.

Но рука, что трясла его за плечо, не исчезла, как он очень надеялся. Сон начал тускнеть, запахи выхлопных газов на Второй авеню растворились в дыму костра – теперь уже слабым, потому что костер почти догорел.

Разбудила его, как выяснилось, Сюзанна. Эдди сел и обнял супругу одной рукой. Они устроились на ночлег на дальней окраине ольховой рощи в пределах слышимости ручья, что журчал на поляне, усыпанной костяной пылью. Роланд спал по ту сторону круга из тлеющих угольков, что остались от выгоревшего костра, – спал беспокойно. Отбросив в сторону одеяло, он лежал, подтянув колени едва ли не к самой груди. Он снял свои тяжелые ботинки, и его голые ступни казались бледными, узкими и беззащитными. На правой ноге не доставало большого пальца – его отхватило омарообразное чудовище, искалечившее Роланду еще и правую руку.

Он что-то бормотал во сне, повторяя снова и снова одну невнятную фразу. Вскоре до Эдди дошло, что это та самая фраза, которую Роланд пробормотал тогда на поляне, где Сюзанна пристрелила медведя, прежде чем потерять сознание. *Тогда иди – есть и другие миры*, кроме этого. Роланд на мгновение затих, а потом вскрикнул, зовя парнишку по имени:

⁶ Яппи – молодой профессионал с высшим образованием. В системе ценностей яппи главное место занимают карьера и материальное благополучие.

– Джейк! Где ты? *Джейк!*

Столько отчаяния, столько горечи слышалось в этом крике, что Эдди даже стало жутко. Он еще крепче обнял Сюзанну и прижал ее к себе. Она вся дрожала, хотя ночь была теплой.

Стрелок перевернулся на спину. Звездный свет отразился в открытых его глазах.

– *Джейк, где ты?* – спросил он, взывая к ночи. – *Вернись!*

– Господи, Сьюз... он, по-моему, опять тронулся. Что будем делать?

– Не знаю. Но ты как хочешь, а я не могу больше все это слушать. Он как будто не здесь. Вообще нигде. Вдали от всего.

– Тогда иди, – пробормотал Роланд, снова переворачиваясь на бок и подтягивая колени к груди, – есть и другие миры, кроме этого. – Он на мгновение умолк, а потом грудь его всколыхнулась, и стрелок выкрикнул имя парнишки долгим, леденящим кровь воплем. Где-то в лесу раздался сухой шелест крыльев: это взлетела птица и устремилась подальше – туда, где тихо.

– Есть какие-то соображения? – В широко распахнутых глазах Сюзанны блеснули слезы. – Может быть, надо его разбудить?

– Я не знаю. – Взгляд Эдди упал на Роландов револьвер, единственный, у него оставшийся, который стрелок носил на левом боку. Он лежал, убранный в кобуру, на аккуратно сложенной шкуре рядом с Роландом, так чтобы до него было легко дотянуться. – Мне кажется, я не решусь, – добавил он через силу.

– Он, наверное, сходит с ума.

Эдди кивнул.

– Что же нам делать, Эдди? *Что делать?*

Эдди не знал. Как-то раз антибиотики из его мира помогли стрелку, остановили обширное заражение, вызванное ядовитым укусом омарообразного гада; теперь Роланд снова страдал от обширного заражения, только Эдди не думал, что в природе существует такое лекарство, которое может его исцелить на этот раз.

– Не знаю, Сьюз. Ложись рядом со мной.

Обнимая Сюзанну, он укрылся меховой шкурой, и вскоре дрожь ее прекратилась.

– Если он сходит с ума, он может наброситься на нас, – тихо проговорила она.

– Я тоже об этом думал. – Неприятная эта мысль ассоциировалась у него с образом медведя с его красными, налитыми злобой глазами (хотя в самых глубинах тех алых провалов мелькнуло замешательство, или Эдди это только показалось?) и смертоносными когтями. Эдди опять бросил взгляд на заряженный револьвер, лежащий так близко к здоровой руке Роланда; вспомнил о том, с какой скоростью Роланд извлек его из кобуры, отражая атаку механической летучей мыши, – так быстро, что Эдди и не заметил движения. Если стрелок помутится рассудком и если безумие его изберет своей целью их с Сюзанной, шансов спастись у них точно не будет. То есть вообще никаких.

Эдди прижался лицом к теплой шее Сюзанны и закрыл глаза.

А вскоре Роланд затих. Эдди приподнял голову и оглянулся. Роланд как будто заснул. И выглядел как обычно. Сюзанна тоже спала. Эдди нежно поцеловал ее в мягкий холмик груди и снова закрыл глаза.

Нет уж, приятель, держись. Сегодня ты долго еще не заснешь.

Но эти два дня они топали без передышку, и Эдди смертельно устал. Его уносило... куда-то... прочь.

Обратно в тот сон, думал он, улетаая. Хочу туда... на Вторую авеню... обратно к «Тому и Джерри». Хочу снова туда.

Однако сон не вернулся в ту ночь.

30

На рассвете они быстро позавтракали, перепаковали и перераспределили поклажу и вернулись на клиновидную поляну. В чистом утреннем свете она смотрелась не так угрюмо, но все же все трое старались держаться подальше от металлического куба с предупредительными желто-черными полосами. Если Роланд и помнил что-нибудь из дурных снов, что донимали его в ту ночь, виду он не подавал. Обычную утреннюю работу он выполнил, как всегда, молча, пребывая в этакой флегматичной задумчивости.

– Отсюда нам надо идти по прямой... Как ты думаешь это осуществить на практике? – спросила Сюзанна стрелка.

– Если легенды не врут, то проблем быть не должно. Помнишь, вчера ты спросила о магнитных полях?

Она кивнула.

Порывшись в своем кошелье, Роланд достал небольшой квадратик из старой кожи с длинной блестящей иглой, продетой посередине.

– Компас! – воскликнул Эдди. – Нет, ты точно разведчик!

Роланд покачал головой.

– Нет, это не компас. Я знаю, конечно, что такое компас, но в последний раз я его видел несколько лет назад. Я узнаю направление по солнцу и звездам. Даже в нынешние времена этот способ меня не подводит.

– Даже в нынешние времена? – нервно переспросила Сюзанна.

Роланд кивнул.

– Стороны света тоже меняют свое положение.

– Господи, – выдохнул Эдди, пытаясь представить себе такой мир, где север тихонько сдвигается на восток или на запад, но у него ничего не вышло. Его даже чуть затошнило, как с ним бывало всегда, когда он смотрел вниз с большой высоты.

– Это просто иголка, но иголка из стали, и она нам послужит не хуже компаса. Мы пойдем по Лучу, и иголка укажет нам путь. – Роланд снова порылся в сумке и достал грубой работы глиняную чашу с трещиной на одном боку. Чашу эту Роланд нашел на развалинах древнего поселения и аккуратно заделал трещину сосновой смолой. Отойдя к ручью, он зачерпнул воды и вернулся туда, где сидела Сюзанна в своей коляске. Осторожно поставив чашу на подлокотник, стрелок дождался, пока вода в ней перестанет рябить, и опустил в воду иголку. Она легла на дно и застыла там неподвижно.

– Вау! – высказал Эдди свое восхищение. – Круто! Я бы пал пред тобой ниц, Роланд, но не хочу портить складки на брюках!

– Я еще не закончил. Держи чашку, Сюзанна, и постарайся, чтобы она не сдвинулась.

Она сделала, как он сказал, а Роланд, взявшись за ручки коляски, медленно покатиł ее по поляне. Не доезжая двенадцати футов до двери, он осторожно развернул коляску на сто восемьдесят градусов, так что Сюзанна была теперь к двери спиной.

– Эдди! – позвала она. – Иди посмотри!

Эдди склонился над глиняной чашкой. Вода уже начинала сочиться сквозь смоляную замазку, но игла медленно поднималась на поверхность. Вот она уже вынырнула и закачалась спокойно, как пробка, указывая направление по прямой от Врат у них за спиной в самую чашу древнего леса.

– Срань господня... плавучая иголка. Теперь я действительно видел все.

– Держи чашку, Сюзанна.

Роланд медленно сместил коляску чуть вправо от куба. Иголка дрогнула, закачалась и опять опустилась на дно. Но как только стрелок вернул коляску в первоначальное положение, она поднялась на поверхность, указывая направление.

– Была бы у нас металлическая стружка и лист бумаги, – сказал Роланд, – я бы вам показал. Стружка, насыпанная на бумагу, растянулась бы в линию, и линия эта указала бы в том же самом направлении.

– А когда мы отойдем от Врат? – спросил Эдди. – Она тоже будет указывать направление? Роланд кивнул.

– И не только она. Мы сможем *увидеть* и сам Луч.

Сюзанна оглянулась через плечо, случайно задев локтем чашку.

Вода всколыхнулась. Иголка дернулась, потеряв направление... но тут же вернулась в первоначальное положение.

– Не туда, – сказал Роланд. – Сейчас оба смотрите вниз... Эдди – под ноги, Сюзанна – себе на колени.

Они сделали, как он велел.

– Когда я скажу вам поднять глаза, смотрите прямо вперед. По направлению иголки. Только не вглядывайтесь: пусть глаза смотрят сами. Понятно? Давайте!

Они подняли головы. В первое мгновение Эдди не увидел ничего особенного – все тот же дремучий лес. Он попытался расслабиться... и вдруг увидел. Так он прежде узрел рогатку, сокрытую в отростке на пне. Теперь он понял, почему Роланд велел им не вглядываться. «Отпечаток» невидимого Луча, проходящего сквозь пространство, лежал буквально на всем, что попадало в поле излучения, хотя сам Луч был едва различим. Иголки сосен и елей указывали его направление. Кустарник рос под небольшим углом, наклонившись в сторону Луча. Деревья, которые повалил медведь, расчищая себе поле зрения, не все попадали вдоль этой скрытой «дорожки» – что уводила на юго-восток, если только Эдди не изменило чувство пространственной ориентации, – но большинство из них все же легли по Лучу, как будто сила, исходящая от Врат, *толкала их* в том направлении. И было еще кое-что: то, как тени ложились на землю. Солнце вставало сейчас на востоке, и тени, само собой, указывали на запад, но если смотреть точно на юго-восток, куда указывала иголка в чашке, можно было разглядеть странный теневой узор типа «елочки», но опять же лишь вдоль Луча.

– Кажется, я *что-то* вижу, – с сомнением проговорила Сюзанна, – но...

– Смотри на тени! *На тени*, Сюз!

Вдруг глаза у нее широко распахнулись, и Эдди понял, что она тоже все это видит.

– Господи! Точно! Вот же он, вот! Как пробор в волосах!

Теперь, когда Эдди увидел его, он уже больше не мог потерять этот затененный проход сквозь дикие дебри, подступающие к поляне, прямую, едва различимую «дорожку» – путь Луча. Внезапно он осознал, какой мощной должна быть сила, обволакивающая его (или, возможно, проходящая сквозь него, как рентгеновские лучи), и едва переборол себя, чтобы не отшатнуться в сторону.

– Слушай, Роланд, а мне оно не грозит импотенцией, а?

Роланд лишь улыбнулся, пожав плечами.

– Это как ложе реки, – изумилась Сюзанна. – Давно пересохшей реки... оно заросло, и его теперь едва видно... но все-таки видно. Этот узор из теней, он не изменится, если мы будем держаться «дорожки» Луча, верно?

– Нет, – сказал Роланд. – Тени меняются вместе с солнцем, движущимся по небу, но так или иначе Луч будет видно. Он проходит здесь тысячи лет, быть может, *десятки* тысяч. Посмотрите на небо!

Они подняли глаза к небу. В вышине белые перистые облака тоже выстроились вдоль луча, сложившись узором-«елочкой»... и они – те, что оказывались над силовой «дорожкой», –

плыли по небу быстрее, чем остальные. Их уносило на юго-восток. Как будто их что-то толкало по направлению к Темной Башне.

– Видите? Ему подвластны даже облака.

По небу летела стайка каких-то птиц. Попад в лучевой поток, они тоже свернули на юго-восток. Эдди глядел и не верил своим глазам. Выбравшись за пределы узкого силового коридора, птицы вернулись на первоначальный курс.

– Ну ладно, – вымолвил Эдди. – Кажется, нам пора двигаться. Путь в тысячу миль начинается с одного шага, равно как и в тысячу лет и так далее.

– Подождите минутку. – Сюзанна смотрела на Роланда. – Ведь нам не тысячу миль предстоит протопать. Теперь уже нет, я права? А сколько, Роланд? Пять тысяч миль? Десять?

– Точно не знаю. Но далеко.

– И как ты думаешь это осуществить на практике, когда вам приходится вечно таскаться с моей треклятой коляской? При самом удачном стечении обстоятельств мили три в день по этим Отстойникам мы пройдем, но не больше, и тебе это известно.

– Мы нашли путь, – спокойно ответил Роланд, – и пока что этого достаточно. Быть может, настанет такое время, Сюзанна Дин, когда нам придется идти быстрее, чем тебе хотелось бы.

– Да неужели? – Она одарила Роланда свирепым взглядом, и оба – и Роланд, и Эдди – заметили, как опасно блеснули ее глаза... глаза Детты Уокер. – У тебя тут поблизости припаркована гоночная машина? Если да, было бы недурно найти под нее еще и автотрассу!

– Земля и путь, по которому мы пойдем, изменятся. Так бывает всегда.

Сюзанна махнула рукой, мол, лапшу мне не вешай.

– Знаешь, кого ты мне сейчас вдруг напомнил? Мою старую маму. «Бог поможет» – была любимая ее фраза.

– А что, разве Он не помогает? – на полном серьезе спросил стрелок.

Она в изумлении уставилась на него, на мгновение не найдя что ответить, потом запрокинула голову и рассмеялась.

– Ну, зависит, наверное, от того, как посмотреть. Но знаешь, Роланд, что я тебе скажу? Если все это – Божья помощь, мне бы тогда не хотелось на собственной шкуре изведать, что произойдет, если Он от нас отвернется.

– Ну давайте пойдем отсюда, – не вытерпел Эдди, – и чем скорее, тем лучше. Мне здесь не нравится. – Но он сказал не всю правду. На самом деле ему не терпелось скорее ступить на эту скрытую тропу, этот потаенный путь. С каждым шагом он будет чуть ближе к тому полю роз и к Башне, над ним царящей. Он вдруг понял – и сам удивился, – что намерен увидеть Башню, дойти до нее... или же умереть на пути.

Мои поздравления, Роланд, подумал он про себя. У тебя получилось. Ты меня обратил в свою веру. Можно сказать «Аминь».

– Прежде чем мы пойдем... – Роланд нагнулся и развязал сыромятный ремешок у себя на левом бедре. Потом медленно расстегнул свой ружейный пояс.

– Что еще за чушь? – спросил Эдди.

Роланд снял пояс и протянул его Эдди.

– Ты знаешь, зачем я сейчас это делаю. – Голос его был спокоен и тверд.

– Эй, приятель, забери его обратно! – Эдди вдруг захлестнула волна самых противоречивых чувств. Он сжал кулаки, но все равно ощущал, как дрожат пальцы. – Ты соображаешь, что ты *делаешь*?

– Я помаленьку теряю рассудок. Пока эта рана во мне не затянется – если она вообще может зарубцеваться, – мне не стоит его носить. И ты это знаешь.

– Возьми, Эдди, – тихо проговорила Сюзанна.

– Если бы вчера у тебя не было этой чертовой штуки, когда на меня налетела та дрянь вроде летучей мыши, я бы сейчас уже был на том свете.

Стрелок молчал, продолжая протягивать Эдди свой единственный теперь револьвер. Вся поза его говорила о том, что он будет стоять так весь день, если возникнет в том необходимость.

– Ну хорошо! – Эдди сорвался на крик. – Черт возьми, *хорошо!*

Он грубо вырвал ружейный ремень из руки Роланда и резким движением застегнул его у себя на поясе. Наверное, он сейчас должен испытывать облегчение... разве вчера ночью, глядя на этот самый револьвер, лежащий так близко к Роланду, он не думал о том, что может произойти, если Роланд действительно съедет с катушек? Они оба с Сюзанной об этом думали. Но облегчения он не испытывал. Только страх, и вину, и еще странную, мучительную печаль, слишком глубокую даже для слез.

Без своих револьверов Роланд выглядел так непривычно.

Так неестественно.

– О'кей? Ну а теперь, когда у бестолочей-недоучек есть по револьверу, а учитель остался совсем безоружным, можем мы наконец идти? А если что-то большое поперет на нас из кустов, ты, Роланд, всегда можешь швырнуть в него нож.

– Ах да! Я совсем забыл. – Роланд достал из сумки свой нож и протянул его Эдди рукоятку вперед.

– Но это уже *полный бред!* – закричал Эдди.

– *Жизнь* — это тоже бред.

– Ага, напиши эту мудрую мысль на почтовой открытке и отошли ее в долбаный «Ридерз дайджест». – Эдди засунул нож Роланда себе за пояс и вызывающе поглядел на стрелка. – *Теперь-то* мы можем идти?

– Еще одна вещь... – начал Роланд.

– Боже милостивый!

Роланд чуть улыбнулся.

– Это я пошутил.

У Эдди аж челюсть отвисла. Сюзанна снова расхохоталась. Ее смех, точно звон колокольчиков, рассыпался в утренней тишине.

31

Почти все утро они выбирались из «зоны массового опустошения», произведенного исполинским медведем в целях самозащиты, но идти по Лучу было чуть-чуть полегче, и когда странники снова оказались в лесу, миновав обширный участок поваленных деревьев и разросшегося подлеска, они развили вполне приличную скорость. Ручеек, берущий начало из-под каменной стены на поляне возле Врат, сопровождал их справа веселым журчанием. По пути он вобрал в себя несколько ручейков поменьше, и теперь его плеск стал настойчивее. Были здесь и зверюшки – путники слышали, как они шуршат в зарослях. А дважды они увидели издалека оленей, пасущихся небольшими группками. Один из них, самец с благородными раскидистыми рогами на гордо вскинутой голове, весил, наверное, добрых три сотни фунтов. Вскоре местность опять пошла в гору, и ручей свернул в сторону от тропы. А ближе к вечеру Эдди кое-что увидел.

– Может быть, остановимся? Передохнем минуточку?

– А в чем дело? – спросила Сюзанна.

– Да, – сказал Роланд. – Если хочешь, давай остановимся.

Внезапно Эдди снова почувствовал близость Генри, его присутствие, словно тяжелый груз лег на плечи. *Нет, вы посмотрите на этого паиньку. Он что, чего-то там углядел в этой чурке? Опять собирается что-нибудь вырезать? Да? Ну разве не КРАСОТУЛЯ?*

– Вообще-то это необязательно. Я хочу сказать, ничего такого. Я просто...

– ...кое-что увидел, – закончил за него Роланд. – Уж не знаю, чего ты там углядел, но прекращай свой словесный понос, бери, что увидел, и двинем дальше.

– Да нет, ничего. Правда... – Эдди почувствовал, что краснеет, и попытался отвести взгляд от ясеня, что привлек его внимание.

– Нет, *чего*. Там что-то такое, что тебе нужно, и это вовсе не «ничего». Если *тебе* это нужно, Эдди, значит, *и нам* тоже. А вот что нам не нужно, так это мужик, который не может избавиться от бесполезного груза своих давних воспоминаний.

Теплая кровь, прилившая к лицу, обернулась жаром. Еще мгновение Эдди стоял, опустив пылающее лицо и сверля взглядом свои мокасины. Ощущение было такое, что Роланд заглянул ему прямо в сердце своими как будто вылинявшими голубыми глазами воина.

– Эдди? – осторожно спросила Сюзанна. – Что там такое, дорогой?

Ее голос придал Эдди мужества, которого ему так не хватало. Страхнув с себя оцепенение, он шагнул к тонкому деревцу, на ходу вынимая из-за пояса нож Роланда.

– Может быть, ничего, – буркнул он и заставил себя добавить: – А может быть, кое-что. Если я его не запорю, действительно что-то выйдет.

– Ясень – дерево благородное и наделенное силой, – заметил Роланд, но Эдди едва ли его услышал. Насмешливый, глумящийся голос Генри затих; вместе с ним исчез и стыд. Эдди думал теперь только о ветке, что притянула к себе его взгляд: утолщенная и чуть выпирающая у ствола. Утолщение это имело несколько необычную форму... как раз такую, какая ему и нужна.

Ему виделась форма ключа, таящаяся внутри, – ключа, который явился ему на мгновение в огне, прежде чем горящая кость изменилась снова и обернулась розой. Три перевернутых V, центральная – глубже и шире, чем две по краям. И s-образная загогулина на конце. Ключ к разгадке.

Дуновение сна снова прошелестело в сознании: *Дад-а-чум, дуд-а-чи, не волнуйся, у тебя есть ключ.*

Может быть, подумалось ему. *Но на этот раз я постараюсь, чтобы все получилось как надо. На все сто процентов, без дураков.*

Очень осторожно он срезал ветку и укоротил узкий конец. Осталась толстая ясеневая болванка длиной девять дюймов. В руке она ощущалась тяжелой и живой – невероятно живой и готовой раскрыть свою тайну... человеку, достаточно ловкому и искусному, чтобы выманить этот секрет.

Вот только такой ли он человек? И имеет ли это значение?

Эдди Дин был уверен, что на оба вопроса ответ будет «да».

Здоровая левая рука стрелка легла ему на плечо.

– По-моему, ты знаешь один секрет.

– Может быть.

– Не поделишься с нами?

Эдди покачал головой.

– Сейчас лучше не нужно. Потом.

Роланд задумался и кивнул.

– Хорошо. Я задам тебе только один вопрос, и мы больше не будем к этому возвращаться. У тебя нет, случайно, каких-то мыслей насчет того, как можно справиться... с этой моей проблемой?

Про себя Эдди подумал: *Так вот явно он ни разу еще не выказывал это отчаяние, что терзает его, пожирая заживо*, – но вслух сказал только:

– Не знаю. Сейчас я еще не уверен. Но я очень на это надеюсь, дружище. Правда.

Роланд кивнул и отпустил руку Эдди.

– Спасибо. У нас есть еще добрых два часа до заката... надо ими воспользоваться, как считаешь?

– Я – за.

Они двинулись дальше. Роланд вез на коляске Сюзанну, а Эдди шагал впереди, держа в руках деревяшку с ключом, сокрытым внутри. Казалось, дерево дышит теплом, исполненным силы и тайны.

32

В тот же вечер, сразу после ужина, Эдди снял с пояса нож стрелка и занялся резкой. Нож этот, на удивление острый, казалось, вообще никогда не затупится. В свете костра Эдди трудился медленно и осторожно, переворачивая кусок древесины и с удовольствием наблюдая, как из-под его уверенных рук выползают ровные завитки стружки.

Сюзанна легла на спину, подложив руки под голову, и смотрела на звезды, неспешно кружащиеся в черном небе.

Роланд отошел к самой границе лагеря, за пределы отблесков костра, и встал там, прислушиваясь к голосам безумия, что снова терзали его измученный и смятенный разум.

Мальчик был.

Не было никакого мальчика.

Был.

Нет.

Был...

Он закрыл глаза, приложив холодную ладонь ко лбу, ноющему от боли, и спросил себя, сколько он еще выдержит, прежде чем лопнет, как изношенная тетива лука.

О Джейк, взмолился он про себя. Где ты теперь? Где ты?

А над ними, в ночной вышине, Старая Звезда и Древняя Матерь, взойдя к назначенным им местам, смотрели с тоской друг на друга через усыпанные звездной крошкой обломки древнего своего неудавшегося супружества.

Глава II

Ключ и роза

1

В течение трех недель Джейк – Джон Чеймберз храбро боролся с безумием, постепенно к нему подступающим. Все эти недели он себя чувствовал как последний пассажир на тонущем корабле, налегающий на рычаг трюмовой помпы в отчаянной борьбе за жизнь, пытающийся удержать корабль на плаву, пока не закончится шторм, небо не прояснится и не подоспеет помощь... откуда-нибудь. *Откуда угодно.* 29 мая 1977 года, за четыре дня до начала летних каникул, он наконец примирился с тем фактом, что помощи ждать неоткуда. Пришло время сдаться – позволить шторму забрать и его.

Роль пресловутой соломинки, что переломила хребет верблюду, исполнило экзаменационное сочинение по английскому.

Джон Чеймберз – Джейк для трех-четырех мальчишек, которые были почти что его друзьями (если бы папа об этом узнал, он бы точно рассвирепел не на шутку), – заканчивал свой первый год в школе Пайпера. Хотя ему было уже одиннадцать и ходил Джейк в шестой класс, он был маленьким для своих лет, и почти все, кто видел его в первый раз, думали, что ему лет девять, а то и восемь. Честно сказать, еще год назад его часто вообще принимали за девочку, пока он не устроил дома большой скандал, так что мама в конце концов согласилась на то, чтобы он постригся коротко. С отцом, разумеется, у него не было никаких проблем насчет стрижки. Папа лишь улыбнулся этой своей тяжеловесной улыбочкой из нержавеющей стали и сказал примерно следующее: *Мальшшу просто хочется быть похожим на морского пехотинца, Лори. Тем лучше.*

Для папы он никогда не был Джейком и только изредка – Джоном. Обычно же просто «моим малышом».

Прошлым летом (в то лето как раз американцы справляли двухсотлетнюю годовщину Декларации независимости – все было в знаменах и флагах, а в нью-йоркской гавани теснились громадные корабли) отец популярно ему объяснил, что школа Пайпера – это черт-возьми-самая-лучшая-школа-в-стране-для-мальчика-твоего-возраста. Тот факт, что Джейка приняли в эту черт-возьми-самую-самую-школу, не имел ничего общего с деньгами, объяснял Элмер Чеймберз... вернее, почти *настаивал*. Обстоятельством сим он ужасно гордился, хотя даже тогда, в десять лет, Джейк уже подозревал, что без кругленькой суммы там все-таки не обошлось, просто отец выдавал желаемое за действительное, чтобы при случае где-нибудь на коктейле этак невзначай обронить: «Мой малыш? О, он учится в „Пайпере“. Лучшая-черт-возьми-школа-в-стра-не-для-мальчика-его-возраста. Туда, знаете ли, не пролезешь, потрясая тугим кошельком; для Пайпера главное, есть у тебя что-нибудь в голове или нет. Либо у тебя мозги, либо гуляй, парнишка».

Джейк тогда уже понимал, что в яростном жерле бурлящего разума Элмера Чеймберза грубые куски графита желаний и мнений частенько сплавлялись в алмазы, которые папочка гордо именовал фактами... или, в обстановке неофициальной, фактунчиками. Его любимая фраза, произносимая с этаким благоговением и при всяком удобном случае, как вы, наверное, уже догадались, была: *Факт в том, что...*

Факт в том, что никто не поступит в школу Пайпера из-за денег, – сказал ему папа в то лето, когда Америка отмечала двухсотлетнюю годовщину своей Декларации независимости, – лето синего неба, летящих флагов и больших кораблей, лето, оставшееся в памяти Джейка прекрасным и светлым, потому что тогда еще он не начал сходить с ума и все проблемы его

заклучались в том, сумеет он или нет проявить себя с самой лучшей стороны в школе Пайпера, в этом рассаднике молодых дарований. *В таких школах, как эта, смотрят только на то, что ты сам собой представляешь.* – Перегнувшись через стол, Элмер Чеймберз постучал сына по лбу своим твердым, желтым от никотина пальцем. – *Понимаешь меня, мальши?*

Джейк только молча кивнул. С отцом вовсе не обязательно разговаривать, потому что папа ко всем относится точно так же – включая сюда и жену, – как к своим подчиненным и обслуживающему персоналу на телестудии, где он отвечал за составление программ передач и был признанным мастером «убойной силы», что на жаргоне телевизионщиков означает талант добиваться стопроцентного успеха у зрителя. При общении с папой требовалось только слушать, в нужных местах кивать, и тогда очень скоро он от тебя отставал.

Хорошо, – продолжал отец, закуривая очередную из восьмидесяти ежедневных сигарет «Кэмел». – *Значит, мы понимаем друг друга. Тебе придется как следует потрудиться, но я уверен, ты сможешь. Если бы ты ничего не мог, они бы нам этого не прислали.* – Он взял со стола письмо на фирменном бланке школы Пайпера – официальное уведомление о том, что Джейк принят, – и потряс им с таким свирепым триумфом, как будто то был не листок бумаги, а какая-нибудь зверюга, которую он собственноручно подстрелил в диких джунглях и теперь собирался содрать с нее шкуру и съесть. – *Так что старайся. Учись на «отлично». Чтобы мы с мамой тобой гордились. Закончишь год на одни пятерки, считай, что поездка в Диснейленд тебе уже обеспечена. Ради этого стоит стараться, да, мальши?*

И Джейк постарался. Учился он на «отлично» по всем предметам (по крайней мере так было до трех последних недель). Папа с мамой, наверное, им гордились, хотя видел он их крайне редко, так что судить было трудно. Обычно, когда он приходил из школы, дома не было никого, кроме Греты Шоу – домохозяйки, – так что Джейку приходилось показывать дневник ей, а потом потихоньку прятать его в самом темном и дальнем углу. Иной раз Джейк листал свой дневник с одними пятерками, задаваясь вопросом, нужны они кому-нибудь или нет. Ему бы очень этого *хотелось*, но у него были большие сомнения.

В этом году он уже вряд ли поедет в обещанный Диснейленд.

Скорее всего он поедет в психушку.

Утром 29 мая, ровно в 8.45, едва он прошел сквозь двойные двери вестибюля школы Пайпера, Джейку явилось жуткое видение. Он увидел отца в его офисе на Рокфеллер-Плаза, 70. Перегнувшись через стол, с неизменной сигаретой в уголке рта, он что-то выговаривал одному из своих подчиненных сквозь клубы голубого дыма. За окном как на ладони распростерся Нью-Йорк, но гул громадного города не проникал в кабинет, защищенный двумя слоями толстого термостекла.

Факт в том, что никто не пролезет в Саннивейлскую лечебницу из-за денег, – отчитывал папа беднягу-служащего с мрачным удовлетворением. Перегнувшись чуть дальше через стол, отец постучал своего собеседника пальцем по лбу. – *В такие места тебя пустят только в том случае, если в твоем выдающемся котелке что-то действительно повредится. Так и случилось с моим мальшиом. Но он все равно очень старается, очень. Лучшие всех плетет эти их гребаные корзины, как мне сказали. А когда его выпустят... если выпустят... он поедет в одно интересное место. Поедет...*

– ...на дорожную станцию, – выдавил Джейк, прикоснувшись дрожащей рукой ко лбу. Голоса возвращались снова. Орущие, спорящие голоса, которые сводили его с ума.

Ты умер, Джейк. Тебя задавила машина – и ты умер.

– Не будь идиотом! Смотри... видишь этот плакат? Написано: ЗАПОМНИ СВОЙ ПЕРВЫЙ ПИКНИК В ШКОЛЕ ПАЙПЕРА. У них что, на том свете, бывают школьные пикники?

Не знаю насчет пикников, но я точно знаю, что тебя задавила машина.

– Нет!

Да. Случилось это 7 мая в 8.25 утра. А через минуту ты был уже мертв.

– Нет! Нет! Нет!

– Джон?

Он оглянулся, перепугавшись до полусмерти. Перед ним стоял мистер Биссетт, преподаватель французского, и вид у него был встревоженный. За спиной у него в коридоре все остальные ученики уже проходили в актовый зал на общее утреннее собрание. Если кто-то из них изредка и отмачивал шутку, дурачась, то уж благим матом не орал никто. Должно быть, этим ребятам – как и самому Джейку – родители тоже прожужжали все уши о том, как крупно им повезло, что их приняли в школу Пайпера, куда никого не принимают за деньги (хотя плата за обучение составляет \$22 000 в год) и где смотрят только на то, есть у тебя в черепушке мозги или нет. Вероятно, многим из учеников самой-самой-школы тоже были обещаны увеселительные поездки, если они будут прилично учиться. Вероятно, некоторые родители этих счастливиц даже сдержат свои обещания. Вероятно...

– Джон, ты как себя чувствуешь? – спросил мистер Биссетт.

– Хорошо, – сказал Джейк. – Спасибо. Сегодня я заспался немного. Наверное, еще не проснулся как следует.

Мистер Биссетт улыбнулся, расслабившись.

– Со всеми бывает.

Только не с моим папой. Мастер «убойной силы» никогда не позволит себе заспать.

– Ты готов к своему экзамену по французскому? – спросил мистер Биссетт. – *Voulez-vous examiner a moi cette midi?*⁷

– Думаю, да, – бодро ответил Джейк, хотя, если честно, он просто не знал, готов ли он к экзамену. Он даже не помнил, готовился он по французскому или нет. В те дни для него почти все перестало иметь значение... все, кроме этих голосов в голове, сводящих его с ума.

– Хочу еще раз тебе сказать, Джон, что я очень тобой доволен. Я хотел сказать то же твоим старикам, но они не пришли на родительский вечер...

– Они очень заняты, – сказал Джейк.

Мистер Биссетт кивнул.

– Ну так вот, ты меня очень порадовал. Я просто хотел, чтобы ты это знал... и я очень надеюсь, что на следующий год ты продолжишь заниматься французским и мы снова с тобой увидимся.

– Спасибо.

А про себя Джейк подумал, что бы сказал сейчас мистер Биссетт, если бы услышал такое: *Но мне кажется, что на следующий год я при всем желании не смогу заниматься французским, разве что только заочно, если в старом добром Саннивейле школьникам разрешают учиться заочно.*

В дверях актового зала появилась Джоанна Франкс, школьный секретарь, со своим серебряным колокольчиком в руке. В школе Пайпера все звонки давали вручную. Джейк допускал, что в глазах родителей сие обстоятельство имело особое очарование. Сладкие воспоминания о маленьком школьном здании из красного кирпича и все такое. А его самого это бесило. И особенно в последнее время, когда звон серебряного колокольчика болезненно отдавался прямо в мозг...

Долго я так не выдержу, сказал он себе в отчаянии. *Мне очень жаль, но, по-моему, я схожу с ума. То есть я действительно схожу с ума.*

Заметив мисс Франкс, мистер Биссетт повернулся к дверям, потом снова к Джейку:

– У тебя все в порядке, Джон? А то в последнее время ты, кажется, чем-то обеспокоен. Что-то тебя тревожит?

⁷ Хочешь сдать мне экзамен сегодня днем? (фр.)

Джейка обезоружила неподдельная доброта в голосе преподавателя, но он тут же представил себе, как будет выглядеть мистер Биссетт, если он сейчас скажет ему: *Да. Меня кое-что тревожит. Один небольшой, черт возьми, фактунчик. Видите ли, я тут недавно умер и попал в другой мир. А там умер снова. Вы мне скажете, что такого не может быть, и вы будете правы, и я знаю, что вы, безусловно, правы, но в то же время я знаю, что вы ошибаетесь. Так оно все и было. Я умер. Действительно умер.*

Но если бы он залепил такое, сейчас мистер Биссетт уже бы названивал Элмеру Чеймберзу, а Саннивейлская лечебница показалась бы Джейку воистину райским местечком после всего того, что ему выскажет папа по поводу переучившихся школьников, затеявших вдруг отпускать идиотские замечания как раз накануне экзаменационной недели. По поводу мальчиков, что выкидывают номера, о которых отцу потом будет стыдно упомянуть за ленчем или на коктейле. По поводу сыновей, которые-позволяют-себе...

Джейк заставил себя улыбнуться мистеру Биссетту.

– Просто немного волнуюсь перед экзаменами.

– Все ты сдашь, – ободряюще подмигнул ему мистер Биссетт.

Мисс Франкс зазвонила в свой колокольчик, объявляя начало утреннего собрания. Джейк едва не поморщился – каждый его перезвон больно бил по ушам и проносился в мозгу точно маленькая ракета.

– Пойдем, – сказал мистер Биссетт, – а то опоздаем. Нехорошо было бы опоздать в первый день экзаменационной недели, верно?

Они проскользнули в зал мимо мисс Франкс и ее грохочущего колокольчика. Мистер Биссетт поспешил к ряду кресел, гордо именуемому преподавательскими хорами. В школе Пайпера было немало таких остроумных названий: актовый зал называли общей палатой, обеденный перерыв – свободным часом, седьмые и восьмые классы – непревзойденными мальчиками и девочками, а ряд откидных кресел на сцене у пианино (по которому мисс Франкс скоро ударит с таким же немилосердным остервенением, с каким сейчас звонит в колокольчик), само собой, именовался преподавательскими хорами. Все это тоже в честь старой доброй традиции. Если бы вы были любящими родителями, осознающими, что драгоценное ваше чадо вкушает в общей палате свой ленч в течение свободного часа, а не просто жует себе сэндвич с тунцом в столовке, вы бы, наверное, тоже пребывали в блаженной уверенности, что в области среднего образования у нас все О'КЕЙ.

Джейк уселся в свободное кресло подальше от сцены и окунулся в поток утренних объявлений. В мозгу у него поселился непроходящий ужас, заставлявший Джейка чувствовать себя подопытной крысой, попавшей в крутящийся барабан. Он попытался убедить себя, что еще настанут лучшие, светлые времена, но как бы ни тщился он заглянуть в будущее, впереди ему виделась только тьма.

Его здравый рассудок был точно корабль, идущий ко дну.

Мистер Харли, директор школы, поднялся на кафедру и выдал краткую речь насчет исторической значимости начавшейся сегодня экзаменационной недели с упором на то, что оценки, которые выставят ученикам, явятся еще одним важным шагом на Великой Дороге Жизни. Он проникновенно вещал о том, что школа очень рассчитывает на своих славных питомцев, *он* лично рассчитывает на них и их родители тоже на них рассчитывают. Он, правда, не упомянул в этой связи весь свободный демократический мир, но дал однозначно понять, что так оно и есть. Закончил он сообщением о том, что на время экзаменационной недели все звонки отменяются (первая и единственная за все утро хорошая новость для Джейка).

Мисс Франкс, которая давно уже томила за пианино, взяла первый призывный аккорд. Ученики – семьдесят мальчиков и пятьдесят девочек, все в опрятных и строгих костюмах, свидетельствующих о безупречном вкусе и стабильном финансовом положении их родителей, – поднялись, как один, и грянули школьный гимн. Машинально выпевая слова, Джейк размыш-

лял о том странном месте, в котором очутился после смерти. Он поначалу подумал, что это ад... потом, правда, засомневался, но когда появился тот страшный дядька в черном плаще с капюшоном, все сомнения рассеялись, обернувшись уверенностью.

А потом пришел тот, другой, человек. Которого Джейк почти полюбил.

Но он дал мне упасть. Он убил меня.

Он почувствовал, как затылок его и лопатки покрылись неприятной испариной.

Горды мы за школу Пайпера,
С честью несем ее знамя.
Не забудем девиз alma mater:
Пайпер, умри, но сделай!

Господи, что за дерьмовая песня, подумал Джейк, и ему вдруг пришло в голову, что отцу бы она понравилась.

2

Первым в расписании стоял письменный экзамен по английскому. Единственный экзамен, проходящий не в классе, – им на дом задали сочинение. Обычное сочинение объемом от полутора до четырех тысяч слов на тему «Как я понимаю правду». Мисс Эйвери, их училка, предупредила, что оценка за это экзаменационное сочинение за четверть определит общую табельную оценку за семестр.

Джейк вошел в класс и сел за свою парту в третьем ряду. Всего у них в классе было одиннадцать учеников. Джейку вспомнился прошлый сентябрь, первый учебный день – именуемый, разумеется, ориентирующим, – когда мистер Харли с гордостью им сообщил, что у них в «Пайпере» самое-высокое-соотношение-«учитель-ученик»-из-всех-лучших-частных-средних-школ-на-востоке, при этом он время от времени потрясал кулаком, как бы подчеркивая значимость именно этого обстоятельства. Правда, на Джейка сие откровение не произвело особенного впечатления, но он передал речь директора папе, полагая, что папа действительно «впечатлится». И Джейк не ошибся.

Он открыл свою школьную сумку, осторожно достал голубую папку с экзаменационным сочинением и положил ее на парту, собираясь еще раз проверить ошибки, но тут его взгляд случайно упал на дверь слева. Он, разумеется, знал, что ведет она в гардероб и сегодня ее закрыли, потому что на улице двадцать один градус тепла и вряд ли кто-нибудь из учеников придет в пальто или плаще. За дверью нет ничего, только ряд медных крючков на стене и длинный резиновый коврик для обуви на полу, и еще в дальнем углу несколько ящиков с канцелярскими принадлежностями – мел, тетради для письменных экзаменационных работ и тому подобное.

Ничего интересного.

Но Джейк все равно поднялся из-за парты – папка с его сочинением так и осталась лежать нераскрытой – и подошел к двери. Он слышал, как шепчутся между собой одноклассники, слышал шелест страниц – это они проверяли свои сочинения на предмет неправильного употребления определения или корявой фразы, которые могли оказаться роковыми, – но все эти звуки доносились как будто издалека.

Все его внимание было приковано к двери.

В течение последних дней десяти, когда голоса у него в голове стали громче, двери начали оказывать на него пленяющее, гипнотическое воздействие – любые двери. Только за последнюю неделю он открыл и закрыл дверь между своей спальней и коридором верхнего этажа, наверное, раз пятьсот, а между спальней и ванной – не меньше тысячи. И каждый раз, когда он

брался за дверную ручку, у него перехватывало дыхание, надежда и предвкушение теснились в груди, как будто решение его проблемы скрывалось за этой или за той дверью и он обязательно его найдет... рано или поздно. Но каждый раз дверь открывалась в обычную ванную, в коридор, или на улицу, или куда-нибудь еще.

В прошлый четверг он вернулся домой из школы, бросился на кровать и заснул – сон, похоже, остался последним его пристанищем. Не считая того обстоятельства, что, когда он проснулся три четверти часа спустя, он не лежал там, где заснул, в кровати, а стоял у стены рядом с книжным шкафом и сосредоточенно рисовал на обоях дверь. Хорошо еще карандашом, и ему потом удалось стереть ластиком большую часть своего «произведения».

Вот и сейчас, подойдя к двери в гардероб, он снова почувствовал этот наплыв надежды, от которого у него кружилась голова и перехватывало дыхание, убежденность, что дверь распахнется не в темную раздевалку, где нет ничего, кроме стойких запахов зимы: фланели, резины и влажного меха, – а в какой-то другой мир, где он снова сможет обрести цельность. Горячий, головокружительный свет ляжет на пол классной комнаты расширяющимся треугольным клином, и он увидит там птиц, кружащих в бледно-голубом небе цвета (*его глаз*) старых линялых джинсов. Ветер пустыни взъерошит ему волосы и высушит нервную испарину на его лбу.

Он войдет в эту дверь и исцелится.

Повернув ручку, Джейк открыл дверь. Внутри была лишь темнота и ряд тускло мерцающих медных крючков на стене. Чья-то забытая варежка одиноко лежала у стопки тетрадей для экзаменационных работ.

Сердце Джейка упало, и внезапно ему захотелось спрятаться в этой темной комнате с ее горькими запахами зимы и меловой пыли – потрогать варежку, пристроиться где-нибудь в уголке под медными крючками на резиновом коврик, куда зимой ставят обувь, и сидеть там, засунув в рот большой палец, подтянув колени к груди, закрыв глаза и... и...

Он сумел себя перебороть.

Эта мысль была такой заманчивой и *утешающей*. Придет конец его страхам, смятению и неуверенности. От последнего Джейк страдал больше всего – его донимало настойчивое ощущение, что вся его жизнь превратилась в этакий лабиринт из кривых зеркал.

Но у Джейка Чеймберза был сильный характер – как и у Эдди, и у Сюзанны, – внутренний негнбимый стержень, который излучал теперь холодный голубоватый свет, точно маяк во тьме. Он не сдастся так просто. Быть может, в итоге он сойдет с ума, но бороться будет до последнего. Он не позволит безумию себя одолеть.

Никогда! – в ярости думал он. – *Никогда! Ни...*

– Я смотрю, ты там в гардеробе увлекся инвентаризацией, Джон, школьное имущество надо, конечно, беречь, но, может, ты все-таки к нам вернешься, когда закончишь, – проговорила у него за спиной мисс Эйвери своим сухим, неизменно вежливым голосом.

Джейк отвернулся от двери. По классу прошел смехок. Мисс Эйвери стояла за своим столом, легонько поглаживая журнал длинными тонкими пальцами. Лицо ее оставалось спокойным и, как всегда, интеллигентным. Сегодня она пришла в синем костюме, а волосы зачесала назад и уложила в пучок, как обычно. Со стены из-за ее плеча на Джейка хмуро взирал портрет Натаниеля Готорна⁸.

– Простите, – пробормотал Джейк, закрывая дверь. И тут же ему захотелось открыть ее снова, просто на всякий случай, чтобы еще раз проверить... а вдруг тот, другой, мир с его жарким солнцем и безбрежным простором пустыни все-таки будет там.

Но он не поддался порыву. Отошел от двери и направился к своей парте. Петра Джессерлинг тихонько шепнула ему:

⁸ Натаниел Готорн (1804–1864) – американский писатель-романтик, автор исторических и фантастических произведений.

– Возьми *меня* тоже в следующий раз. – В глазах у нее плясали веселые огоньки. – Когда тебе будет на что посмотреть.

Джейк рассеянно улынулся и сел на место.

– Спасибо, Джон. – Голос мисс Эйвери оставался все так же бесконечно доброжелательным и спокойным. – А сейчас, дети, пока вы не начали проверять свои экзаменационные сочинения, которые, я в том нисколько не сомневаюсь, все будут хорошими и каждое в чем-то особенным, я вам раздам список литературы, рекомендованной министерством образования для летнего домашнего чтения, и скажу пару слов хотя бы о некоторых из представленных там изумительных книг...

Попутно она протянула небольшую стопку отпечатанных на мимеографе листов Дэвиду Сарри. Тот принялся их раздавать, а Джейк открыл свою папку, чтобы еще раз перечитать, что он там накатал на тему «Как я понимаю правду», причем с искренним интересом, потому что он просто не помнил о том, как вообще писал это самое сочинение... ни как писал сочинение, ни как готовился к экзамену по французскому.

С изумлением и нарастающим беспокойством смотрел он на титульный лист. Заглавие – «КАК Я ПОНИМАЮ ПРАВДУ. Сочинение Джона Чеймберза» было аккуратно напечатано по центру страницы, тут все в порядке, но под ним он зачем-то приклеил две фотографии. На одной была дверь, скорее всего, решил Джейк, дом № 10 по Даунинг-стрит в Лондоне⁹, на второй – большущий электровоз. Цветные фотки, вырезанные, вне всяких сомнений, из иллюстрированного журнала.

Зачем я их сюда налепил? И когда?

Джейк перевернул страницу и тупо уставился на первый лист своего экзаменационного сочинения, не веря тому, что он видит, и ничего не понимая. А потом, когда сквозь пелену потрясения пробились первые искорки понимания, его обуял настоящий ужас. Это все-таки произошло – теперь все *увидят*, что он рехнулся.

3

Как я понимаю правду

Сочинение Джейка Чеймберза

Я покажу тебе страх в горстке праха.
Т.С. Элиот. Мясник

Моей первой мыслью было, что он каждым словом мне лжет.
Роберт Браунинг. Солнечный танец

Стрелок – вот правда.
Роланд – вот правда.
Узник – вот правда.
Госпожа Теней – правда.
Узник и Госпожа поженились. Вот правда.
Дорожная станция – правда.
Говорящий Демон – правда.
Мы вошли в тоннель под горами, и это правда.
Под горами были чудовища. И это правда.
Один держал между ног шланг бензоколонки

⁹ По этому адресу располагается резиденция премьер-министра Великобритании.

«АМОКО» и притворялся, что это его член. Это правда.
Роланд позволил мне умереть. Вот правда.
Я люблю его до сих пор.
Это правда.

– И еще очень важно, чтобы вы все прочли «Повелителя мух»¹⁰, – продолжала мисс Эйвери своим чистым, но каким-то безликим голосом. – А когда вы прочтете, вы должны будете поразмыслить и постараться ответить на некоторые вопросы. Хорошая книга всегда как загадка, за которой скрывается много других загадок, а это действительно очень хорошая книга... одна из лучших, написанных во второй половине двадцатого века. Во-первых, подумайте и ответьте, какой символический смысл заключен в образе раковины. Во-вторых...

Далеко. Далеко-далеко. Трясущейся, нетвердой рукой Джейк перевернул страницу своего экзаменационного сочинения, оставив на первом листе темное пятнышко пота.

Когда дверь нельзя открыть? Когда она распахнута.

Это правда.

Блейн – это правда.

Блейн – это правда.

Что это такое: о четырех колесах и воняет? Мусорная машина. И это правда.

Блейн – это правда.

Не сводить с Блейна глаз. Блейн – это боль. Вот правда.

Я уверен, что Блейн опасен, и это правда.

Что это такое: черная, белая и вся красная? Зебра, краснеющая от смущения. Вот правда.

Блейн – это правда.

Я хотел бы вернуться, и это правда.

Мне придется вернуться, и это правда.

Если я не вернусь, я сойду с ума. Это правда.

Но я не сумею вернуться домой, пока я не найду камень, розу и дверь.

Это правда.

Чу-чу – это поезд, и это правда.

Чу-чу, чу-чу.

Чу-чу, чу-чу, чу-чу.

Чу-чу, чу-чу, чу-чу, чу-чу.

Я боюсь. Это правда.

Чу-чу

Джейк медленно поднял голову. Сердце бешено колотилось в груди – так сильно, что с каждым его ударом перед глазами у Джейка начинали плясать яркие огни, точно после фотовспышки.

Он явственно представил себе, как мисс Эйвери отдает сочинение папе с мамой. Рядом с мисс Эйвери с грустным видом стоит мистер Биссетт, а она говорит своим чистым, но безликим голосом: «Ваш мальчик очень серьезно болен. Если нужны доказательства, почитайте его экзаменационное сочинение».

«Я заметил еще, что в последние три недели Джон сам не свой, – добавляет мистер Биссетт. – Иногда он как будто испуган и все время слегка заторможен... отрешен, если вы понимаете, что я имею в виду. Je pense John est fou... comprenez-vous?»¹¹»

¹⁰ Роман английского писателя Уильяма Голдинга (1911–1993)

¹¹ По-моему, Джон – сумасшедший... понимаете? (фр.)

«Может быть, – это опять мисс Эйвери, – у вас дома в доступном месте хранятся какие-нибудь седативные препараты, которые Джон потихоньку от вас принимает?»

Насчет седативных препаратов Джейк не был уверен, но доподлинно знал, что у папы в нижнем ящике стола припрятано несколько граммов кокаина. И отец, без сомнения, решит, что там-то Джейк и «попасса».

– А теперь я скажу пару слов насчет книги «Уловка-22»¹², – продолжала мисс Эйвери. – Для шести-, семиклассников эта книга действительно сложная, но она все равно вам покажется изумительной, надо только настроить себя на ее *специфическое очарование*. Если вам так удобнее, можете воспринимать ее как комедию сюрреализма.

Только мне не хватало читать подобное, подумал угрюмо Джейк. *Я в чем-то схожем живу... и это отнюдь не комедия.*

Он обратился к последней странице своего экзаменационного сочинения. На ней не было ни единого слова, только еще одна вырезка из журнала, аккуратно приклеенная посередине листа, – фотография падающей Пизанской башни, заштрихованная черным карандашом. Темные восковые линии переплетались в безумных изгибах и петлях.

Раскрасил ее, вероятно, сам Джейк... больше некому.

Но он не помнил, как делал это.

Совершенно не помнил.

Теперь он представил себе, что ответит отец мистеру Биссетту: «Фоу. Да, мальчик определенно фоу. Ребенок, которому выпала исключительная возможность проявить себя в школе Пайпера, а он пустил ее псу под хвост, ДОЛЖЕН БЫТЬ фоу, вы со мной согласны? Ну... предоставьте это мне, а уж я разберусь. Справляться с проблемами – это моя работа. И я уже знаю решение. Саннивейл. Ему надо какое-то время пожить в Саннивейле, заняться... не знаю... плетением корзин и прийти в себя. Вы не волнуйтесь, ребята, за нашего мальчика. Он может, конечно, сбежать... но ему не укрыться».

Неужели его действительно отправят в дурдом, когда выяснится, что у него крыша поехала? Джейк, кажется, знал ответ. Уж будьте уверены! У себя в доме отец не потерпит какого-то полоумного, пусть даже им будет его родной сын. Его увезут – не обязательно в Саннивейл; но там, куда его заботливо поместят, непременно будут решетки на окнах и здоровенные дядьки в белых халатах и ботинках на каучуковой подошве, с крепкими мышцами, настороженными глазами и набором шприцев для подкожного впрыскивания искусственных снов.

А знакомым они скажут, что я уехал, размышлял Джейк. *Голоса у него в голове умолкли, заглушённые волной нарастающей паники. Уехал на год в Модесто, погостить у тети с дядей... или в Швецию в рамках программы обмена учениками... или отправился на космическую орбиту чинить там спутник. Мама очень расстроится... будет плакать... но потом все же смирится. У нее есть любовники, чтобы ее развлечь... к тому же она всегда соглашается с ним, с отцом. Она... они... я...*

Джейк вдруг почувствовал, как из горла его рвется крик, и плотно сжал губы, чтобы удержать его. Опять тупо уставился на безумные черные штрихи – эти пляшущие изломы поверх фотографии Пизанской башни – и сказал себе: *Мне нужно отсюда уйти. Сейчас же.*

Он поднял руку.

– Да, Джон, в чем дело? – Мисс Эйвери смотрела на него с выражением мягкого раздражения, которое приберегала специально для учеников, вздумавших прервать ее в самый неподходящий момент.

– Если можно, я на минуточку выйду, – пробормотал Джейк.

Вот вам, пожалуйста, очередной пример «Пайпер-речений». Ученикам школы Пайпера не «нужно в туалет», они не «ходят в уборную» или, упаси Боже, «справляют нужду». Предпо-

¹² Роман американского писателя Джозефа Хеллера (р. 1923).

лагается, что все пайперовские питомцы – создания столь совершенные, что просто не могут растрачивать себя на производство побочных продуктов в своем изысканно тихом и плавном скольжении по жизни. Время от времени кто-то из них спрашивает разрешения «на минуточку выйти», и это все.

Мисс Эйвери вздохнула.

– А тебе очень нужно, Джон?

– Да, мэм.

– Ну хорошо, иди. Но возвращайся быстрее.

– Да, мисс Эйвери.

Он встал, закрыл папку, хотел было забрать ее, но потом передумал. Так не пойдет. Мисс Эйвери тут же заинтересуется, зачем ему брать с собой в туалет экзаменационное сочинение. Надо было их вынуть из папки, эти чертовы страницы, и потихоньку убрать в карман... но еще до того, как просить разрешения выйти. А теперь уже поздно.

Джейк направился по проходу к двери, оставив папку на парте, а портфель на полу под столом.

– Надеюсь, все выйдет нормально, Чеймберз, – шепнул ему Дэвид Сарри и фыркнул в кулак.

– Прекрати болтать, Дэвид, – едва ли не рявкнула мисс Эйвери, теперь уже по-настоящему рассердившись, и весь класс покатился со смеху.

Джейк на мгновение помедлил у двери в коридор, а когда взялся за ручку, в душе его вновь затеплились уверенность и надежда: *Сейчас это произойдет – обязательно произойдет. Стоит мне распахнуть эту дверь, и за ней будет солнце пустыни. Его свет ворвется сюда, а в лицо мне дохнет сухим ветром. Я войду туда и больше уже никогда не увижу этот дурацкий класс.*

Он открыл дверь, но за ней был лишь коридор. Все тот же школьный коридор. Однако кое в чем Джейк оказался прав: ему больше уже никогда не пришлось увидеть класс мисс Эйвери.

4

Кажется, Джейк немного вспотел. Он медленно шел по сумрачному коридору, стены которого были отделаны деревом, мимо дверей. Он бы, наверное, открыл их все, если бы не прозрачные стекла, вставленные в каждую. Вот французский класс мистера Биссетта, второй год обучения. Вот кабинет мистера Кнофа – «Введение в геометрию». В обоих классах ученики сидели, зажав в руках карандаши и ручки, склонившись над тетрадями в синих обложках для экзаменационных работ. Заглянув в класс мистера Харли «Ораторское искусство и культура речи», Джейк увидел, как Стэн Дорфман – один из тех знакомых ребят, которые были для Джейка почти друзьями, – встает, готовясь произнести свою экзаменационную речь. Выглядел Стэн перепуганным до смерти, хотя на самом-то деле он и понятия не имел о том, что такое страх – настоящий страх, – а вот Джейк мог бы много чего интересного рассказать ему в этой связи.

Я умер.

Нет, я не умер.

Умер.

Не умер.

Умер.

Нет.

Проходя мимо двери с надписью ДЛЯ ДЕВОЧЕК, он распахнул ее, ожидая увидеть там чистое небо пустыни и синюю дымку на горизонте – горы, но увидел всего лишь Белинду Стивенс. Она стояла у раковины и, сосредоточенно глядя в зеркало, выдавливала на лбу прыщ.

- Господи, ты чего? – всполошилась она.
- Прости. Просто ошибся дверью. Думал, здесь будет пустыня.
- Чего?

Но Джейк уже отпустил дверь, и она плавно закрылась благодаря пневматической пружине. Обойдя питьевой фонтанчик, он открыл дверь с надписью ДЛЯ МАЛЬЧИКОВ. Ту самую дверь, он уверен, он знает, дверь, через которую он вернется...

Три писсуара блеснули безупречной, без единого пятнышка, белизной под лампами дневного света. Последние капли стекли в слив раковины, и затычка торжественно встала на место. И все.

Джейк закрыл дверь и пошел дальше по коридору, громко стуча каблуками. По пути заглянул в канцелярию, но увидел там только мисс Франкс. Она самозабвенно разговаривала по телефону, раскачиваясь взад-вперед на своем вращающемся стуле и накручивая на палец прядь волос. На столе перед ней стоял серебряный колокольчик. Джейк подождал, пока она отвернется от двери, и тихонечко проскользнул мимо. А уже через тридцать секунд он стоял под сияющим утренним солнцем позднего мая.

Я стал прогульщиком... я сачканул. Джейк и сам не поверил. Даже тревога, паника и смтение не смогли заглушить его крайнего – искреннего – изумления вследствие столь неожиданного поворота событий. *Минут через пять, когда я не вернусь из сортира, мисс Эйвери отправит кого-нибудь, чтобы проверить... и тогда все раскроется. Все узнают, что я сачканул, что я смылся с экзамена.*

Тут он вспомнил, что папка с его сочинением осталась лежать на парте.

Они прочтут его и подумают, что я спятил. Фои. Да, все правильно. Так они и подумают. Потому что я в самом деле спятил.

А потом у него в голове зазвучал другой голос. Голос того человека с глазами воина... который носил два больших револьвера на широких ружейных ремнях очень низко на бедрах. Холодный, суровый голос... но были в нем утешение и тепло.

Нет, Джейк, – говорил Роланд, – ты не спятил. Ты не можешь понять, что с тобой происходит, тебе сейчас страшно, но ты не рехнулся, и не надо бояться ни тени своей, что за тобой шагает утром, ни тени вечерней своей, что встает пред тобой. Просто нужно найти путь обратно домой, вот и все.

– Но куда мне идти? – прошептал Джейк. Он стоял сейчас на Пятьдесят шестой между Парком и Мэдисон и смотрел на снующие мимо автомобили. Проехал автобус, оставив после себя едкий шлейф выхлопных газов. – Куда мне идти? Где эта чертова дверь?

Но голос стрелка уже замер.

Джейк повернул налево, к Ист-Ривер, и слепо пошел вперед. Он понятия не имел куда. Ни малейшего представления. Он мог только надеяться, что ноги сами приведут его в нужное место... в хорошее место... как недавно они его завели в плохое.

5

Это случилось три недели тому назад.

Нельзя даже сказать: «Началось три недели назад», потому что, когда «началось», это предполагает некоторое последующее развитие, а его не было. Развивались только *голоса*. Каждый из них настаивал на своем варианте реальности все решительнее и жестче, но все остальное именно «случилось», в одно мгновение.

Он вышел из дома в восемь утра – он всегда выходил пораньше, когда погода была хорошей, чтобы пройтись пешком, а май в этом году выдался просто чудным. Папа уже отбыл на телестудию, мама еще не вставала, а миссис Грета Шоу, обосновавшись на кухне, пила кофе и читала свою «Нью-Йорк пост».

– До свидания, Грета, – сказал он ей. – Я пошел в школу.

Она махнула ему рукой, не отрываясь от газеты.

– Счастливо, Джонни.

Все как всегда. Еще один день жизни.

И так продолжалось еще двадцать пять минут. А потом все изменилось. Уже навсегда.

Он шел по улице (в одной руке школьная сумка, в другой – пакет с завтраком) и глазел на витрины. За двенадцать минут до конца жизни – какой Джейк всегда ее знал, – он на минутку остановился перед витриной «Брендио», где манекены в меховых шубах и стильных костюмах застыли в позах непринужденной беседы. Думал он только о том, как днем, после школы, пойдет в кегельбан. 158 – его рекорд. Очень неплохо для мальчика его возраста. Он мечтал когда-нибудь заняться этим всерьез и стать профессиональным игроком (если бы папа узнал об *этом*, он бы тоже рассвирепел не на шутку).

Но все ближе и ближе мгновение, когда разум его неожиданно помутится.

Он перешел через Тридцать девятую. До рокового мгновения осталось чуть меньше семи минут. На Сорок первой ему пришлось подождать у светофора, пока не зажжется зеленый – ИДИТЕ. Осталось четыре с половиной минуты. Джейк помедлил у книжного магазина, что на углу Пятой и Сорок второй. Именно в этот миг, когда привычной размеренной жизни ему осталось чуть более трех минут, Джейк Чеймберз ступил под сень той невидимой силы, которую Роланд называл *ка-тетом*.

Постепенно его захватило какое-то странное, неприятное ощущение. Поначалу ему показалось, что кто-то за ним наблюдает, но очень быстро он понял, что это не так... или не совсем так. У него было такое чувство, что все это с ним уже происходило... как будто начал сбываться давнишний сон, который почти забылся. Он думал, что странное чувство сейчас пройдет, но оно не прошло. Оно стало только сильнее, и постепенно к нему примешалось еще кое-что... неподдельный ужас.

Впереди, на ближайшем углу Пятой и Сорок третьей, возился чернокожий торговец в смешной панаме, устанавливая тележку с напитками.

Это тот самый, который сейчас закричит: «Господи, да его же убило!» – подумал Джейк.

С той стороны к переходу приближалась толстая тетенька с блюмингдейловским пакетом в руке.

Она выронит свой пакет. Выронит его, поднесет руки ко рту и завизжит. Пакет раскроется, и внутри будет кукла, запеленутая в красное полотенце. Я увижу ее с дороги, когда буду лежать на проезжей части, а кровь просочится ко мне в штаны и разольется вокруг маленьким озерцом.

Сразу за тучной женщиной шел долговязый дядька, одетый в серый шерстяной костюм и с «дипломатом» в руке.

Его стоинит прямо себе на ботинки. Он уронит портфель, и его стоинит прямо на ботинки. Что со мной происходит?

Но ноги сами несли его к переходу – как раз зажегся зеленый, и толпа устремилась через улицу оживленным тесным потоком. Где-то сзади, неуклонно приближаясь к нему, шел священник-убийца. Джейк это знал, как знал он и то, что сейчас уже зажжется красный и руки священника протянутся к нему, чтобы толкнуть... но он даже не смог оглянуться. Как в кошмарном сне, когда понимаешь, что тебе угрожает опасность, но сделать ничего не можешь, потому что события во сне тебе неподвластны.

Осталось пятьдесят три секунды. Впереди чернокожий торговец открыл дверцу сбоку тележки.

Сейчас он достанет бутылочку «Йо-Хо», – подумал Джейк. – Бутылку – не банку. Встряхнет и осушит одним глотком.

Торговец достал из тележки бутылочку «Йо-Хо», энергично ее встряхнул и скovyрнул крышку.

Осталось сорок секунд.

Сейчас переключится светофор.

Белая надпись ИДИТЕ погасла. Красными вспышками замерцала – СТОИТЕ. А где-то там, менее чем в полуквартале отсюда, большой синий «кадиллак» вырулил в проулок между Пятой и Сорок третьей. Джейк это *знал*, как знал он и то, что на водителе – тучном мужчине – будет синяя шляпа, точно такого оттенка, как и его машина.

Сейчас я умру!

Ему так хотелось выкрикнуть это вслух – этим прохожим, не подозревающим ни о чем, – но челюсть как будто свело. Ноги сами собой несли его к переходу. Надпись СТОИТЕ перестала мерцать и загорелась своим ровным красным предупреждением. Торговец сунул пустую бутылку из-под «Йо-Хо» в урну на углу. Толстая тетка на той стороне встала на краю тротуара, держа фирменный пакет за ручки. Мужчина в сером костюме встал сразу за ней. Осталось всего восемнадцать секунд.

Пора показаться фургону со склада игрушек, подумал Джейк.

Подпрыгивая на выбоинах в асфальте, мимо проехал большой фургон с надписью ТУКЕР. ИГРУШКИ ОПТОМ и картинкой с радостным «Джеком-дергунчиком» на борту. Джейк знал: у него за спиной человек в черном пошел быстрее, сокращая расстояние между ними... вот он уже тянет свои длинные руки. Но и теперь Джейк не смог оглянуться – как нельзя оглянуться в кошмарном сне, когда что-то ужасное начинает хватать тебя сзади.

Беги! Если не можешь бежать, то садись и держись за дорожный знак — «Стоянка запрещена»! Делай что хочешь, только не стой как овца. Не дай этому произойти!

Но он был бессилен это остановить. Впереди, на самом краю тротуара, стояла девушка в белом свитере и черной юбке. Слева от нее – парнишка-чикано¹³ с включенным радиоприемником. Как раз заканчивалась композиция Донны Саммер. Следующей песней, Джейк знал, будет песня «Доктор Любовь» группы «Кисс».

Сейчас они расступятся...

Не успел Джейк закончить мысль, как девушка отошла на шаг вправо. Парнишка-чикано – влево. Между ними образовалось место для одного человека. Предательские ноги Джейка сами сделали шаг вперед. Осталось девять секунд.

Отблеск ясного майского солнца сверкнул на фирменном значке «кадиллака». Джейк знал, что это седан «де вилль» 1976 года. Шесть секунд. «Кадиллак» несясь вперед. Сейчас для машин должен зажечься красный, и толстый мужик в «де вилле» – в синей шляпе с пером за лентой – собирался проскочить, чтобы не ждать потом на перекрестке. Три секунды. За спиной Джейка человек в черном рванулся вперед. В радиоприемнике молодого чикано кончилась композиция «Я люблю, крошка, любить тебя» и началась «Доктор Любовь».

Две секунды.

«Кадиллак» перестроился в крайнюю правую полосу – ближнюю к тротуару – и устремился на всех парах к переходу, скалясь убийственной усмешкой.

Одна секунда.

У Джейка перехватило дыхание.

Сейчас.

– Ой! – сумел только выкрикнуть Джейк, когда сильные руки ударили его в спину, толкая... толкая на улицу, под машину... выталкивая из жизни...

За одним небольшим исключением – *не было* никаких рук.

¹³ Чикано – американец мексиканского происхождения.

Но Джейк все равно пошатнулся и стал падать вперед, судорожно размахивая руками. Губы сложились в черный ноль страха. Парень-чикано резко подался вперед, схватил Джейка за руку и дернул его назад.

– Осторожнее, маленький герой, – сказал он. – А то размажет тебя по дороге на полквартала.

«Кадиллак» пролетел мимо. Джейк еще мельком увидел водителя – толстого дядьку в синей шляпе, – а потом его и след простыл.

И вот тогда оно и случилось: его как будто разорвало надвое, и стало два Джейка. Один лежал на проезжей части и умирал. Второй стоял на углу, в тупом потрясении глядя на светофор, где СТОИТЕ переключилось опять на ИДИТЕ, и поток пешеходов устремился по переходу как ни в чем не бывало... как будто вообще ничего не случилось... И действительно ничего не случилось.

Я жив! – ликовала одна половина его сознания.

Нет, я умер! – возражала другая. – *Меня сбила машина. Они все столпились вокруг меня, а человек в черном, который меня толкнул, говорит: «Пропустите меня, я священник».*

Тошнотворной волной накрыла слабость, превращая его сознание в колышущийся раскрытый парашют. Проходя мимо толстой женщины, Джейк тайком заглянул к ней в пакет – на него смотрели ясные голубые глаза большой куклы, запеленутой в красное полотенце, – точно как он предвидел. Женщина проплыла мимо. Чернокожий торговец не кричал: «Господи, да его же убило!» – а продолжал заниматься своей тележкой, беззаботно насвистывая песенку Донны Саммер, которая только что прозвучала по радио у парнишки-чикано.

Джейк оглянулся, лихорадочно высматривая в толпе священника, который не был священником. Его там не оказалось.

Джейк застонал.

Перестань! Что с тобой происходит?

Джейк не знал. Знал он только одно: сейчас он должен лежать на проезжей части и умирать, пока толстая тетка кричит, мужчина в сером костюме блюет на свои ботинки, а человек в черном протискивается сквозь толпу.

И для одной половины его сознания так оно все и было.

Опять накрыла слабость. Джейк бросил пакет с завтраком на тротуар и как можно сильнее ударил себя по лицу. Какая-то женщина, проходящая мимо, как-то странно на него посмотрела. Джейк, однако, не обратил на нее внимания. Оставив свой завтрак лежать на асфальте, он шагнул на переход, не замечая надписи СТОИТЕ, которая вновь начала мигать на светофоре. Но это уже не имело значения. Смерть подступила к нему совсем близко... и прошла мимо, даже не оглянувшись. Так не должно было случиться – и на каком-то глубинном уровне своего сознания Джейк понимал это, – но так оно все и было.

Быть может, теперь он уже никогда не умрет. Будет жить вечно.

От этой мысли ему опять захотелось кричать.

6

К тому времени когда Джейк добрался до школы, в голове у него слегка прояснилось, и он погрузился в занятия, пытаясь убедить себя, что ничего не случилось, что все абсолютно нормально. Может быть, что-то такое, немного странное, и было, своего рода психическое озарение, мгновенный прорыв в одну из возможных будущих жизней, ну и что с того? Подумаешь, большое дело! Мысль в чем-то даже крутая – подобные штуки очень любят печатать в этих бульварных газетках, посвященных всему таинственному и потустороннему, которыми зачитывается Грета Шоу – но только тогда, когда она твердо уверена, что мамы Джейка нет дома, – изданиях типа «Национальный опрос» или «Внутреннее око». Только в этих газетках

подобные озарения всегда сродни боевому ядерному удару – женщине снится сон, что самолет, на котором ей предстоит лететь, разбивается, и она обменивает билет... или какой-нибудь парень видит во сне, что один ублюдок посадил его брата на иглу, и так оно и выходит на самом деле. Вот это действительно кое-что. Но когда этот психопрорыв связан со знанием того, какую песню будут играть по радио, что в блюмингдейловском пакете у толстой тетки лежит кукла, завернутая в красное полотенце, а уличный торговец собирается выпить бутылочку «Йо-Хо» – бутылочку, а не банку, – чего из-за этого так волноваться?

Забудь, – сказал он себе. – Все уже кончилось.

Хорошая мысль за одним небольшим исключением: на третьем уроке Джейк понял, что ничего не закончилось – все только еще начиналось. Он тихо-мирно сидел на уроке алгебры, смотрел на доску, где мистер Кноф решал простенькое уравнение, и вдруг с ужасом осознал, что память раздвоилась, разделившись на два не связанных между собой потока. Ему было странно воспринимать в себе эту новую цепь воспоминаний – точно смотришь на вереницу непонятных предметов, медленно проплывающих перед тобой по поверхности мутных вод.

Я нахожусь сейчас в месте, которого я не знаю. То есть я его узнаю... узнал бы, если бы тот «кадиллак» меня сбил. Это дорожная станция... но другой «я», находящийся там, об этом еще не знает. Он знает только то, что это где-то в пустыне и там нет людей. Никого. Я плачу там, потому что мне страшно. Я боюсь, что оказался в аду.

В три часа пополудни, когда Джейк пришел на Мид-Таун-лейнс, он выяснил, что на заднем дворе за конюшней есть действующая колонка, где можно попить. Вода была очень холодной, и в ней чувствовался сильный привкус минеральных солей. Вскоре он войдет в дом и обнаружит там в бывшей кухне скудный запас вяленого мяса. В этом он был уверен, как был уверен и в том, что торговец на углу возьмет бутылочку, а не банку «Йо-Хо» и что у куклы, выглядывающей из блюмингдейловского пакета, голубые глаза.

Он как будто вспоминал будущее.

В тот день Джейк выбил только две партии. Одну с результатом 96, вторую – 87. Тимми у себя за конторкой лишь мельком глянул на его лист, сложил его пополам и покачал головой.

– Сегодня ты, чемпион, что-то не в лучшей форме.

– Если бы вы только знали, – пробурчал Джейк.

Тимми присмотрелся к нему повнимательнее.

– Ты хорошо себя чувствуешь? А то ты и в самом деле какой-то бледный.

– Я, по-моему, болеваю. Где-то, наверное, подхватил заразу. – И Джейк не солгал. По крайней мере сам он был уверен, что что-то такое действительно подхватил.

– Придешь домой, сразу же ложись в постель, – посоветовал Тимми. – И пей больше жидкости, только ни с чем не мешай... джин, водка, в общем, сам разберешься.

Джейк улыбнулся.

– Наверное, так я и сделаю.

Он медленно поплелся домой. Вокруг него простирался Нью-Йорк в своем самом соблазнительном облике – теплый майский день, серенада предвечерних улиц, где на каждом углу – музыкант, деревья все в цвету, и у прохожих хорошее настроение. Джейк все это видел, но он видел и то, что таилось по ту сторону реальности: как он прятался в сумраке кухни, пока на заднем дворе человек в черном, точно оскаленный пес, жадно пил из колонки... как рыдал от облегчения, когда этот страшный черный человек – или, может быть, призрак – ушел, не заметив его... как забылся глубоким сном, когда село солнце и звезды зажглись, точно льдинки, в багровом небе пустыни.

У него был свой ключ. Закрыв за собой дверь их двухэтажной квартиры, Джейк сразу пошел на кухню, чтобы чего-нибудь съесть. Скорее по привычке, поскольку есть ему не хотелось. Он уже собирался открыть холодильник, как вдруг взгляд его остановился на двери в кладовую и внезапно Джейк понял, что дорожная станция – и весь тот, другой, странный мир,

которому он теперь принадлежит, там, за этой самой дверью. Всего-то и нужно перешагнуть порог и соединиться с тем Джейком, который уже существует там. И тогда память его перестанет двоиться... голоса у него в голове умолкнут, стихнет этот их бесконечный спор, умер он или нет сегодня в 8.25 утра.

Обеими руками Джейк толкнул дверь в кладовку, на лице у него заиграла уже улыбка радости и облегчения... и тут он замер на месте, услышав крик миссис Шоу, стоявшей на невысокой стремянке у дальней стены кладовой. От испуга она уронила жестяную банку с томатной пастой, которую только что сняла с полки. Банка грохнулась об пол. Миссис Шоу покачнулась, и Джейк рванулся вперед, чтобы успеть поддержать ее, пока она тоже не сверзилась на пол и не присоединилась к томатной пасте.

– Святые угодники! – задыхнулась она, схватившись за живот. – Как ты меня напугал, Джонни!

– Простите, я не хотел. – Он сказал это искренне, но это не значит, что он не был горько разочарован. Всего лишь кладовка. Вот так. А ведь он был уверен...

– А ты почему вообще здесь? У тебя же сегодня кегельбан! Я так рано тебя не ждала... еще час как минимум. У меня даже покушать тебе не готово, так что обеда сейчас не жди.

– Ну и ладно. Я все равно не особенно голоден. – Джейк поднял с пола банку, которую она уронила.

– Не сказала бы, если судить по тому, как ты сюда вломился, – проворчала миссис Шоу.

– Мне показалось, я слышал, как что-то скребется. Решил, чтомышь. Но это, наверное, были вы.

– Уж наверное, я. – Она осторожно слезла со стремянки и забрала у него банку. – У тебя что-то вид нездоровый, Джонни. Ты не гриппуешь, случайно? – Она потрогала его лоб. – Кажется, температуры нет, но это еще ничего не значит.

– Я, наверное, просто устал. – А про себя Джейк подумал: *Если бы только это.* – Вы не волнуйтесь. Попью чего-нибудь, посмотрю пока телевизор, и все пройдет.

Миссис Шоу неопределенно хмыкнула.

– Были сегодня оценки? Хочешь мне показать? Если да, то давай быстрее – мне еще обед готовить.

– Сегодня нет. – Джейк вышел из кладовой, взял в холодильнике банку содовой и ушел в гостиную. Включив «Обывателей Голливуда», он сел на диван и безучастно уставился на экран, а в голове у него продолжали звучать голоса и проявлялись новые воспоминания о том, другом, запыленном мире.

7

Папа с мамой и не заметили даже, что с ним творится что-то неладное, – а папа вообще пришел домой в полдесятого, – но Джейк был этому только рад. Он лег в постель в десять и еще долго лежал без сна, вглядываясь в темноту и прислушиваясь к шуму города за окном: визг тормозов, гудки автомобилей, завывание сирен.

Ты умер.

«Но как же я умер, когда вот он я – здесь, у себя в кровати, живой и здоровый?»

Это еще ничего не значит. Ты умер, и ты это знаешь.

Да, он знает. Но страшнее всего, что он знает и то, и другое.

Я не знаю, какой из двух голосов говорит сейчас правду, но одно я знаю точно: долго я так не выдержу. Так что умолкните оба. Прекратите немедленно и оставьте меня в покое. О'кей? Я вас очень прошу. Пожалуйста.

Но голоса не смолкали. Очевидно, они не могли замолчать. Джейку вдруг пришло в голову, что ему надо встать – *прямо сейчас* —

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.